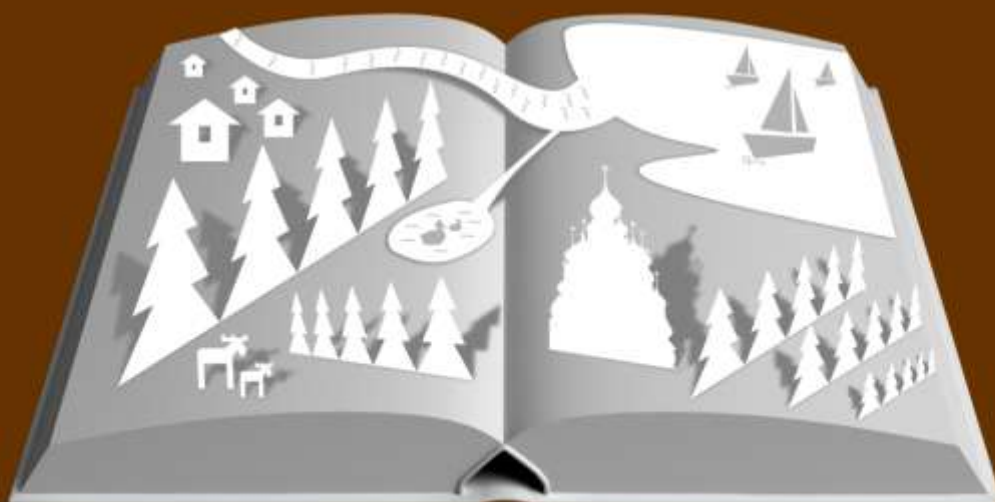

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы I научной конференции
(16 февраля 2007 г.)

Содержание

Раздел 1. Пленарные доклады	3
<i>Ягодкина В. А.</i> Отдел национальной и краеведческой литературы: страницы истории и современность	3
<i>Ершов В. П.</i> Краеведение в Республике Карелия	5
<i>Шафранская К. В.</i> Библиотечное краеведение в Советской Карелии в 1917–1927 гг.	9
<i>Абулатова Г. Г.</i> Местный компонент в творчестве писателя	14
<i>Сабанцев А. Н.</i> О судьбе личной библиотеки А. Ф. Шидловского	17
<i>Илюха О. П.</i> Круг чтения карельского крестьянина в конце XIX – начале XX вв.	19
<i>Кондратьев В. Г.</i> «Научение знанию книжному»: духовное образование в Олонецкой губернии	28
<i>Мамонтова Н. Н.</i> Топонимика и краеведение	36
Раздел 2. Библиотечная секция	40
<i>Неёлова М. Е.</i> Олонецкий губернский публичный библиотекарь	40
<i>Капуста Л. И.</i> Библиотеки Петрозаводска в первые годы советской власти (1918–1923)	41
<i>Филимончик С. Н.</i> Публичная библиотека Карелии в 1920–1930-е годы	45
<i>Змеевская М. А.</i> Состав фонда научно-справочной библиотеки Национального архива Республики Карелия	50
<i>Николаева Л. С.</i> Значение краеведческих библиографических изданий библиотек Европейского Севера в познании края	52
<i>Терпугова Т. В.</i> Из истории развития краеведческой библиографии Олонецкой губернии	58
<i>Дианова Е. В.</i> Учебная краеведческая литература для школьников Карелии	69
<i>Евстюхина В. А.</i> Гусаровские чтения в МУ «ЦБС» г. Петрозаводска: опыт краеведческой и исследовательской деятельности	75
<i>Некрасова Н. В.</i> Муниципальные библиотеки в контексте истории города Петрозаводска	78
<i>Сергеева Н. К.</i> Инновации в библиотечном краеведении	80
<i>Журавлёва Е. В.</i> «Чтобы в душе жила Надия»: заонежский диалект русского языка	82
Раздел 3. Историческая секция	84
<i>Мошина Т. А.</i> Олонецкие губернаторы: коллективный портрет	84
<i>Бабалык М. Г.</i> Древнерусский апокриф «Беседа трёх святителей» в рукописях, хранящихся в Петрозаводске	87
<i>Намятова Е. С.</i> Из истории благотворительности в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.	89
<i>Сподобаев А. В.</i> Марк Пименович Пименов – один из виднейших предпринимателей Олонецкой губернии первой половины XIX века	91
<i>Пашков А. М.</i> П. Н. Рыбников и переписи населения Петрозаводска 1863 и 1866 годов	92
<i>Калинина Е. А.</i> Из истории народных библиотек Карелии в конце XIX начале XX века: Эссойльской (Сямозерской) сельской библиотеке 100 лет	95
<i>Дианова К. А.</i> Карельское Поморье на страницах «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (1901–1911 гг.)	100
<i>Штыченко Е. Э.</i> Первая мировая война и перемены в повседневности Петрозаводска	104
<i>Осинов А. Ю.</i> Карельская национальная идеология в годы гражданской войны в Карелии	109
<i>Никулина Т. В., Киселёва О. А.</i> Печать Карелии в период «Зимней войны» и проблема формирования официальной и индивидуальной памяти	112
<i>Смирнова Е. П.</i> Образование Карело-Финской ССР и организация органов местного самоуправления в новых районах республики в 1940–1941 гг.	118
<i>Шарахаева Е. В.</i> Выступления сказителя Ивана Трофимовича Рябина (1890–1902 гг.)	120

Раздел 1

Пленарные доклады

*Ягодкина В. А.,
Национальная библиотека Республики Карелия*

Отдел национальной и краеведческой литературы: страницы истории и современность

Отдел краеведческой литературы был создан в 1922 году. Его формирование связано с именем Козьмы Филимоновича Филимонова (1855–1924), который подарил библиотеке свою коллекцию краеведческих изданий и был назначен библиотекарем отдела. К сожалению, к настоящему времени в библиотеке обнаружена только одна книга с владельческой надписью Филимонова – «Словарь областного Архангельского наречия», составленный Подвысоцким 1885 г., но известно, что всего было передано в дар библиотеке более 200 книг.

И. М. Никольский, директор Карельской Публичной библиотеки в те годы, писал в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Карело-Мурманский край» (№ 22 1926 г.): «Несмотря на свой преклонный возраст, Козьма Филимонович с энтузиазмом молодого человека принялся за организацию краеведческой библиотеки. Его первой задачей было собрать как можно больше краеведческих книг.

Учитывая, что разного рода краеведческая литература могла быть разбросана по справочным библиотекам при учреждениях или в разных “закоулках”, на чердаках и архивах, было удовлетворено ходатайство – разрешить Карельской Публичной библиотеке обойти эти учреждения, взять на учёт, или с согласия учреждения изъять ту или иную краеведческую литературу. Щедро шли навстречу своими дарами отделению гг. Нуортева, Буткевич, Гудожников, Поляков Н. В., Гершанович и др.».

К сожалению, К. Ф. Филимонов проработал в краеведческом кабинете недолго, не более двух лет. Он умер 11 июня 1924 года. В некрологе, помещённом в журнале «Краеведение» № 4 за 1924 год, писалось: «В течение последних лет он заведывал созданным им Отделением, ревностно оберегая собранную им литературу и пополняя её относящимися к изучению Карелии книгами». Таким образом, была проведена большая работа по формированию фонда краеведческой литературы.

После его смерти место заведующего краеведческим отделом занял бывший олонецкий учитель А. А. Васильев.

С 1925 года библиотека стала получать местный обязательный экземпляр, что позволило приобретать все местные издания, вышедшие в крае.

В 1926 году отделу было присвоено название «Центральная справочная библиотека», что, на мой взгляд, говорит о ведущей роли этого отдела в структуре библиотеки того времени.

В 30-е годы заведующим краеведческим отделением стал Иван Михайлович Никольский, который до этого был директором библиотеки, но подвергся так называемой «партийной чистке» и был снят с должности директора. С именем И. М. Никольского связано создание первой краеведческой библиографии «Книги о Карелии», до сих пор не утратившей своей актуальности. Рукопись этого труда сохранилась в двух экземплярах и имеется в отделе национальной и краеведческой литературы Национальной библиотеки и в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета.

В газете «Ленинское знамя» от 21 октября 1945 года появилась небольшая заметка, где говорилось о том, что в библиотеке вновь организован краеведческий кабинет.

С 1959 года Публичная библиотека Карелии стала выполнять функции Книжной палаты. В отделе был создан сектор государственной библиографии, ведущий государственный учёт всех местных изданий, выпущенных на территории республики. Начала выходить «Летопись печати Карелии». С 1995 года сектор был выделен в специальный отдел, который называется Книжная палата Республики Карелия.

Следует упомянуть некоторых библиотечных работников, которые в разные годы работали в отделе национальной и краеведческой литературы. С 1945 года работала в библиотеке Антонина Васильевна Войцеховская, с 1952 года – в отделе краеведения. С 1960 года заведующей отделом стала Горбачёва Новелла Николаевна. С 1963 по 1972 годы заведующей отделом краеведения и местной печати работает Нина Ивановна Горячева, с 1972 года она становится заместителем директора по науке. С 1972 года заведующей отделом краеведения работала Липкина Алма Матвеевна, с 1976 по 1986 годы – Такала Елена Ивановна.

Сегодня краеведение – приоритетное направление в работе Национальной библиотеки, отдел национальной и краеведческой литературы работает в тесном взаимодействии со всеми структурными подразделениями библиотеки.

К услугам читателей предоставлен фонд краеведческих изданий, который составляет более 67 тыс. изданий, среди которых более 1000 изданий на карельском языке, более 200 – на вепсском, и более 10 тыс. – на финском языках.

Пользователи библиотеки имеют возможность читать документы в полнотекстовой электронной библиотеке, в которой представлены тексты более 60 редких и ценных изданий, полнотекстовой базой Федерального Управления статистики по Республике Карелия «Карелиястат». Для библиографического поиска созданы электронные каталоги и сводные базы данных, а также система библиографических пособий по разнообразной тематике.

Гордостью отдела являются более 500 экз. редких, в том числе старопечатных, изданий. Среди наиболее интересных изданий – самая старая старопечатная книга, написанная местным сортавальским пастором С. Алопеусом: «Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии» 1787 г., книга академика Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» в нескольких изданиях, в том числе 1792 года и 1812 года. Представляет интерес и уникальное издание на карельском языке – «Евангелие от Матвея», изданное в Санкт-Петербурге в 1820 году и др. издания.

В составе книжного фонда – уникальная коллекция изданий «Калевалы» на разных языках. Среди ценных изданий – первое издание «Калевалы» на финском языке 1835 года. Кроме того, в состав коллекции входят переводы «Калевалы» на языки народов мира. Известно, что «Калевала» переведена на 59 языков, в библиотеке имеются переводы на 25 языках.

Уникален журнальный и газетный фонд отдела. В Национальной библиотеке хранятся «Олонецкие губернские ведомости», газета «Красная Карелия» с 1924 года, газета «Totuus», все районные газеты с начала их выхода и по сегодняшний день.

В 2000 году Национальная библиотека разработала программу «Память Карелии», направленную на сохранение документального печатного наследия Республики Карелия и расширение возможностей предоставления информации о республике. В рамках реализации этой программы создаётся электронный краеведческий каталог, представленный в Интернет и обеспечивающий бесплатный поиск информации по любой теме. На сегодняшний день в краеведческом электронном каталоге более 70 тысяч записей. Это не только информация о книгах, но и библиографические записи на статьи из сборников, журналов и газет.

Одна из задач программы «Память Карелии» – обеспечение доступности информации о краеведческих изданиях и документах. Она решается с помощью формирования системы библиографических пособий, раскрывающей ресурсный потенциал НБ РК и библиотек республики. Ежеквартально издаётся государственный библиографический указатель «Летопись печати Республики Карелия». С 2000 года издаётся информационно-статистический бюллетень «Печать Карелии», включающий библиографическую и статистическую информацию обо всех видах изданий, вышедших в республике. В 2002–2005 гг. изданы библиографические указатели, которые отражают тему изучения местной истории: «История, археология, этнография Карелии»; «Петрозаводск»; «Печать Олонецкой губернии»; «Библиотеки Олонецкого края XIV – начала XX вв.»; «Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов» и др. Ежегодно издаётся «Календарь знаменательных дат Карелии». В этом году впервые издан «Календарь знаменательных дат Карелии» на CD-диске. Используя базу записей, созданную для подготовки «Календаря знаменательных дат», еженедельно в газете «ТВР-Панорама» публикуется «Исторический календарь». Он содержит наиболее значимые, а также любопытные факты из истории края.

Ещё одно направление работы по программе «Память Карелии» – создание электронной полнотекстовой библиотеки, которой активно занимается отдел информатизации библиотечных процессов. Мы предоставляем для электронной библиотеки редкие краеведческие издания, делая их, таким образом, доступными для всего мирового информационного сообщества. Сейчас на сайте НБ РК можно увидеть полные тексты 67 редких и краеведческих изданий. Краеведческие издания из фондов отдела национальной и краеведческой литературы неизменно представлены в рейтинге самых читаемых изданий полнотекстовой электронной библиотеки. Например, в январе 2007 года самыми популярными изданиями были: книга «Олонецкая губерния: список населённых мест по сведениям 1873 года» (читалась 2514 раз) и «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год» (читалась 2548 раз).

В отделе бережно хранятся издания разных лет изданий, и создана комплексная система мер по сохранности документального наследия республики. Эта система включает в себя самые разные мероприятия: создание страховых копий документов на микрофильмах, реставрация изданий, создание правильного режима хранения, депонирование краеведческого фонда и другие специальные мероприятия.

В последнее время формируется новый подход к пониманию роли библиотек в обществе. Библиотеки ведут работу по изучению и сохранению истории края, традиций, составлению родословных известных фамилий и династий. Отдел национальной и краеведческой литературы на протяжении многих лет организует работу городского клуба «Краевед». В декабре 1988 г. по инициативе Карельского государственного краеведческого музея, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук и Национальной библиотеки Республики Карелия был создан городской клуб «Краевед». Объединить силы краеведов, дать им возможность поделиться своими знаниями, публиковать их материалы на страницах краеведческих сборников – такие задачи ставили перед собой организаторы клуба.

Члены клуба собираются, чтобы поделиться своими новыми находками, а также получить информацию из первых рук. Среди важнейших достижений клуба в 1990-е годы – расширение круга тем, ранее считавшихся идеологически необоснованными, запретными: генеалогия дворян и купцов, история церковной жизни, трагедия сталинских репрессий, благотворительность и меценатство. На основе исследований, подготовленных членами клуба, вышло 3 сборника «Краевед».

Рекордное количество участников отмечено на первом заседании клуба 24 декабря 1988 г. – более 200 человек. Тема его была «Беломорско-Балтийский канал: история строительства». С сообщением выступил Иван Иванович Чухин, автор книг «Каналоармейцы»; «Карелия – 37: идеология и практика террора». Для многих факты, сообщённые тогда докладчиком, стали откровением.

Люди – главное богатство клуба. Среди его членов – множество незаурядных личностей: преподавателей, учёных, студентов, музейных работников, библиотекарей.

Членами клуба являются не только петрозаводчане, но и краеведы из других городов Карелии. Среди них учитель истории из г. Пудожя Александр Григорьевич Костин, Герус Яковлевич Пудышев – учитель физики из г. Кондопоги.

Долгий срок не просто существования, но и активной творческой работы клуба уникален. Отношения, сложившиеся между краеведами и руководством библиотеки, взаимовыгодны. Клуб получает в своё распоряжение помещение библиотеки, её фонды, творческую и техническую помощь. С другой стороны, результаты работы общественного содружества повышают авторитет библиотеки, дают возможность раскрыть её кадровый потенциал. Активисты клуба «Краевед» – неперенные участники других мероприятий, проводимых библиотекой: презентаций книг, открытий выставок.

На протяжении многих лет отдел национальной и краеведческой литературы Национальной библиотеки успешно сотрудничает с Карельским государственным краеведческим музеем, Карельским научным центром, Музеем изобразительных искусств Карелии, музеем «Кижи», Министерством по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями и др.

Сотрудничество с различными организациями республики содействует выполнению роли библиотеки как центра сохранения и изучения местной истории.

Ершов В. П.,

Карельский государственный педагогический университет

Краеведение в Республике Карелия

Краеведение – общественное движение по всестороннему изучению какой-либо части страны (административного или природного района, населённого пункта) главным образом силами местного населения. По форме организации краеведение может быть государственным (научные учреждения, музеи), школьным и общественным (силами самодеятельного населения). Уже в родоплеменном обществе наблюдается донаучная деятельность, направленная на изучение территории обитания – рельефа, водной системы, природных ресурсов (растительного и животного мира, ископаемых), звёздной карты неба. Со временем познавательная активность индивидуализировалась. История сохранила лишь некоторые имена: Иона Соловецкий, учёный монах-книжник и путешественник (XVI в.), Фёдор Чудинов (монах Феодорит?), попытавшийся создать алфавит карельского языка (XVI в.), Геннадий Гонов (новгородский архиепископ Геннадий из валаамских монахов, гонитель ересей и знаменитый писатель кон. XIV – нач. XV вв.), рудознатцы и добровольные помощники столичных учёных, изучавших Олонецкий край: государственные крестьяне Андрей Васильев и Максимов (д. Челсалмы), Ефим Лысов и Алексей Антонов (д. Сондал и Ключина Гора), безымянные крестьяне Тубозерской волости, открывшие Пергубские рудники,¹ крестьянин Воицкой волости Тарас Антонов, мунозерец Иван Кушников, Иван Ребоев, Полушкин, шунжанин Игнатий Федосеев, кижские крестьяне Антон Иванов и Михаил Бабушкин, крестьянин из Тивдии Иван Григорьев и купец Мартьянов, приказчик М. Е. Аникеев, подьячий Е. Иванов, жители Олонца – посадский человек Сенька Горбов (искал серебряную руду, 1661–62), капитан-лейтенант И. А. Пыхтин, Е. М. Прилежаев, купец Барсуков и мещанин И. Кондратьев, член Вольного экономического общества пастор С. Алопеус, купцы Мартьянов и И. Ф. Редуев (см. Исследователи и путешественники). Краеведение начинает формироваться в Карелии в конце XVIII в. Одним из ярких представителей краеведения этого времени является Т. В. Баландин, учитель частной школы, автор многочисленных краеведческих публикаций – исторических, фольклорных, поэтических. Изучение края проводилось и чиновниками по долгу службы: генерал-губернатором Т. И. Тутолминым, правителем Олонецкого наместничества Г. Р. Державиным, вице-губернатором С. Н. Зиновьевым, офицерами и чиновниками горнозаводского ведомства: В. И. Рожковым, А. С. Ярцовым, А. А. Фуллоном, П. А. Лопатинским, П. Е. Холостовым, В. П. Мегорским, В. Ф. Поляковым, Н. Ф. и К. Бутеневыми, подполковником К. И. Швабе. (см. Исследователи и путешественники). Краеведческий материал содержали древние летописи (Повесть временных лет, Новгородская, Лаврентьевская), берестяные грамоты, рукописи, иконы, произведения декоративно-прикладного искусства, «Писцовые книги», «Летописец Соловецкий... с 1429 по 1833 г.», фонды местных органов административного управления (Олонецкие наместничества, канцелярии олонцкого губернатора, губернского правления, документы земских судов и т. д.), материалы всеобщей переписи населения. Развитие краеведения находилось в прямой связи с экономическим и культурным прогрессом в крае.

¹ Фролова Г. И. К вопросу о технологии Выговского (поморского) медного литья // Русское медное литьё. Вып. 2., М., 1993. С. 59.

В 1805 г. в Петрозаводске открылась губернская типография, в 1808 г. – мужская гимназия, многие из преподавателей и выпускников которой были краеведами (см. Краеведение школьное). С созданием в крае Олонецкой епархии (1828) и открытием Олонецкой духовной семинарии (1829) в краеведческих исследованиях принимают участие высшее духовенство (архиепископы Игнатий (Семёнов), Мисаил, епископы Никодим, Киприан, Серафим, Феофан Затворник, иеромонах Исаакий), преподаватели семинарии, миссионеры и приходские священники. Священнослужители фиксировали остатки древних верований, обряды, обычаи, праздники, народные традиции, способы лечения, записывали фольклорные тексты, вели метеонаблюдения, собирали коллекции и т. д. (А. Преображенский, В. Пидьмозерский, И. Машезерский, А. Тихомиров, А. Благовещенский, В. Островский, Н. Георгиевский, Н. Тялшинский, Ф. Ладвинский, Стефан Ржановский). Известно имя Тихона Васильева – шихтмейстера, одного из первых краеведов, автора обстоятельного краеведческого описания «Историческое краткое сведение о состоянии доселе бывшего и нынешнего положения города Олонца и о прочем» (1820-е гг.). Неоценимую роль сыграли «Олонецкий губернский статистический комитет» (1835), «Олонецкие губернские ведомости», «Прибавления к ним» и «Указатели статей и заметок», напечатанные в неофициальной части этой газеты, составленные краеведом и историографом К. М. Петровым (с 1838 по 1885) и изданные статкомитетом отдельными книгами (П., 1871, 1886) и в виде ежегодных приложений в первых номерах газеты каждого нового года. С 1895 по 1900 гг. составителем «Указателей...» был К. С. Еремеев. После 1905 г. выход этого издания прекратился. С редакцией «Олонецких губернских ведомостей» связано издание «Памятных книжек Олонецкой губернии» (за 1866–1916 гг.). Как и другие аналогичные журналы, ОГВ публиковали «Программу для ведения летописей в церквях Олонецкой епархии», в которой сельским пастырям предлагалось собирать краеведческую информацию. С середины 1850-х гг. вокруг газеты формируется кружок краеведов, в котором важнейшую роль играет секретарь статкомитета А. И. Иванов, действительный член общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ, перу которого принадлежат более 100 краеведческих публикаций, за активную краеведческую деятельность награждён Золотой медалью. Появление в XIX в. таких изданий, как «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» (авт. В. А. Дашков. СПб., 1841), «История Олонецкой губернии» (П., 1859), «Олонецкая губерния. Список населённых мест по сведениям 1873 г.» (СПб., 1879), «Олонецкий край» (авт. А. Соборнов. П., 1895), «Олонецкий край и его естественные богатства» (авт. Д. П. Ягодкин. П., 1897), «Олонецкий край» (СПб., 1898), «Олонецкий сборник» (или «Материалы для истории, статистики и этнографии Олонецкого края»), 4 выпуска которых (1876, 1886, 1894, 1902) выполнил Олонецкий губернский статкомитет (авт. и ред. А. И. Иванов, И. И. Благовещенский), способствовало формированию общественного мнения о ценности исторической памяти, пониманию необходимости систематического изучения края, сохранению природы, памятников истории и духовной культуры народа. Краеведческими источниками также были: «Архангельские губернские ведомости», журнал «Известия Архангельского общества изучения русского Севера», «Архангельские епархиальные ведомости», журналы Министерства Внутренних Дел (ЖМВД), «Министерства Путей сообщения» (ЖМПС), «Министерства народного Просвещения (ЖМНП), «Министерства Государственного имущества» (ЖМГИ), «Правительственный вестник», «Сын отечества», «Русская старина», «Горный журнал», Этнографические сборники РГО, в которых были опубликованы работы по истории, экономике, быту карельского и поморского населения. Значительный вклад в развитие краеведения внесли политехники: С. А. Раевский (1837–1839), страстный краевед и патриот, стоявший у истоков карельского краеведения; поэт-декабрист Ф. Н. Глинка (1826–1830), петрашевец А. П. Баласогло (1849–1851), П. Н. Рыбников, П. П. Чубинский («Статистико-экономический очерк Корелы», 1866), П. С. и А. Ефименко («Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии», 1877); Ивановская Е. С., будущая жена В. Г. Короленко, изучавшая растительный мир; исследователь народной культуры Севера – Г. Цейтлин (нач. XX в.) и др. Немало сделали для изучения Пудожского края, истории монастырей каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков, пудожский священник Иоанн Георгиевский. В связи с ростом этнического самосознания карел в середине XIX в. из их среды начинают выдвигаться люди, интересующиеся историей, культурой, этнографией своего народа. Среди таковых: карел из Святозера, учитель духовной семинарии, писатель, фольклорист, этнограф, член РГО Н. Ф. Лесков, награждённый серебряной медалью РГО «За полезные труды»; выходец из карел Е. И. Тихонов (Тиханов), юрист, просветитель и краевед, член РГО, деятельность которого была направлена на создание карельской азбуки, издание карело-русских учебников и книг на карельском языке, развитие самобытности приладожских карел, Иван Кондратьев, изучающий карельскую топонимику. С 1830-х гг. активизируется выставочная деятельность, положившая начало музейному делу. Первый губернский музей был создан в 1839 г., в это же время начали формироваться коллекции Горного музея, организация которого обязана начальнику Олонецких горных заводов Н. Ф. Бутеневу (в 1917 г. вошли в экспозицию музея Общества изучения Олонецкой губернии). С деятельностью Олонецкого статкомитета и губернатора Г. Г. Григорьева связано создание в 1871 г. естественно-промышленного и историко-этнографического музея (ныне Карельский государственный краеведческий музей). В 1914 г. с целью возрождения золотой вышивки и вязания по пуху в с. Сумпосад открылся музей со школой вышивальщиц (просуществовал до Первой мировой войны). В 1900 г. создан Музей церковных ценностей (с 1903 г. Олонецкое епархиальное древлехранилище, с 1918 г. Церковно-исторический музей, заведующий священник Д. В. Островский). Бурный всплеск интереса к своему прошлому затронул православных краеведов, внесших определённый вклад в собирание и изучение памятников православного искусства и истории: публикации в газетах, журналах, книгах письменных источников, памятников,

наблюдений, создание Олонецкого епархиального историко-археологического комитета и древлехранилища (Д. Островский, Я. С. Елпидинский, Н. Е. Звероловлев, П. Кудрявцев, А. Пономарёв, А. Малиновский, А. Казанский, А. Воскресенский, П. Т. Мегорский, В. С. Ржановский, преподаватель Петрозаводского духовного училища А. П. Максимов и др.). Краеведческая и издательская деятельность второй половины XIX в. была тесно связана с земской интеллигенцией, которая пристально вглядывалась в жизнь народа: изучала его жизнь, кустарные промыслы, обычаи, состояние образования, памятники культуры, искусство, фольклор. Интерес к древностям выразился в собирании археологических коллекций (Н. Ф. Бутенев, А. М. Раевская, П. Н. Рыбников, Е. В. Барсов, П. И. Лерх и мн. др.). Можно сказать, что с последней четвертью XIX в. в Олонецкой губернии складывается устойчивое краеведческое направление, в русле которого происходит собирание, изучение и публикации фольклора и эпоса (Е. В. Барсов), исследования в области истории, географии, геологии, статистики, этнографии, связанные с именами таких замечательных краеведов как И. К. Чудинов; историк и библиограф К. М. Петров; А. П. Воронов, Н. С. Шайжин – уроженец Пудожского края, автор более 30 краеведческих публикаций; А. К. Гинтер – провизор, смотритель госпиталя, лесничий, путешественник, заведующий историко-этнографическим музеем; П. Швед – преподаватель олонекской гимназии, первооткрыватель «Бесовых следков»; известные краеведы А. И. Иванов, И. И. Благовещенский, В. И. Крылов, В. Ф. Лысанов, предприниматель и общественный деятель В. Д. Лысанов («Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье» Петрозаводск, 1916), горный инженер П. Е. Холостов, И. Крылов, губернаторы Г. Г. Григорьев, А. Ф. Шидловский; старший чиновник при Олонецкой губернии Ф. Шелюков; исправник М. Н. Чаплинский; чиновник по ведомству внутренних дел С. А. Приклонский («Народная жизнь на Севере», 1884); этнограф и лингвист И. Г. Куликовский; фольклорист из Сумпосада И. М. Дуров; М. С. Геттоев; В. И. Заозерский, В. К. Кузнецов и др. В конце XIX – начале XX вв. издавались «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1918), «Вестник Олонецкого губернского земства» (1906), «Олонецкое утро», «Олонецкая неделя», корреспондентами которых были земский учитель П. К. Успенский, замечательный педагог М. Д. Георгиевский (1906–1918), крестьяне Н. Матросов из с. Кузаранда и А. Назаров из с. Шуньга, «Карельские известия» финляндского отделения Карельского православного братства (1913), «Православный финляндский сборник», православное издание на финском языке «Aamun Koitta» («Рассвет») (1910–11); продолжались краеведческие публикации: «Олонецкий край» (СПб., 1904), «Очерк горнозаводского дела в Олонецкой губернии» (авт. Б. Н. Михайлов. П., 1913), «Олонецкая художественная старина» (авт. А. Копятевич. П., 1914), «Геологический и орографический очерк Олонецкой губернии и естественно-исторические районы Ея» (авт. И. А. Кищенко. П., 1915), «Старинные медные и свинцовые рудники в Олонецкой губернии» (авт. Л. Мошанский. П., 1916), «Озерные руды Олонецкого края» (авт. М. Б. Едемский. П., 1917), «Очерк геологии и полезных ископаемых Олонецкой губернии» (авт. П. А. Борисов. П., 1917), статистический справочник «Олонецкая губерния» (ред. В. Бузин. П., 1913) и др. В 1913 г. создано Общество изучения Олонецкой губернии (пред. А. Ф. Шидловский), в котором состояло около 400 действительных членов, при нём журнал «Известия Общества изучения Олонецкой губернии» (ред. В. И. Крылов), библиотека (6 тыс. книг), музей (зав. В. И. Иванов), с 1914 г. объединяется с естественно-промышленным и историко-краеведческим музеем, в собирании экспонатов принимали участие самые широкие слои населения губернии. 1920-е гг. были временем расцвета краеведческого движения, руководство которым осуществлялось АН (до 1925). В рамках Академии был создан главный орган краеведческого движения – Центральное бюро краеведения. В 1921 г. состоялась Первая Всероссийская конференция по краеведению. В 1923 г. на базе Общества изучения Олонецкой губернии было создано Общество по изучению Карельской трудовой коммуны, при нём журнал «Известия» (пред. Л. Г. Гершанович, член правления В. И. Крылов, члены Б. А. Потапов, А. Н. Лесков и мн. др.). Выходил журнал «Карело-Мурманский край» (1924–35), в 1920-е гг. издавались: газета «Известия Олонецкого губернского совета» (с 1919 г. «Олонецкая коммуна»), журнал «Известия Олонецкого губернского отдела народного образования» и др. В 1926 г. состоялся Первый краеведческий съезд Северо-Запада, в 1927 г. – Третья Всероссийская конференция, в 1930 г. – Четвёртая, которые определили задачи широкого вовлечения в краеведческое движение школьников и студентов и изучения производительных сил регионов. В 1928 г. естественно-промышленный и историко-этнографический музей переименовывают в Государственный краеведческий музей (директор С. А. Макарьев), при нём – бюро краеведения и экскурсионное бюро (руководитель С. А. Макарьев), в задачу которого входила пропаганда Карело-Мурманского края. При музее работает литературный кружок (1929–1930 гг., А. М. Линеvский), членами которого были начинающие местные поэты и писатели (И. Петровский, А. Фокин, Ялмар Виртанен, Н. Калинин, С. Норин и др.). Кружок выпускает юбилейный сборник «К 10-летию Советской Карелии (1920–1930)». Музей публикует «Ежегодник Карельского краеведческого музея», справочник для туристов «По Советской Карелии» (1931), сборники «Вопросы краеведения в Карелии» (1931), «Краеведение в Карелии на новом этапе» (1933) и др. В 1931 г. создаётся Карельский научно-исследовательский (комплексный) институт (директор Э. А. Гюллинг), при котором начинает работу бюро краеведения, объединившее увлечённых краеведов (И. М. Дуров, С. А. Макарьев, А. Н. Нечаев, Н. Н. Виноградов, В. Я. Евсеев), библиотека, заповедники «Кивач», Кандалакшский гагачий, Бесов нос, издательский отдел. Бюро планировало издание справочного пособия «Вся Карелия», которое так и не увидело свет, как и готовившаяся «Карельская энциклопедия». Краеведы разрабатывали новое направление – фольклорный туризм (знакомство туристов с рунами, былинами, сказками). В 1926 г. в Медвежьегорском районе работала комплексная экспедиция Ленинградского института истории и искусств под руководством профессора К. К. Романова, собравшая

ценные материалы по народной деревянной архитектуре, фольклору, декоративному искусству. В 1931 г. эту работу продолжили исследователи из Ленинградского государственного университета. В 1929 г. в Прионежском районе работал отряд Карельской комплексной этнологической экспедиции Государственного этнографического русского музея под руководством профессора Д. А. Золотарёва. В 1934 г. Карелия участвует в выставке, организованной Управлением дворцов и парков Ленсовета (С. А. Макарьев), на которой посетители могли ознакомиться с краеведческой литературой и изданиями местной периодической печати. Репрессии 1937–1938 гг. (С. А. Макарьев, Н. Н. Виноградов и др.) и Великая Отечественная война остановили развитие краеведения в стране и Карелии. В научном архиве Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского научного центра хранится дело известного краеведа, научного сотрудника КНИИ (1932–1937) – Н. Н. Виноградова, одарённого исследователя Карельского края, жизнь которого, как и С. А. Макарьева, А. Н. Нечаева, Н. В. Хрисанфова, Э. А. Хапалайнен оборвалась в 1937 г. Новый этап начинается в 1960–70-е гг. Это время активного освоения духовных богатств края, сбора, изучения, публикации материалов, благодаря которым Карелия предстала как уникальный природный и культурный регион, сокровищница архитектурных памятников, народного искусства, иконописи. Складываются краеведческие школы в Пудожье, Кондопоге, Медвежьегорске. Развивающийся в эти годы туризм стимулировал открытие музеев, выпуск краеведческой литературы. В эти годы созданы Музей изобразительных искусств (1960), архитектурно-этнографический музей-заповедник «Кижи» (ныне Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (1966), Валаамский историко-архитектурный музей-заповедник (1979), а также районные музеи: Олонецкий (1959, И. Г. Прилукин), Пудожский (1960, А. Ф. Кораблёв), Беломорский (1961, К. К. Игнатьев), Медвежьегорский (1962, В. П. Ершов), Шелтозерский вепсский этнографический (1967, Р. П. Лонин), Сегежский, Кемский (И. Ф. Семёнов, В. С. Баркин, Г. Сонников), Питкярантский им. В. Ф. Себина, Калевальский, Костомукшский, позже – в 1992 г. – региональный музей Северного Приладожья им. Т. А. Хакарайнена в Сортавала, Кондопожский (1984, С. В. Шежемский), много ведомственных и школьных (Музей истории и трудовой славы судостроительного завода «Авангард», Музей революционной, боевой и трудовой славы Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината, Музей народного образования, Музей истории «Онежского тракторного завода», Музей почты, Музей боевой славы Карельского фронта, Музей художника Лео Ланкинена в пос. Тикша Муезерского района.) Значение этих музеев трудно переоценить. Учёные рассматривают их как центры по всестороннему изучению края, а также как просветительные учреждения. К концу 1980-х гг. в республике было более 100 музеев на общественных началах, которые сыграли большую роль в пропаганде культурного наследия края, формировании интереса к его истории, людям и развитию туризма. Исследования учёных стали научной базой для общественного краеведения. Издавались популярные книги, учебники, организовывались совместные экспедиции, краеведческие объединения (Малая лесная академия, К. А. Андреев), школьные лесничества, телевизионный клуб юных краеведов (1975–1982, В. П. Ершов). Важное значение для краеведения имела деятельность издательства «Карелия», республиканских архивов, СМИ, отдела национальной и краеведческой литературы Национальной библиотеки Республики Карелия, фонды которого насчитывают более 50 тыс. книг. Широкий размах приобретают такие формы общественного краеведения, как изучение истории предприятий, учебных заведений, военных операций армейских подразделений и партизан в годы Великой Отечественной войны, движение «Поиск». Закладываются основы школьного, экологического, педагогического, литературного краеведения. Начинает складываться система районных краеведческих конференций (Кондопожский, Пудожский, Сегежский, Олонецкий районы) и Республиканских музеев «Кижи», «Краеведческого музея», Музея изобразительных искусств (МИИРК), Национальной библиотеки, и, соответственно, выпуск краеведческих сборников: «Рябининские чтения» – 1995, 2000, 2003, 2007; «Вестники Карельского краеведческого музея» – 1991, 1992, 1996, 2001, 2002, 2006, 2007; «Краевед Карелии» – 1990, 1999, 2007. XXI век стал временем межрегиональных конференций музеев Севера в изучении культурного и исторического наследия (краеведческие конференции музеев гг. Каргополя, Петрозаводска, Вологды, Владимира, Архангельска, Кенозерского и Водлозерского парков, научных учреждений Санкт-Петербурга и Москвы). Краеведческая тематика занимает значительную часть проводимых в республике отраслевых научных конференций («Своё» и «чужое». ПГУ. 2001, 2003, 2007; «Традиции образования в Карелии». 1995; «Выговская поморская пустынь и её значение в истории русской культуры». ПГУ. 1994; «Выговская поморская пустынь и её значение в истории России». ПГУ. 2003; «Женщина в старообрядчестве». ПГУ. 2006; «Православие в Карелии». 2000, 2003, 2007; «Педагогический ВУЗ в XXI веке». КГПУ. 2002; «XXI в. на пути к Ключеву». КНЦ. 2006 и др. Начиная с 60-х гг. общественное краеведение выдвинуло ряд активных краеведов – как практиков, так и теоретиков этого направления: П. В. Иванов, И. М. Мулло, С. М. Лойтер, Н. Г. Прилукин, А. Ф. Кораблёв, К. Я. Игнатьев, С. В. Шежемский, Г. Сонников, Р. П. Лонин, В. П. Ершов, Е. М. Епштейн, Е. П. Еленевский, Т. А. Хакарайнен, В. А. Рунов, Х. О. Инно, А. Т. Беляев, В. Г. Опарин, А. С. Гордиенко, В. А. Карелин, А. И. Мошин, А. Г. Костин, В. Н. Смирнов, Б. П. Фофанов, В. Н. Верхоглядов, Ю. П. Власов, Л. В. Шилова, М. Л. Гольденберг, Т. А. Мошина, Л. И. Капуста, А. М. Пашков, С. А. Агапитов, Е. Г. Нилон, В. Семёнов, Н. А. Кутьков, Е. О. Тумаш, С. И. Колтырин, Н. П. Новикова, Т. Давыдова, Г. Я. Пудышев, Л. Л. Нейкен и мн. др.

Литература

1. Пименов В. В. Карелия глазами путешественников и исследователей / В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. – Петрозаводск, 1969.
2. Семёнов В. Б. Об одном забытом музее и его создателе // Учащимся о религии и атеизме. – Петрозаводск, 1989.
3. Капуста Л. И. Из истории музейного дела в Карелии // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1992.
4. Паишков А. М. Заонежье глазами путешественников начала XX в. // Рябининские чтения' 95. – Петрозаводск, 1997.
5. Паишков А. М. Карелы глазами русских исследователей и краеведов Олонецкой губернии XIX в. // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. – Петрозаводск, 2001.
6. Мошина Т. А. Сказитель из Космозера Иван Касьянов // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. – Петрозаводск, 2000.
7. Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2000.
8. Лойтер С. М. Судьба фольклорного краеведения Карелии // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. – Петрозаводск, 2001.

Шафранская К. В.,
Петрозаводский государственный университет

Библиотечное краеведение в Советской Карелии в 1917–1927 гг.

Начиная с 1990-х гг. отечественные учёные стали больше внимания уделять локальным исследованиям, при этом на первое место выходит краеведческая проблематика. Область деятельности краеведа необычайно широка, от изучения общественного самосознания и культурного опыта провинции до осознания закономерностей развития истории в целом через выявление своеобразия в местной истории.

Организационное оформление краеведения в России относится ко второй четверти XIX в. и связано с созданием губернских статистических комитетов. Официальная традиция Карельского краеведения восходит к 1913 г., когда появилось ОИОГ¹, объединившее знатоков местной истории, археологии и этнографии. С тех пор и по настоящее время, «продукты» краеведческих поисков неизменно сосредотачиваются в учреждениях, по праву называемых сокровищницами местной культуры – в музеях, архивах и библиотеках.

Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы попытаться проследить характер формирования и развития библиотечного краеведения в Карелии в период 1920-х гг.

Хронологические рамки обусловлены тем, что возникновение традиции Карельского библиотечного краеведения приходится на первое десятилетие Советской власти, которое, в свою очередь, совпадает с уникальным явлением в научной и культурной жизни страны, известным как «золотое десятилетие» краеведения². Необходимо отметить, что 1920-е, 1930-е гг. являются базовым периодом формирования основ Советской культуры, Советской идентичности. Исходя из поставленной цели, следует ряд задач: во-первых, кратко охарактеризовать исторический контекст, т. е. ту обстановку, которая повлияла на формирование библиотечного краеведения в нашей республике на момент 1917 г. В этой связи представляется важным рассмотреть ситуацию с народным образованием, уровнем развития библиотечной сети и др. Во-вторых, следует изучить вклад Карельской Публичной библиотеки³ в дело развития библиотечного краеведения, в частности, осветить сюжет, связанный с образованием краеведческого отдела. В-третьих, нужно отметить вклад краеведческого отдела в развитие массового краеведческого движения в КАССР⁴ в указанный период. Для решения данных задач обратимся к опыту и исторической стилистике периода 1920-х, 1930-х гг. В качестве методологической основы применим принцип историзма, понимаемый как необходимость освещать те или иные события в контексте соответствующей исторической эпохи, по возможности, беспристрастно, освобождаясь от влияния идеологических клише.

В начале 1920-х гг. знатоки и энтузиасты изучения нашего края испытали, как тогда говорили, «великую потребность» в краеведческой литературе. Развитие библиотечного дела в Карелии шло медленно. Накопившиеся за годы революции материалы, не говоря уже о дореволюционных, требовали хотя бы самого

¹ Общество изучения Олонецкой губернии (1913–1918 гг.).

² Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. С. 11–27.

³ Карельская Публичная библиотека с 1925 г., до этого Губернская библиотека-читальня (с февраля 1919 г.).

⁴ Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика.

первичного, неотложного учёта, систематизации и освоения. Существующие литературные богатства в большинстве случаев были малоизвестны не только населению, но и многим специалистам. Перспективы развития библиотечной отрасли современники описываемых событий оценивали примерно так: «В обществе более или менее здравого понимания литературного вопроса не сформировалось не только в 1923, но и в 1928, и даже в 1933 г.»⁵.

Вопросы библиотечного строительства⁶ очень волновали прогрессивную общественность Карелии. Лейтмотивом библиотечного дела 1920-х и 1930-х гг. стала комплексность, понимаемая не только как работа по пополнению фондов библиотеки, хранению, пропаганде книг, обслуживанию читателей, но и как проведение культурно-массовых мероприятий, в частности, организация различных кружков, клубов, союзов с целью привлечения внимания читателей. И сегодня справедливо отметить, что многоплановость или комплексный характер библиотечной работы является неперенным залогом успешного развития библиотечного краеведения⁷.

К концу 1917 г. в Олонецкой губернии функционировало 77 библиотек. За год каждая библиотека выдавала для прочтения более 3000 книг, в среднем по 250 книг в месяц. Больше всего библиотек приходилось на Петрозаводский уезд – 13, второе место делили Каргопольский и Вытегорский уезды – по 11 библиотек в каждом, в Олонецком уезде функционировало 10 библиотек, в Пудожском и Повенецком – по 9, в Лодейнопольском – 8⁸. В Лодейнопольском уезде при общем количестве жителей обоого пола более 54000 человек⁹ на 1 библиотеку приходилось более 6700 читателей.

Проблемы у всех библиотек Олонецкой губернии были одинаковы, отметим основные: теснота и непригодность помещений, скудное финансирование, нехватка квалифицированных кадров, вследствие чего часто неумелая постановка библиотечного дела. Попечительский совет, собиравшийся 1 раз в год, с трудом мог решить все существующие проблемы. Подавляющая неграмотность местного населения также не добавляла позитива в описываемую картину¹⁰.

После 1917 г., когда перед Советским правительством встала задача культурной модернизации национальных окраин, значение библиотеки в общественной жизни резко возросло. Новая власть возвела печатное слово на небывалую высоту, – «в руках партийной организации газета становится мощным оружием критики и самокритики, пламенным пропагандистом всего нового, передового, самым сильным средством идейного воздействия на сознание народа...»¹¹. В библиотеке рядовой Советский гражданин, рабочий, колхозник или красноармеец мог не только ознакомиться с содержанием разнообразных книг, газет и журналов, но и приобщиться к современной культуре. Посещение библиотеки становится популярным, книга в руках входит в разряд неперенных атрибутов формирующегося класса молодой Советской интеллигенции. В период 1920-х гг. книга, несущая знания, наряду с партийным билетом являлась своеобразным пропуском в новый мир строителей коммунизма.

Первые библиотекари Советской Карелии, как правило, не имели специального образования, являясь либо учителями, либо лицами низшего духовного звания, например псаломщиками. Степень подготовки большинства из них ограничивалось начальной и средней школой, в лучшем случае педагогическими курсами. Из 68 библиотекарей Олонецкой губернии всего 1–3 человека окончили Духовную семинарию, что приравнивалось к получению высшего образования.

От личности библиотекаря во многом зависела заинтересованность населения в чтении. Так, в идеале, целями и задачами библиотеки являлось, прежде всего, «приохотить» человека к чтению, развить в нём любовь к книге. Опытный библиотекарь мог не только без труда найти нужную книгу, но и умел посоветовать посетителю чтение, подходящее именно его возрасту и интересам. В 1917, 1918, 1919 гг. в среднем наиболее популярными среди населения Карелии видами чтения были: на I месте художественная литература, на II месте историческая литература, на III месте журналы и справочники, далее шли книги по географии и путешествиям, религиозно-нравственные издания, природоведение, книги по сельскому хозяйству и ремёслам замыкали список популярности¹². Таким образом, правомерно отметить следующее: население Карелии, в суровые революционные годы выбиравшее беллетристику, шло в библиотеку скорее не за новыми знаниями, а за атмосферой сказки и мечты. Традиционно, число читающих мужчин в два раза превышало число читающих женщин, и, конечно, главный контингент библиотек традиционно составляли подростки, учащиеся.

О довольно тяжёлом положении районных библиотек в начале 1920-х гг. свидетельствует множество заметок в республиканских газетах и журналах, относящихся к этому периоду и повествующих о бедствиях той

⁵ Шлеймович С. О библиографической работе в Карелии // Краеведение Карелии на новом этапе. Петрозаводск, 1933. С. 81–82.

⁶ «библиотечное строительство» – выражение взято в рамках стилистики 1920-х гг., аналогично «архивное строительство», «музейное строительство» и т. п.

⁷ Щерба Н. Н. Библиотечное и библиографическое краеведение. М., 1995. С. 37.

⁸ Альбова А. П. Краткий обзор библиотечной деятельности в Олонецкой губернии в 1917 г. // Известия Олонецкого губернского отдела народного образования. № 7–8, С. 74–75.

⁹ Данные переписи за 1913 г.

¹⁰ Окончательно неграмотность в Карелии была ликвидирована только к 1941 г.

¹¹ Тогатов С. Боевая трибуна. Из опыта работы стенной печати КАССР. Петрозаводск, 1956. С. 5.

¹² Альбова А. П. Краткий обзор... С. 80.

или иной библиотеки. Приведём фрагмент из заметки о состоянии Паданской библиотеки, опубликованной в газете «Карельская коммуна» за 1923 г.: «Вхожу в библиотеку, от удивления пересказать не хватит и умения. Книги валяются на полу, во всём беспорядок, ни отделов, ни бланков, шкафы открыты. В книгах нет ни начала ни конца, или середины нет, а конец и начало есть. Навожу справку, а сидящая женщина отказывается отвечать, говоря: “Я не заведующая. Она уехала в Петрозаводск месяца на два, а книги остались в таком виде от неё!” Рассматриваю всё кругом. Везде пыль и грязь...»¹³. Ещё одна похожая заметка на этот раз обрисовывала положение дел Кемской передвижной библиотеки-вагона: «...Не то мало рекламы, не то подбор газет неудовлетворительный, но факт тот, что библиотекари конфузливо просят месткомы заверять двойные или тройные цифры посетителей вагона-читальни для отчётности <...> заброшенный в глушь культработник в одиночестве быстро увядает, обрастает мохом, равнодушен к политике, пролетарской культуре...»¹⁴.

Трудности республиканских библиотек обсуждались на IV Всекарельском съезде Советов, состоявшемся в октябре 1923 г. К этому моменту по Карелии было зарегистрировано 52 волостные, 4 уездные библиотеки и 1 центральная библиотека. Делегаты съезда признавали, что особый недостаток в библиотеках наблюдается в Петрозаводском, Пудожском и Кемском уездах. В то же время, отмечалось, что «самой богатой» библиотекой является Петрозаводская центральная библиотека, насчитывающая до 100000 томов»¹⁵.

Отметим, что с 1923 г. работа многих районных библиотекарей отчасти упростилась, в связи с появлением методического органа библиотечного дела, Московского журнала под названием «Красная библиотека». В этом издании библиотекари могли почерпнуть сведения о том, как правильно организовать библиотеку на селе, какими книгами её укомплектовать, как привлечь читателей и многое другое.

В начале 1920-х гг. Национальная библиотека Республики Карелия¹⁶ располагалась в центральной части г. Петрозаводска на проспекте Карла-Маркса в здании, впоследствии переданном в ведение кукольного театра. Обслуживание посетителей велось через читальный зал и абонемент. В планах работы библиотеки была заявлена также передвижная работа, в рамках которой с целью расширить круг читателей использовались т. н. «передвижки», «коллективки», «книгоноши». После революции появилось и закрепилось такое понятие как «политпросвет работа». Средоточием политпросвет работы должны были стать, наряду с другими учреждениями культуры, и советские библиотеки. Карельская Публичная библиотека, поддерживая свой столичный статус, представляла наиболее разнообразные формы «культпросвета», среди них: громкие читки газет и журналов, рассказывания, беседы, доклады, лекции, диспуты, выставки, литературные судилища, вечера рецензирования, вечера вопросов и ответов, библиотечные праздники, вечера книг, живые библиографии, кружковые занятия, экскурсии, презентации альбомов, диаграмм, стендовых плакатов, лозунгов, собрания подписчиков. Впрочем, многие мероприятия из заявленных в «культпросвет» планах так и остались на бумаге. В частности, отчётные документы Карельской Публичной библиотеки за 1927–1930 гг. свидетельствуют о том, что передвижная работа с читателями не проводилась, как не проводилось и многое из того, что было перечислено выше. Причины такого несоответствия, можно предположить, крылись в банальном недостатке или текучести кадров, нехватке времени и опыта. Регулярная «культпросвет» работа началась позднее, в 1930-х гг., когда в библиотеке стали регулярно проходить тематические выставки, лекции и началось составление наглядной агитации: плакатов, диаграмм, альбомов¹⁷.

С 1926 г. Карельская Публичная библиотека была включена в пятилетний перспективный производственный план НКП АКССР¹⁸, по которому предполагалось в течение пяти лет создать два городских филиала Библиотеки, первый в 1927/28 гг. и второй в 1929/30 гг., с целью продвинуть деятельность Библиотеки в рабочие районы¹⁹. На период 1928/29 гг. наряду с позитивными достижениями в работе главной библиотеки г. Петрозаводска присутствовали известные ранее проблемы: неполная укомплектованность штата, недостаток помещений, нехватка топлива для обогрева помещений, дефицит канцелярских принадлежностей и т. п.²⁰ Несмотря на это, по сравнению с другими библиотеками республики, Публичная библиотека Карелии была вполне успешна, по отзывам современников, «богата» и отвечала духу времени.

Безусловно, один из важнейших результатов совместной работы сотрудников Публичной библиотеки и Петрозаводских краеведов-энтузиастов – это создание в 1922 г. краеведческого отдела. Идея организации подобного подразделения не была новой. О необходимости иметь в рамках Центральной библиотеки обширное и доступное для использования собрание литературы краеведческой тематики говорил последний Олонецкий губернатор, видный краевед, А. Ф. Шидловский. Несмотря на то, что Шидловский не смог лично претворить свою идею в реальность, нашёлся другой не менее увлечённый краевед и библиофил, которому и удалось

¹³ «Проезжие». Разбазарили библиотеку // Карельская коммуна. 01.06.1923. № 105. С. 3. [В данном случае, автор или авторы заметки выступают под псевдонимом «Проезжие»; сохранена стилистика оригинала].

¹⁴ Гершанович Л. Г. Кемские впечатления // Карельская коммуна. № 37. 7.03.1923. С. 2–3.

¹⁵ Четвёртый Всекарельский съезд Советов // Красная Карелия. 17.10.1923. № 218. С. 2.

¹⁶ Современное название, статус НБ РК с 1991 г.

¹⁷ НА РК. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1/4. «Отчёты о работе краеведческого отделения искусств за 1927–1930 гг. 60 л.

¹⁸ Народный комиссариат просвещения АКССР.

¹⁹ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 30/245. Пятилетний перспективный производственный план. Л. 19.

²⁰ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Отчёт о деятельности и состоянии Карельской Центральной библиотеки за 1928/29 гг. Л. 9.

создать краеведческий кабинет. К. Ф. Филимонов возглавлял работу кабинета в самый сложный и ответственный период с 1921 по 1925 гг.

К сожалению, в настоящее время большая часть фондов краеведческого отдела образца 1920-х гг. уже не доступна ни читателям, ни самим работникам библиотеки по причине гибели во время общей эвакуации библиотеки в 1941 г. в Кемь. Историческая справедливость ещё не полностью восторжествовала и по отношению к имени К. Ф. Филимонова, которое вплоть до начала XXI в. было фактически забыто.

Козьма Филимонович Филимонов родился в 1855 г. в Вытегорском уезде Олонецкой губернии. Окончил Петрозаводскую духовную семинарию, работал учителем в родном селе Коштуга. Переехав в Петрозаводск, поступил на службу при губернаторе в губернском правлении земледелия и госимущества. За хорошую службу был награждён серебряной медалью и произведён в коллежские регистраторы. В 1897 г. участвовал в переписи населения, за работу вновь был награждён медалью и произведён в губернские секретари. В 1911 г. К. Ф. Филимонов встретил в должности надворного советника. Филимонов, наряду с Н. К. Чуковым и И. И. Благовещенским, был активным членом статистического комитета, принимал участие в издании «Памятных книжек Олонецкой губернии», являлся постоянным корреспондентом Академии наук по разряду изящной словесности. Главным увлечением К. Ф. Филимонова были книги, древние рукописи, церковные и светские, собиранию которых он посвятил долгие годы.

После Октябрьской социалистической революции Козьма Филимонов, будучи уже пожилым человеком, работал в Наркомземе²¹ и продолжал активно заниматься краеведческой деятельностью. Один из современников писал о К. Филимонове так: «...наконец-то нашёлся в Петрозаводске в конце 1922 г. человек, бывший народный учитель, который любит и знает наш край. Это Кузьма Филимонов. Он взял на себя труд создать совершенно новое подразделение в составе Публичной библиотеки – краеведческое»²².

В Публичной библиотеке в первые годы Советской власти практически не было книг краеведческого содержания, поэтому первоначальный книжный фонд был создан Филимоновым из собственного собрания, большую часть которого он и отдал в дар краеведческому отделу. Чтобы решить проблему комплектации нового отдела, Филимонов провёл и вторую инициативу, предложил всем желающим включиться в работу по поиску и доставке в библиотеку краеведческой литературы. Искать приходилось в самых разных местах: в учреждениях и духовной семинарии, на чердаках, в подвалах, в сараях. Пользование литературой было платным. На период 1928/29 гг. стоимость выдачи одной книги в краеведческом отделе составляла 54 коп.²³

На рубеже 1920–1930-х гг. в краеведческом отделе Публичной библиотеки проходили заседания литературного кружка под руководством А. М. Линевского. Александр Михайлович Линевский, карельский краевед и писатель, родился в 1902 г. в Петербурге. С молодости он увлекался историей и географией. В 1925–1927 гг., являясь студентом ЛГУ²⁴, Линевский принимал участие в научных экспедициях в Карелию. Успешная разработка темы Онежских петроглифов произвела значительный резонанс в Ленинградском научном сообществе, что в одночасье сделало студента Линевского едва ли не главным специалистом по Северу. Неудивительно, что после окончания ЛГУ в 1927 г. А. М. Линевский по приглашению Карельского правительства, лично наркома культуры Юрьё Сирола, переехал в Петрозаводск. Выполняя обязанности заведующего историческим отделом Карельского краеведческого музея и учёного секретаря КБК²⁵, Линевский многое сделал для популяризации краеведческого движения в республике. Одним из самых удачных «проектов» Александра Михайловича стала организация при Карельском краеведческом музее кружка под названием «Друзья музея», вскоре разделившегося по тематическому принципу на ряд отдельных кружков. Основными участниками кружков Линевского обычно были школьники и рабочая молодёжь г. Петрозаводска. Кружки «Друзей музея» стали настоящими творческими лабораториями, в которых формировались кадры местной интеллигенции.

Литературный кружок функционировал сравнительно недолго, с июля 1929 г. по декабрь 1930 г., тем не менее, история этого кружка нашла продуктивное продолжение²⁶. Членами кружка в основном были молодые рабочие Онежского завода, собиравшиеся по вечерам, в выходные и праздничные дни сначала в помещении музея, а затем в краеведческом кабинете²⁷ Публичной библиотеки. Возможность собираться в Библиотеке предоставил краевед и педагог, заведующий в то время краеведческим кабинетом, Иван Михайлович

²¹ Народный комиссариат земледелия.

²² Цит. по Филимонов А. Потерянная и обретенная библиотека // Петрозаводск. 8 января 2004. С. 6. [Сознательно выделяется начальный период трудового пути К. Филимонова – «народный учитель», нивелируется факт службы в администрации губернатора. После 1917 г. подобные страницы биографии старались не акцентировать].

²³ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Отчёт о деятельности... Л. 9.

²⁴ Ленинградский государственный университет. Линевский был зачислен на Географический факультет.

²⁵ Карельское Бюро Краеведения. С 1923 г. КБК функционировало при Карельском краеведческом музее, затем с 1931 г. при Карельском Научно-Исследовательском Институте (КНИИ).

²⁶ Впоследствии на основе литературного кружка сформировалась русская секция КАПП (Карельская ассоциация пролетарских писателей), многие члены которой в 1934 г. вошли в состав русской секции Союза Советских писателей Карелии.

²⁷ «Краеведческий кабинет», а не отдел, как в настоящее время. Стилистика начала 1930-х гг.

Никольский²⁸. Часто в пылу творческих споров члены кружка, простые рабочие люди, переходили на брань, тогда И. М. Никольский, всегда с удовольствием присутствовавший на заседаниях «литераторов», с юмором успокаивал молодёжь, говоря: «Ну это ты, парень, зря! Такое не печатают!»²⁹. В кружке не было разделения на жанры, сегодняшний «поэт» завтра становился «прозаиком» и наоборот. Причины такого непостоянства Линеvский объяснял философски: «Если паренёк попадал в фазу влюблённости, он писал соответствующие стихи. Если чувство заходило в тупик, происходил разрыв по вине партнёрши, творчески одарённая личность переходила на прозу, в которой изобиловали сюжеты мести, даже убийства, завершающиеся ультра-возвышенным монологом в стиле романтиков XVIII в. <...> Как-то по неопытности я “распустил” какой-то слишком кровавый рассказ, и сам был не рад! Разгорелись такие страсти, что домой я попал под охраной добровольных телохранителей...»³⁰.

Одним из результатов деятельности кружка стала публикация литературно-художественного сборника «К 10-летию Советской Карелии (1920–1930)», в котором печатались начинающие местные поэты и писатели: Иван Петровский, Ялмари Виртанен, Николай Калинин, Борис Леонтьев, Сергей Норин, Иван Кутасов, Степан Брызгин, Аркадий Фокин, Климентий Громов, а также краеведы А. М. Линеvский с рассказом «К петуху на суд» и С. А. Макарьев³¹ с очерком «На заре десятилетий». Произведения кружковцев были весьма популярны среди населения, благодаря своей яркой эмоциональной окраске и идеологическому соответствию.

Подводя краткий итог вышесказанному, отметим, что период 1920-х, первой половины 1930-х гг. стал начальным этапом развития библиотечного краеведения в Карелии. В это время вырабатывается понимание библиотечного дела как комплексного, многопланового. Начинается модернизация библиотечного дела, совпадающая с ходом общей, культурной модернизации края. Функции библиотеки, в начале XX в. часто сводившиеся к приёму-выдаче печатных изданий населению, значительно расширяются. Активно включаясь в процесс формирования личности советского гражданина, библиотека становилась одним из центров сосредоточения новой социалистической культуры.

Большой вклад в развитие библиотечного краеведения внесла Карельская публичная библиотека. В начале 1920-х гг. здесь был открыт т. н. «кабинет краеведения», оказавший большую информационную помощь многим местным краеведам и гостям Карелии. Публичная библиотека, не замыкаясь в своих рамках, по мере возможности сотрудничала с Карельским музеем. Так, в конце 1920-х гг., в помещении библиотеки собиpался кружок А. М. Линеvского, объединивший будущих литераторов республики.

Вторая половина 1930-х гг. известна трагическим прерыванием краеведческой традиции в Карелии. После 1935 г. на волне борьбы с т. н. «финнизацией края», финское руководство республики было снято с должностей и репрессировано³². Репрессии 1937–1938 гг. коснулись многих краеведов АКССР. Основной удар принял открывшийся в 1931 г. под эгидой главы местного правительства Э. Гюллинга Карельский НИИ. Волна репрессий прокатилась практически по всем подразделениям Института. Пострадала и фундаментальная библиотека, лишившаяся заведующей Е. П. Ошевенской³³.

Новый импульс развитие краеведения в Карелии, в том числе библиотечного краеведения, получило в 1990-е гг., в связи с общей демократизацией российского общества. Процесс налаживания традиции библиотечного краеведения успешно развивается в настоящее время, чему свидетельствует активная деятельность, в частности, Национальной библиотеки Республики Карелия, работники которой изучают свою историю, организуют различные научные и общественные мероприятия с целью обсуждения актуальных вопросов прошлого, настоящего и будущего родного края.

Литература

1. *НА РК*. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 24/266. А. М. Линеvский. «Минувшее». Воспоминания А. М. Линеvского о работе в Карельском краеведческом музее и встречах с Э. А. Гюллингом, А. Н. Лесковым и др. Фрагмент.
2. *НА РК*. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1/4. Отчёты о работе краеведческого отделения искусств за 1927–1930 гг. 60 л.
3. *НА РК*. Ф. 630. Оп. 1. Д. 50/414. Отчёт о деятельности и состоянии Карельской Центральной библиотеки за 1928/29 гг.
4. *НА РК*. Ф. 630. Оп. 1. Д. 30/245. Пятилетний перспективный производственный план.
5. Четвёртый Всекарельский съезд Советов // Красная Карелия. – 1923. – 17 окт. – С. 2.

²⁸ И. М. Никольский был первым директором Карельской публичной библиотеки.

²⁹ *НА РК*. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 24/266. А. М. Линеvский. «Минувшее». Воспоминания А. М. Линеvского о работе в Карельском краеведческом музее и встречах с Э. А. Гюллингом, А. Н. Лесковым и др. Фрагмент. Л. 15.

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Степан Андреевич Макарьев, с 1928 г. директор Карельского краеведческого музея, с 1931 г. заместитель директора КНИИ. В 1937 г. репрессирован, посмертно реабилитирован.

³² Кангаспуру М. Взлёт и падение красных финнов // Север. 1997. № 11/12. С. 114–123.

³³ Ошевенская Е. П. проходила по делу о т. н. «контрреволюционной группировке в КНИИ», в 1937 г. была репрессирована, посмертно реабилитирована.

6. Альбова А. П. Краткий обзор библиотечной деятельности в Олонецкой губернии в 1917 г. // Известия Олонецкого губернского отдела народного образования. – № 7–8. – С. 74–75.
7. Гершанович Л. Г. Кемские впечатления // Карельская коммуна. – 1923. – 7 марта. – С. 2–3.
8. Кангаспуро М. Взлёт и падение красных финнов // Север. – 1997. – № 11/12. – С. 114–123.
9. «Проезжие». Разбазарили библиотеку // Карельская коммуна. – 1923. – 1 июня. – С. 3.
10. Тогатов С. Боевая трибуна. Из опыта работы стенной печати КАССР. – Петрозаводск, 1956. – С. 5.
11. Филимонов А. Потерянная и обретенная библиотека // Петрозаводск. – 2004. – 8 янв. – С. 6.
12. Шлеймович С. О библиографической работе в Карелии // Краеведение Карелии на новом этапе. – Петрозаводск, 1933. – С. 81–82.
13. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество : краеведческий альманах. – М., 1990. – С. 11–27.
14. Щерба Н. Н. Библиотечное и библиографическое краеведение. – М., 1995. – С. 37.

*Галина Акбулатова,
журнал «Север»*

Местный компонент в творчестве писателя

С тех пор, как я приехала в Карелию, я знала всегда, что «местный компонент» – это Яакко Ругоев, Ортъё Степанов, Пекка Пертту, Виктор Пулькин... Они настоящие местные, без примеси. Они здесь родились.

А вот мой коллега Володя Судаков – пришлый. Местный компонент «Сортавала» в его творчестве прорастает и прирастает с кровью. Такова уж видимо, участь всех пришлых. Тем более писателей.

С другой стороны, *белые ночи* Достоевского и *белые ночи* Гоголя – это местный компонент или какой? А «местный компонент» в творчестве Набокова? Являются ли им реалии городков и местечек, обрисованных писателем в путешествии Гумберта Гумберта и Лолиты?

Грузинские художники, поселившиеся в Петрозаводске, изображают улицы и пейзажи Карелии, но «местного компонента» в картинах от этого не прибывает. «Местным компонентом» остаётся Грузия. Этот южный колорит не вытравить в картинах художников. Да и нужно ли? Ведь это *другой взгляд* на местный компонент. И он очень интересен!

Листаю брошюру о «местном компоненте», выпущенную в 2006 году Министерством образования РК. Задумываюсь, почему мелькают те фамилии, а не эти? Частое присутствие одних и тех же имён заставляет увидеть ту же «интригу», что характерна и для всей нашей жизни. Влияние на этот «местный компонент» чьей-то частной «политики».

И всё же – что такое «местный компонент» в творчестве писателя? География, т. е. территория, где я живу и работаю? Тема моих публикаций? Атмосфера, в которой создаются произведения? Моя алма матер журнал «Север», где я могла реализоваться как литератор? Или в более широком смысле – Д о м. *Мой Дом*.

В таком случае закономерен вопрос: удобен ли этот дом для меня? Способствует ли он моему развитию, или, напротив, сужает мои горизонты, мою творческую свободу, становится преградой для писательского становления?

Само понятие «местный (региональный) компонент» возникло, на мой взгляд, в последние двадцать лет, то есть в период реформ и во многом связано с разрушением привычных связей, уклада, в частности, таких объединяющих понятий, как: «советский гражданин», и «моя родина – СССР». Теперь каждому полагалось иметь свой «местный» дом и этот *мой дом* должен был стать для меня важнее *общего дома*.

Когда в 1971 году после окончания журфака МГУ я приехала в Петрозаводск, для меня так вопрос, естественно, не стоял. Но всё же я, в недавнем прошлом жительница средней полосы России, не могла не заметить специфику места, где мне предстояло жить. Эта специфика выражалась прежде всего в двуязычии: в названиях магазинов, учреждений, улиц... на русском и финском языках. Были здесь и свои специфические культурные учреждения: ансамбль «Кантеле» и Финский театр, которые я стала с удовольствием посещать. В «Кантеле» звучала музыка прекрасного дуэта кантелистов Эрика и Эйлы Раутио, а в театре играли замечательные артисты – Елизавета Томберг, Дарья Карпова, Паули Ринне, Орво Бьёрнинен, Эрна Берг, Пекка Микшиев... И вообще город пришёлся мне впору – как перчатка по руке. Зелёный, чистый, компактный – у воды (что было для меня небезразлично, поскольку я – знак воды). Город настроения: то дождь, то солнце, то светло (белые ночи), то сумрачно (темные дни), то ветрено, то тихо... При всей моей непредрасположенности к холоду, смена и колебания настроений природы в Петрозаводске были мне близки и сочувственны.

В то время я жила в маленькой уютной гостинице обкома партии на улице Свердлова. Интересных людей здесь останавливалось немало. С одним из них, писателем Вячеславом Опариным из карельского посёлка Пряжа я вскоре познакомилась. Он произвёл на меня впечатление бывшего человека, много знал, интересно

рассказывал. Его «конёк» – первопроходцы Русского Севера. Запомнилось: русские пришли на север в десятом-одиннадцатом веках. Это были беглые холопы, монахи, свободные переселенцы... Особенно поразили меня рассказы Опарина о северном жемчуге. Оказывается, за столетия на Руси его скопилось огромное количество: он шёл в основном с севера, из рек и ручьёв нынешней Карелии и Кольского полуострова, отличался серебристо-белым цветом, особо ценным норвежскими купцами.

Пройдёт какое-то время, и я увижу этот жемчуг на головных уборах поморок старинного села Сумский Посад, что в Беломорском районе. Но до этого ещё далеко, а пока... Пока мне как новосёлу, «переселенцу» предстояло пройти «боевое крещение», которое организовал местный абориген, будущий детский писатель, а в то время мой коллега по молодёжной газете Владимир Данилов.

Мне предстояла первая командировка, и выпала она в самый северный район Карелии – Лоухский. Стояла середина сентября, в Петрозаводске царило бабье лето, но Володя советовал не доверять обманчивой карельской погоде и приготовиться к встрече с суровыми северными условиями – заморозками и, возможно, даже со снегом. Вместе с фотокорреспондентом газеты они снарядили меня валенками, полущубком, и вот, упаковав всё это в сумку, в толстом шерстяном свитере и лыжных ботинках я поспешила в аэропорт.

Стоит ли говорить, что Лоухский район встретил меня двадцатью градусами тепла, и все дни командировки я страдала как от жары, так и от сознания, что стала слишком лёгкой добычей местных газетных зубров.

Непривычно длинные осенние и зимние вечера побудили взяться за перо: знакомых у меня тогда было не так уж много, зато досуга... Короче, нужно было чем-то занять себя, и я начала мало-помалу писать, пробовать свои силы в жанре рассказа. Естественно, заинтересовалась творчеством местных писателей. Они писали просто, понятно, доступно, авангардизмом и прочими «измами» здесь явно не пахло. Исключение составлял, пожалуй, лишь Виктор Иванович Пулькин с его сказовой манерой письма, круто замешанной на фольклорной основе. Я долго не могла привыкнуть к цветистости и многоголосию его языка по одной простой причине: для меня магия северной народной жизни с её легендами и поверьями была во многом непознанной, он же, будучи уроженцем этой земли, впитал её, что говорится, с молоком матери, буквально купался в ней, упиваясь богатством сочного народного языка, становясь его сотворцом.

Я продолжала знакомиться с писателями Карелии, в «Комсомольце» появились мои первые литературные этюды, рассказы-очерки. Один из них – «Жидкий лёд» – о становлении молодого писателя – я посвятила своему коллеге, а ныне члену Союза писателей России Константину Гнетеву. Профессионалы мой рассказ раскритиковали (и правильно сделали!), но была и польза: я поняла, что литературному ремеслу, как и всякому другому, надо учиться. Посещала студию Дмитрия Гусарова, секцию детских писателей, которую возглавлял Юрий Дюжев. Через некоторое время Ю. И. Дюжев от имени секции рекомендовал мой сборник рассказов «Главная подруга»¹ в издательство «Карелия». Года через два книга вышла. Теперь-то по происшествии времени ясно, что это скорее рассказы о детях для взрослых, чем для детей. А вот настоящим детским писателем в Карелии был и остаётся Володя Данилов: недаром дети так любили его рассказы, а я любила выступать с ним в школах и слушать вместе с ребятами байки знаменитого путешественника.

Разумеется, я хотела как можно скорее стать «своей» на моей новой родине, но чувствовала, что всё-таки во многом остаюсь «пришельцем». И главным образом потому, что я – и здешняя природа существовали как бы раздельно, и для героев моих рассказов в общем-то не играл роли пейзаж за окном поезда, в котором они так часто у меня куда-то ехали. А вот для уроженца здешних мест писателя Арви Пертту почему-то важно было рассказать, как утром «лес смело подступит к несущемуся по рельсам составу, не будет лиственного чернолесья, болота всё чаще станут охватывать дорогу с обеих сторон, корявые низкие сосны взбегут на склоны скалистых сопок...». «Если просидеть всю ночь у окна, – пишет Арви Пертту в своём небольшом рассказе «Ночной пассажирский», – этих изменений не заметишь, даже когда белая ночь своим неверным светом растечётся над притихшей землёй. Но если проведешь беспокойные сумеречные часы на второй полке общего вагона, увиденное наутро покажется чудом, – словно не только в пространстве и времени произошло перемещение, а в чём-то более важном и непонятном для тебя. В тебе и вокруг – иной мир, иное время, всё иное...»

Вот ведь в чём дело, – открывалось мне, – в едином ритме существования, в естественной, как дыхание, связи с природой... Я испытала это ощущение много лет спустя, когда побывала в «объятьях» острова, где камни «растут» прямо из земли, а между ними шныряют маленькие опасные змейки, но летним июльским днём воздух так нежен и горяч, что забываешь об осторожности...

Я много ездила по Карелии, встречалась с людьми – они мне нравились своей честностью, прямодушием, верностью традициям, скромностью в быту. Герои моих будущих рассказов и очерков станут во многом похожи на них. Я называю только некоторые из моих публикаций: «Самодельный художник» – о «карельском Пиросмани» Евгении Судакове («Север» № 9, 1992), «Блестящий финиш Нины Сташевской» – о знаменитой карельской спортсменке 30–40-х гг. («Север», № 9, 1995), «Золушка русского балета» – попытка представить полную драматических коллизий судьбу заслуженной артистки России, балерины Натальи Гальциной («Север», № 2/3, 1997), «Жизнь и судьба Марии Поповой» – о художнице и поэтессе послереволюционной восточной эмиграции (первая волна), долгие годы жившей в Петрозаводске («Север», № 1/2, 2001); рассказы «Пенсию повысили», «За упокой души» (Сб. «Провинциалка в большом городе», 1991).

¹ Главная подруга : сб. рассказов для девочек. Петрозаводск, 1990.

В те ранние годы освоения северных пространств пришлось мне немало потопать своим ходом по отдалённым деревням и посёлкам Карелии. Так, будучи в старинном поморском селе Сумпосад, я вышагала «Пей-пей» – о детстве моей алтер эго и «Розовый карбас» – об истории Сумпосада (Сб. «Главная подруга»). Рассказ «Мальчик и аметист» родился по мотивам моего знакомства с Волкостровым; «Рукомойник с носиком» навеяли впечатления поездки с музейщиками в Шёлтозеро (Сб. «Утренний кофе», 1988)...

Постепенно «местный компонент» моих произведений усложнялся. Так, образ главного кижского храма, вокруг которого шли дискуссии в конце 80-х – начале 90-х, преображался в моём романе «Смерть перлюстратора»² в обобщённый образ России. Ведь тогда широко обсуждалось в СМИ – какой быть России? По какому пути пойти – «консервации», «новодела», хиппропитки? Самодеятельному коллективу народной песни «Хор русских старух» из Питкярантского района роман обязан как образом русского «древнегреческого хора», так и названием.³

Одна из тем, заявленная в этом романе, – борьба старого и нового театра – можно сказать, выстрадана моими, начинающего драматурга, не-сложившимися отношениями с местным театром. Эта же тема продолжится в статье «Раневские против Лопахиных» («Север», № 7/8, 2004), пьесе «Убийство Драматурга» («Север», № 5/6, 2007). Материал для этой пьесы во многом дала история создания в Петрозаводске «театра Драматурга», выступившего со своим спектаклем «Про Это» на международном фестивале «Ламбушка» в 2000 году.

Атмосфера литературной борьбы в Петрозаводске, обострившаяся в 2005–2006 гг., в том числе и по моей «вине» (публикациями в газете «Карелия» в эти годы ряда статей и рецензий, посвящённых нравственному содержанию труда писателя), стала катализатором создания эссе «Мастер и Фрида»⁴, главная тема которого – тема вины и ответственности писателя.

И всё же мои писательские впечатления в большей степени питались земными соками и токами. Путешествия по Карелии, Заонежью продолжались. Отсюда – молодая северная весна в повести «Горнии высоты» («Север» № 2, 2000), особенности заонежского ландшафта в рассказе «Фата моргана» («Север», № 3/4, 2004), публикации по проблемам Заонежья («Заонежье: роковая черта», «Север» № 10, 1999; «Радиация». «Север», № 9, 2000; «Заонежье сквозь призму “чёрного квадрата”», «Север» № 3/4, 2003).

Тем не менее процесс адаптации при всех этих безусловных плюсах постижения природы, истории края, характеров северян так, кажется, для меня и не закончился. Наверное, дело уже в моём характере, в том, что я не смогла понять (или принять?) роль «местного» в «общем», откровенного лоббирования этому «местному». То есть, поселившись в Петрозаводске в начале 70-х, я, жившая в одной из самых многонациональных столиц мира – Москве, воспитанная в традициях «братства и равенства народов», столкнулась здесь с тем, что на самом деле понятие «советский гражданин» не является приоритетным (как, например, американский или израильский гражданин), что при прочих равных условиях я как *не-местный* останусь в проигрыше. И дело, конечно, не в самих «местных», что я создала уже и тогда, а в политике, делившей граждан одной страны на «своих» и «чужих», «коренных» – и всех остальных.

Ощущение это с годами не прошло, а как будто даже усилилось, и особенно в последнее десятилетие. Вдруг появились новые понятия, и среди них – «национальный»: «национальный театр» (вместо финский театр), «национальный ансамбль» (вместо государственный ансамбль РК), «национальная библиотека» (вместо публичная библиотека), «национальный писатель» (вместо писатель Карелии)... И вот уже в центральной прессе появляется большая статья известного режиссёра Валерия Фокина – к 250-летию «Александринки» (академический театр им. А. С. Пушкина в Петербурге), где через предложение – «национальный»: «национальный театр», «национальная драматургия», «национальный характер», «национальная школа», «национальная идея»... И ни разу (!) на протяжении всей статьи – о какой, собственно, *нации* идёт речь.

Поскольку для писателя не бывает «пустых» слов и звуков, то, естественно, у меня возник вопрос: где я всё-таки живу? Ведь «национальный» – то, что принадлежит нации, а нация (по словарю) – это общность территории, языка, культуры... В таком случае получается – русской нации? Но зачем это новое деление, если мы все – россияне? И почему, я, проживающая на территории русской Карелии более тридцати лет, не являюсь национальной писательницей, а мой коллега является только потому, что он вепс или карел? Значит ли это, что я была и остаюсь *чуждой* на этой земле, где вышли все мои книги, где я стала писательницей? И *дом*, который я старательно строила все эти годы, на самом деле – *не мой*?

Разумеется, все эти сомнения не могли не отразиться в моих публикациях. Таковыми, к примеру, являются «Мариуш и пространство», «Опыты билингвизма» («Север» № 1/2, 2006). Последняя вызвала шквал эмоций и обсуждается по сей день: имела ли право Галина Акбулатова выразить мнение не-национальных, не-местных?

Именно тогда я ощутила в полной мере, что такое «местный компонент» в своей крайней точке (тем более наложенный на среду *небольшого провинциального города*, где «нашизм» в той или иной степени всегда процветает). «Местный компонент» (в лице «национальных» кадров и «княгини Марьи Алексевны», которая со времён Грибоедова создаёт местное «общественное» мнение) оказал жёсткое давление (куда более жёсткое,

² Смерть перлюстратора. Роман и рассказы. Петрозаводск, 1993.

³ Хор русских старух. Роман. Петрозаводск, 2001.

⁴ Мастер и Фрида: По мотивам романа жизни Михаила Булгакова : эссе. Петрозаводск, 2006.

чем когда-то советская цензура) на меня и журнал «Север», в котором я работаю; высказал желание руководить «не-нашим» писателем, диктовать ему – о чём можно писать, а о чём нельзя.⁵

Так что в каком-то смысле «местный компонент», безусловно, ставил передо мной всевозможные преграды, в том числе – лишая меня в последнее десятилетие моего законного права, продекларированного в российской Конституции, на поддержку профессионального творчества.

Но такова, видимо, участь писателя. Обласканность «свыше», создание тепличных условий для него могут быть чреваты, в том числе и творческими потерями. И потому, несмотря ни на что, я искренне признательна «местному компоненту»: в сопротивлении холоду (в прямом и переносном смысле), узости местечкового сознания, в отстаивании своего родового писательского права на свободу Слова (а свобода эта не даётся декретами, она всегда завоевывается) закалялось моё перо, выкристаллизовывался стиль, который теперь узнают всегда, даже если я пишу под псевдонимом.

Что касается д о м а... Дом – это мир писателя. Он вмещает в себя и перерабатывает всё – и «местный компонент», и национальный, и над-национальный... А также почитателей и не-почитателей. Последним особенно признательна: именно они и создают «крутую» биографию писателю и отличную рекламу его творчества. Но, может быть, местный компонент в гораздо более объёмном и серьёзном контексте пространства-времени – это умение писателя отразить *своё время* во всей его сложности и противоречивости.

*Сабанцев А. Н.,
Национальный архив Республики Карелия*

О судьбе личной библиотеки А. Ф. Шидловского

Судьбы многих личных библиотек, собиравшихся до октябрьского переворота 1917 г., весьма печальны: значительная их часть утрачена в лихие революционные годы. Конечно, они сохранились в том или ином виде, чаще разрозненно, в различных государственных и ведомственных библиотеках, музеях и у частных лиц. Многие из уцелевших книг долгое время, по разным причинам, были недоступны широкому кругу читателей, исследователей, краеведов. Однако во всём этом есть, как ни странно, и положительный момент: многие из оставшихся книг уцелели.

Сегодня, когда доступ к архивным материалам открыт, можно попытаться проследить судьбу личных библиотек, собранных в дореволюционный период, и особенно, личных библиотек государственных и общественных деятелей того времени. Это важно потому, что необходимо отдать дань уважения тем людям, которые занимались собиранием книг.

Одной из таких личных библиотек, судьба которой, как единого целого, печальна, является библиотека последнего Олонецкого губернатора, известного исследователя Русского Севера, учёного-библиографа, потомственного дворянина Александра Фёдоровича Шидловского (30.12.1863–19.11.1942)¹. Его талант краеведа раскрылся в Архангельске, куда он в 1907 г. был назначен вице-губернатором, и где в 1908 г. создал знаменитое Архангельское общество изучения Русского Севера. Здесь он опубликовал ряд трудов по истории и библиографии Архангельской губернии, Поморья и организовал экспедиции по исследованию Печорской земли, Шпицбергена, Кольского полуострова, нефтяных и угольных месторождений Севера.

27 августа 1911 г. А. Ф. Шидловский был назначен вице-губернатором Олонецкой губернии. Здесь при его активном содействии и участии было создано научно-краеведческое «Общество изучения Олонецкой губернии», труды членов² которого до сих пор интересуют исследователей. «Общество» издавало журнал «Известия Общества изучения Олонецкой губернии», в котором широко освещались проблемы истории края и его биологических ресурсов.

Членами общества была сформирована ценная и богатая по содержанию библиотека краеведческой литературы. Сам вице-губернатор вёл библиографию текущей литературы по Олонецкой губернии. В 1914 г. за библиографические труды А. Ф. Шидловский был удостоен большой серебряной медали Русского географического общества.

15 ноября 1916 г. Александр Фёдорович был назначен губернатором Олонецкой губернии, а в январе – губернатором Архангельской губернии, которую он хорошо знал и любил. Однако из-за Февральской революции в должность вступить не успел.

После октябрьского переворота по рекомендации виднейшего академика А. П. Карпинского был принят на работу в Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Академии Наук.

⁵ «Местный компонент» сыграл свою роль в том, что 12 октября 2007 г. я ушла из «Севера», где проработала более двадцати лет. Прим. Г. А.

¹ Все сведения о А. Ф. Шидловском взяты автором из книги Кораблёва Н. А. и Мошиной Т. А. «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы» (Петрозаводск, 2006).

² Членами общества являлись, например, такие известные краеведы, как А. А. Бернацкий, И. И. Благовещенский, В. И. Крылов, С. А. Левитский, филолог Н. А. Лавров, ихтиолог Н. Н. Пушкарёв, искусствовед С. Н. Дурюлин и др.

Занимал различные должности: заместителя заведующего отделом Севера, заведующего отделом. Являлся координатором всех научных исследований по Северу. В 1926 г. его перевели в бюро библиографии при КЕПСе. Однако его происхождение и во многом независимый взгляд на историю страны, действительность его окружавшую, привели в 1929 г. к увольнению из КЕПС с формулировкой «враг пролетариата, не поддающийся перевоспитанию». Тем не менее, он продолжал работу по договорам в Гидрологическом и Арктическом институтах по библиографической тематике (в последнем он создал фундаментальную библиотеку). Как и многих других граждан его не обошла сталинская репрессивная машина. В 1935 г. А. Ф. Шидловский был арестован и выслан из Ленинграда в Муром под надзор НКВД. Все его многочисленные ходатайства об освобождении оставались без удовлетворения. В ссылке, вплоть до кончины 19 ноября 1942 г., он продолжал работу по библиографии Арктики и собрал более 50 тыс. библиографических карточек по Северу.

Насколько интересна судьба самого А. Ф. Шидловского, настолько интересна и судьба его библиотеки. За время своих научных исследований в дореволюционный период он собрал богатую по содержанию библиотеку, которую вынужден был оставить, по независящим от него обстоятельствам, в 1917 г. в Архангельске (меньшую часть) и Сороке на заводе Беляева (большую часть – 37 ящиков)³. Из Сороки библиотека была отправлена по распоряжению Кемского уездного исполкома (до того как уезд заняли белые) в Кемь и здесь, как бесхозное имущество, конфисковано и передано в распоряжение самого исполкома, а затем подотдела народного образования исполкома Карельской трудовой коммуны⁴. Естественно, что А. Ф. Шидловский пытался вернуть её, начиная с осени 1917 г. Тяжба между властями различных уровней и А. Ф. Шидловским длилась долго. Пока, наконец, по его жалобе Карельский областной исполком 3 июня 1921 г. не постановил передать библиотеку в ЭКОСО КТК. Ссылаясь на декрет от 17 июня 1918 г. и на выданное А. Ф. Шидловскому 27 июня 1920 г. Архангельским уездным исполкомом «охранное свидетельство», которое вроде бы позволяло А. Ф. Шидловскому надеяться на возвращение ему в целостности и сохранности всей библиотеки, в защиту частных интересов А. Ф. Шидловского выступило Петроградское отделение государственного книжного фонда, ходатайствуя перед властями Карелии о возвращении ему библиотеки. Однако местные власти отказались даже обсуждать это ходатайство.

Формально закон был на стороне правительства Карелии. По ряду постановлений ВЦИК и СНК России 1918 и 1920 гг. библиотеки и книги подлежали изъятию из частного владения и передаче в Государственный книжный фонд. Исключения допускались лишь в двух случаях: если книги необходимы для профессиональной деятельности преподавателей средних и высших учебных заведений, и если книги нужны их владельцу для выполнения заданий государственной власти. К сожалению, ни к одной из указанных групп А. Ф. Шидловский не принадлежал. Под его руководством в 1921 г. велись работы по систематизации материалов по изучению Севера и составлению полного библиографического указателя по Северу. Занимался этим А. Ф. Шидловский не как частное лицо, которому дано задание государственным учреждением, а в качестве должностного лица, работающего в Академии Наук. Поэтому он не имел права на возвращение личной библиотеки в частное владение. Единственным выходом могло стать то, что Академия Наук ходатайствовала бы о передаче библиотеки в её ведение для научных целей. Выданное А. Ф. Шидловскому свидетельство о том, что его библиотека находится под охраной государства в лице подотдела народного образования, юридически создавало права на владение только для этого учреждения. Оспаривать постановление Карисполкома от 3 июня 1921 г. мог бы этот отдел, но не сам А. Ф. Шидловский, у которого библиотека была изъята уже «окончательно и бесповоротно»⁵. 31 октября 1921 г. была всё же составлена специальная опись, которая включала 446 наименований различных изданий: книг, брошюр и монографий. Сама библиотека передавалась в распоряжение КарелЭКОСО, хотя принадлежала отделу народного образования исполкома КТК.

А. Ф. Шидловский пытался решить проблему и через ВЦИК. Он, вероятно, обратился за помощью к секретарю ВЦИК Енукидзе. Во всяком случае, последний направил в правительство Карелии телеграмму, в которой просил принять меры к сохранению и возвращению имущества А. Ф. Шидловского. Однако коллегия отдела юстиции на своём заседании 11 февраля 1922 г. отказала Енукидзе.

А. Ф. Шидловский попытался вернуть хотя бы часть библиотеки, уступив другую часть исполкому КТК. Однако и это компромиссное предложение было отклонено.

Таким образом, в начале 1922 г. судьба некогда богатой и ценной библиотеки А. Ф. Шидловского была окончательно решена. Как единое целое она перестала существовать. В будущем Александр Фёдорович Шидловский уже не предпринимал никаких действий, чтобы вернуть себе библиотеку.

³ НА РК. Ф. 645. Оп. 3. Д. 6/4. Л. 16 об.

⁴ НА РК. Ф. 645. Оп. 3. Д. 2/5. Л. 367.

⁵ НА РК. Ф. 645. Оп. 3. Д. 2/5. Л. 367 об.

Круг чтения карельского крестьянина в конце XIX – начале XX вв.¹

Российская Карелия уже в XIX веке привлекала любителей старины как заповедный уголок, жители которого нередко хранили дома рукописные книги, созданные в северных монастырях, раскольнических скитах. Этими книгами дорожили, расставались с ними неохотно. Один из путешественников в ответ на просьбу продать старинные книги услышал от крестьянина-карела: «Книгу продать – отца и мать продать»². Такое суждение отражает идеологию старообрядчества, которое считается «религией книги». Навыкам чтения «старонареченных» книг на церковно-славянском языке обучали старообрядческие наставники, в основном женщины (их ещё называли книжницами или грамотницами), составлявшие серьёзную конкуренцию официальной школе.

По мере развития системы народного образования рос интерес крестьян к печатной книге, в том числе светской. Этому способствовало и отходничество – уход карельских крестьян на заработки в экономически развитые районы, особенно в города, где они нередко овладевали навыками чтения. В зависимости от географии своего промысла одни осваивали русскую грамоту, другие – финскую. Владение вторым языком всё больше становилось фактором социально-профессиональной мобильности, мерилем экономической состоятельности конкретного человека. По записанному в начале XX в. выражению крестьянина из Приладожья «*тот, кто знает русский язык, имеет к обеду не одно блюдо, а два*»³.

В жизнь и быт волостей, экономически тяготеющих к Петербургу или Поморью, всё более проникало русское влияние, тогда как западные волости, расположенные вдоль «порубежной черты» – административной границы с Великим княжеством финляндским – ощущали воздействие финских традиций. Карельско-русское двуязычие было характерно для южной Карелии, а у северных карел преобладало карельско-финское двуязычие⁴. Орбита внешних связей российской окраины, именуемой в столичных изданиях не иначе, как карельская глушь, была весьма широка. По свидетельству современников, выходцы из Архангельской Карелии в конце XIX века писали письма на родину не только из Швеции и Норвегии, но также из Америки и даже из африканского Конго⁵.

Карел Пааво Афанасьев-Ахава, обосновавшись в Финляндии, собрал для односельчан при содействии финского магистрата А. В. Эрваста библиотеку из ста книг. Начало работы библиотеки, открывшейся в селе Ухта Кемского уезда в 1889 г., обнадеживало: книги на финском языке пользовались спросом во многих окрестных деревнях. Однако уже через полгода власти конфисковали библиотечные книги и отправили их на цензуру в Кемь. Ничего запретного в книгах не нашли, но за период путешествия они намокли и стали малопригодны для чтения. Вновь библиотека так и не открылась. По свидетельству очевидцев спустя годы зачитанные экземпляры книг из этой библиотеки можно было увидеть в домах карел в самых разных селениях края⁶.

Круг читательских интересов карельского крестьянина конкретизируется в описании одной из домашних библиотек, сделанном учителем И. В. Оленевым в 1890-х годах в пограничной деревне Лувозеро: «На полке, подле книжного шкапа нашёл целую грудку книг, из которых большая часть была на финском языке. На русском языке были больше сказки и жизнеописания святых. Финский отдел этой библиотеки оказался богаче, не только по количеству, но и по разнообразию содержания. Тут были Библия, *Wirsikirjä* [Так в тексте; *virsiikirja* (фин.) – псалтырь], сборник с картинками, вроде наших хрестоматий, краткий курс арифметики, атлас, в котором четыре листа посвящены изображению Финляндии с мельчайшими подробностями»⁷. Среди жителей Карелии, проявлявших интерес к периодической печати, были и те, кто получал по почте финляндские издания. Например, крестьяне селения Вокнаволоку выписывали в 1913 г. три финских газеты в семи экземплярах, из русских газет в село поступали «Биржевые ведомости», «Россия», «Копейка», «Архангельск», «Нива»⁸.

Подозрительное отношение российских властей к финноязычной литературе усилилось в начале XX в. События первой русской революции и вызванный ими Закон о веротерпимости (апрель 1905 г.) положили начало новой эре в борьбе за души «инородцев». Воспользовавшись уступками, на которые было вынуждено пойти самодержавие в этот период, в Российскую Карелию отправились финские лютеранские миссионеры

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века».

² Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии. Архангельск, 1914. С. 32.

³ Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). Фонд канцелярии генерал-губернатора ВКФ (ККК). Nd 32 (1).

⁴ Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 185, 197.

⁵ Максимов Н. По Карелии // Новое слово. 1895. № 9. С. 103.

⁶ Ahava P. Muistoja kansallisen valvutumisesta alkuajoilta Vienassa // Viena-Aunus. 1936. № 1–6. S. 4–5.

⁷ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 56–57.

⁸ Бубновский М. И. Указ. соч. С. 38.

и проповедники. Наибольшие опасения в метрополии вызывала угроза проникновения идей панфиннизма – идеологии, выражавшей стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «великой Финляндии». В этой связи объектом пристального внимания стала деятельность Союза беломорских карел – организации, основанной в 1906 г. в г. Тампере переселившимися в Финляндию выходцами из Архангельской Карелии. Её целью было всемерное сближение карельских волостей с Финляндией, оказание поддержки национальным, духовным и материальным устремлениям соплеменников, проведение просветительной работы в духе «насаждения племенного чувства единства карел и финнов». Союз ставил своей задачей открытие в Карелии передвижных и народных школ, библиотек, намеревался содействовать развитию экономической жизни⁹.

Для осуществления своей программы в области школьного дела Союзом было создано специальное школьное правление. С осени 1906 г. Союз беломорских карел начал создавать в Архангельской Карелии передвижные школы с преподаванием на финском языке. За 1906–1907 гг. в передвижных школах прошли обучение около 200 карельских детей.¹⁰ За два года Союз открыл в приграничных селениях 22 библиотеки (в основном избы-читальни), укомплектованные финскими изданиями (для них поступило из Финляндии 286 годовых подписок газет и журналов). Однако уже осенью 1907 года все они были закрыты губернскими властями, объявившими деятельность Союза незаконной¹¹.

В числе ответных мер российских властей – организация русскоязычных школ и библиотек на границе с княжеством и издательская деятельность на карельском языке. Возобновились попытки создания кириллического алфавита карельского языка (они неоднократно предпринимались и в XIX веке). К созданию алфавита привлекались учителя и священники «из природных карел».

На новом этапе катализатором этой работы стало издание в 1906 г. в Финляндии букваря «Pieni Alku-opastaja Vienan Karjalaisille» (рис. 1), предназначенного для российских карел.

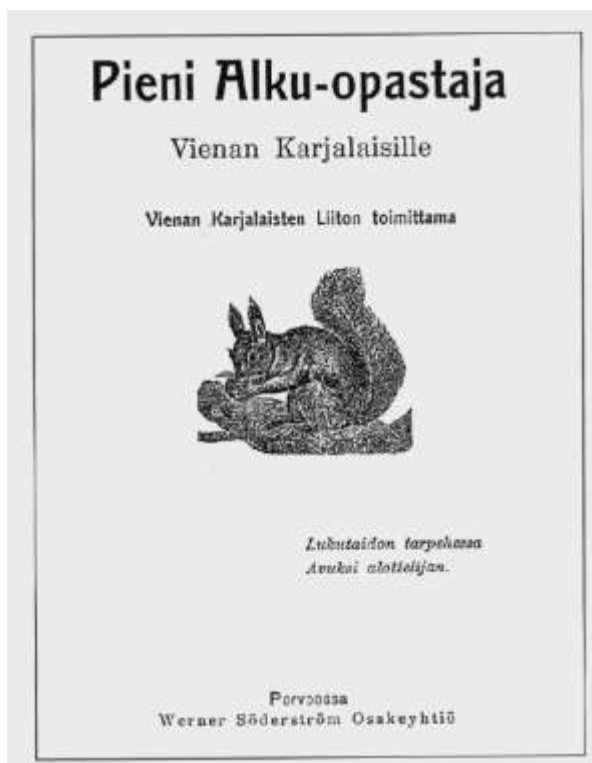

Рис. 1. Обложка букваря, изданного Союзом беломорских карел. 1906 г.

Активную издательскую работу на карельском языке развернули Карельские православные братства: Михайловское в Архангельской губернии, Георгиевское – в Олонецкой губернии и в Финляндии. Оба братства имели собственные издательские комиссии. В марте 1907 г. в г. Кемь была учреждена издательская комиссия

⁹ Дубровская Е. Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 70–72; Ranta R. Vienan Karjalaisten Litto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 123–125; Сихво Х. Национальные проблемы Карелии // Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 201.

¹⁰ Ranta R. Op. cit. S. 123–125; Первый отчётный год с 17 февр. 1908 г. по 1 авг. 1908 г. деятельности Архангельского Православного Беломоро-Карельского Братства во имя св. Архангела Михаила. Архангельск, 1908. С. 11–12; Новые данные о панфинской и лютеранской пропаганде в Беломорской и Олонецкой Карелии // Московские ведомости. 1907. 20 апреля.

¹¹ Ranta R. Op. cit. S. 131–132.

во главе с настоятелем Кемского собора Николаем Дьячковым. Она развивала традиции Архангельского миссионерского общества, издавшего в 1890-х годах несколько брошюр с параллельными текстами на карельском (с применением кириллицы) и русском языках, в том числе «Азбуку для кореллов [карелов], живущих в Кемском уезде Архангельской губернии» (см. приложение). Перед издательской комиссией ставилась задача распространять в Карелии брошюры и листки, разъясняющие учение православной церкви.

Начиная с 1907 г. православные братства выпустили на разных карельских диалектах около полутора десятков брошюр религиозно-нравственного содержания, в том числе руководство для учителей Закона божьего. Эти издания предназначались в первую очередь для русских священников и учителей, работавших в карельских волостях. Они в какой-то мере использовались как учебные пособия в школах, а также при проведении народных чтений, поступали в школьные библиотеки. Несовершенство алфавита, неразработанность грамматических норм, а также многообразие говоров внутри трёх основных карельских диалектов, – всё это служило объяснением того, что тексты книг, изданных братством, не всегда были понятны карельским крестьянам и школьникам.

При осуществлении переводов на карельский язык ощущалась нехватка лексики, что вынуждало переводчиков делать заимствования либо из русского, либо из финского языков. По этой причине стал дебатироваться вопрос о возможности использования латинского алфавита для карельских текстов. Дискуссия, в которую был вовлечён Синод, в значительной мере повторяла аргументацию 30-летней давности, когда сторонники и сподвижники татарского просветителя Н. И. Ильминского начали работу по созданию письменности для российских инородцев (в основном народов Поволжья). Тогда же, в 1870-х гг. Синодом были отвергнуты аргументы тех учёных, которые считали латинский алфавит более подходящим для выражения звуков карельского языка. В противовес им обращалось внимание на семантическую окрашенность алфавитов (алфавит расценивался как своего рода матрица, вобравшая в себя культурные коды связанных с ним религиозных учений)¹².

В манипулятивной политической риторике подчёркивался глубокий политический и патриотический смысл использования русского алфавита, как «алфавита правительственного, способного объединить народы, а через него объединить народы и языком государственным». По существу в Карелии использовалась предложенная Н. И. Ильминским схема, согласно которой литература для крещёных татар печаталась кириллицей, чтобы закрыть им доступ к татарской мусульманской культуре на арабице, с той лишь разницей, что теперь таким же способом пытались отделить православных карел от опасного влияния лютеранской культуры на латинице. Отмечалось и практическое удобство использования кириллицы, облегчающей переход «от инородческих книг с русским алфавитом к книгам чисто русским»¹³. То есть алфавит должен был служить своего рода связующим звеном между родным и русским языками.

Чиновник особых поручений при Финляндском генерал-губернаторе В. Крохин не сомневался в том, что письменность карел, «настолько обрусевших, что они стоят теперь ближе к русским, чем к финнам, и часто называют даже себя русскими», нужно развивать на основе кириллицы, дополнив русский алфавит буквами ä, ö, ü для передачи мягких звуков карельского языка. В записке министру народного просвещения, датированной январём 1908 г., В. Крохин приводит пример параллельного текста для детского чтения:

«Элеттихъ да олыхъ діэдей да буабой...»

«Жили были дед да баба...»

В следующем пассаже его записки дети фигурируют как объект безусловно политического интереса: «Печатание карельского текста русскими буквами тем важнее, что утвердит в детях карел представление о тождестве своего карельского с русским вообще, и лишит финляндцев возможности проводить в среду карел идеи панфиннизма»¹⁴. Использование кириллицы для передачи карельского языка закрепляло идею родства карел и русских на уровне подсознания.

Олонецкое губернское земское собрание в ноябре 1907 г. также приняло решение об ассигновании средств на дело изучения карельского языка и составление картотеки карельских слов¹⁵. В помощь учителю, изучающему карельский язык, в 1908 и 1913 гг. были изданы два небольших русско-карельских словаря. Первый – на диалекте карелов-людиков был составлен русским учителем Михаилом Георгиевским из села Святозеро Петрозаводского уезда, второй – на ливвиковском диалекте – подготовил по поручению Карельского православного братства учитель-карел Виктор Королёв из села Видлицы Олонецкого уезда.

В 1915 г. в Петрограде при поддержке Олонецкого епархиального училищного совета с привлечением средств губернского земства был издан русский букварь для карельских детей (рис. 2), подготовленный священником и братским миссионером Виктором Никольским.

¹² Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883.

¹³ Там же; НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/1; Ф. 180. Оп. 1. Д. 1/2.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 175. Д. 408. Л. 1–2.

¹⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/2. Л. 37.

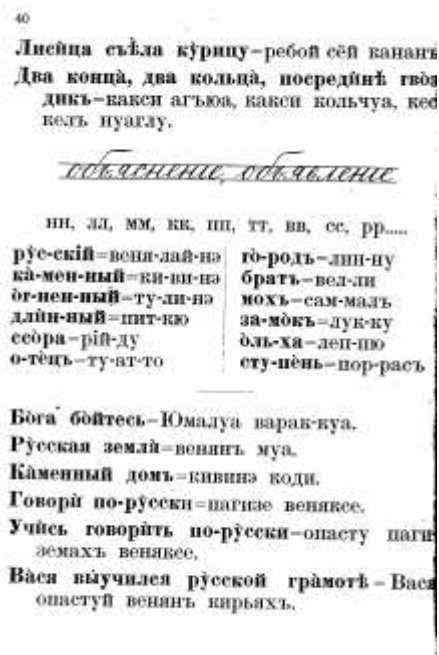

Рис. 2. Страницы букваря В. М. Никольского, изданного автором на средства Олонецкого епархиального училищного совета. 1915 г.

Содержание букваря выдержано в великорусском духе, но в отличие от учебников Вольпера, предназначенного для всех «инородческих» школ Российской империи, вне зависимости от родного языка учащихся, в букваре Никольского присутствует родное слово. Это было несомненным достижением для своего времени. По сравнению с первым «учебником» для карельских детей – «Азбукой для кореллов, живущих в Кемском уезде» (Архангельск, 1894), букварь В. М. Никольского ушёл намного вперёд в содержательном, педагогическом и полиграфическом отношениях. Лишь два упомянутых издания, выпущенных в метрополии, предназначались непосредственно для карельских детей. Все прочие книги и брошюры на карельском языке (чаще двуязычные издания на карельском и русском/церковнославянском языках с параллельными текстами) предназначались чаще всего для священников и учителей, либо для чиновников.

Быстрое проникновение печатной русскоязычной книги в карельскую деревню началось в середине 1890-х годов. Для повышения доступности книги, формирования у крестьян интереса к чтению Олонецкое губернское земское собрание нашло средства для организации при народных училищах распродажи дешёвых книжек, картин, календарей и молитвенников. На школьных распродажах в основном были представлены издания Сытина из отдела «улучшенной народной литературы». Начиная с 1894–95 учебного года, после императорского указа о повсеместном открытии народных чтений – своего рода учебно-воспитательных лекториев, получает развитие и эта, относительно новая, форма просветительской работы. Организация чтений возлагалась на учителей, которые привлекали к этой работе детей. После лекции школьники читали стихи, басни, иногда ставили спектакль. Сеть народных лекториев в первый же год их существования охватила в Олонецкой губернии до 40 школ, её расширение сдерживалось лишь нехваткой «волшебных фонарей» – проекторов, в то время как «световые картины» (диапозитивы) передавались из школы в школу.

Учительница Е. Захарова в 1898 г. писала о первом опыте организации народных чтений в карельском селе Ведлозеро: «Для народа, для учащихся и для не учащихся ещё маленьких детей в Кореле народные чтения служат настоящим праздником. Маленькие дети, только что умеющие говорить, уже не остаются дома, а просятся у матерей в школу на чтение, многие женщины приходят с детьми на руках. Теперь народ знает школу и имеет что-то общее с нею! В настоящее чтение все классные комнаты были битком набиты народом и народ благодарил очень учителя и законоучителя за устройство чтения, а детей хвалил. Детям были розданы крендели, которых публика принесла довольно много. Многие из крестьян подходили к учителю и пожимали ему руку, чего раньше не бывало. Уходя домой, многие спрашивали: “Будет ли ещё такой хороший праздник в училище?”»¹⁶.

По данным губернского земства в 1912 г. народные лектории, собиравшие всех желающих, периодически устраивались в каждой второй школе, в среднем по 7 таких мероприятий в год. Церковно-приходские школы также активно участвовали в этой работе (с 1901 по 1910 гг. среднее число чтений в ЦППШ составляло 2292 в год). За упешную деятельность в этой сфере наблюдатель церковно-приходских школ Олонецкой епархии

¹⁶ Олонецкие губернские ведомости. 1898 № 38. С. 2.

о. Н. Чуков был награждён бронзовой медалью международной научно-промышленной выставки «Детский мир», устроенной в Петербурге в 1904 г.¹⁷

Разумеется, успех народных чтений всецело зависел от лектора – уровня его подготовки, эрудиции, умения работать с аудиторией. «Слабым местом» народных чтений оставалась некоторая хаотичность тематики, которая задавалась содержанием световых картин, присылаемых земской управой из уездного центра. В 1912 г. заведующий бюро внешкольного образования Петрозаводского уездного земства И. Никольский критически характеризовал склад световых картин земской управы: «14 серий религиозно-нравственного содержания, 14 – исторического, если вообще можно сказать это про картины к брошюрам издания постоянной комиссии по устройству чтений, ничего – по географии (две серии – “Архангельский край” и “Открытие Америки”), столько же по природоведению (две серии чисто утилитарного характера – “Куры и уход за ними” и “Ива, польза от неё и её разведение”), 9 – до приторности тенденциозных серий к брошюрам Булгаковского с антиалкогольным содержанием, 57 юмористических картин, 50 картин с видами Петербурга и только несколько серий к рассказам Гоголя “Майская ночь”, “Ночь перед Рождеством”, “Сорочинская ярмарка”, “Тарас Бульба”, “Страшная месть”, Льва Толстого – “Где любовь, там и Бог”, “Кавказский пленник”, Тургенева “Му-Му”, Пушкина – “Сказка о рыбаке и рыбке”, “Капитанская дочка”, Ершова “Конёк Горбунок”, Короленко “Судный день”...».¹⁸

Чтобы убедить чиновников в необходимости реформирования лекториев и выделения на это соответствующих средств, И. Никольский дал образное сатирическое описание народных чтений в их худшем варианте: «Приезжал лектор, зажигался фонарь, на двери или на стену наколачивалось полотно и собравшимся 30–150 лицам показывались картины и попутно читалось или иногда рассказывалось содержимое этих картин: религиозно-нравственных серий учителя обычно избегали сами, история оказывалась без исторического содержания, русская литература, одна из высоко нравственных литератур мира, сводилась к простой фабуле рассказа, отдел географии отсутствовал, об естествознании не заикались, брошюры Булгаковского вызывали тошноту даже у лектора, не говоря уже об аудитории, и только какая-нибудь юмористическая картинка в конце чтения... поднимала настроение и на время собирала общее внимание. Лектор, стоя у раскалённого фонаря, обливался потом, желая овладеть вниманием аудитории, взрослая часть которой или вслух делилась впечатлениями от показанной картины, или переходила на чисто житейские темы, молодёжь заводила “амуры”, пользуясь благодетельной темнотой, а ребяташки были только обыкновенными ребяташками: смеялись, толкались, вслух жаловались друг на друга и т. д. Лектор обращался с увещеваниями к аудитории, бил на благоразумие старших, молил и грозил и кое-как дотягивал до конца».¹⁹

Вслед за этой утрированно-негативной характеристикой И. Никольский предложил реформировать народные чтения. По его мнению, реформа должна была состоять в усилении планомерности в организации чтений в масштабах уезда и «привязке» программы каждой лекции к местным условиям. Особое внимание предлагалось уделять отделу научному, который бы включал сведения по географии, начиная с Олонецкого края, из русской истории, естествознания и прикладных знаний.²⁰ В этой программе преобразований были уязвимые места. Одно из них – извечная кадровая проблема, другое – острый дефицит краеведческой литературы о Карелии.

При всех недостатках в организации народных чтений, их популярность была велика, поскольку во многих селениях это был единственный вид просветительской работы. На подобные собрания приходили в равной мере дети и взрослые, число слушателей обычно составляло в малонаселённых пунктах от 30 до 70 человек, в крупных селениях – до нескольких сот. Применение карельского языка значительно повышало популярность народных чтений. Один из русских слушателей лекции в глухой карельской деревушке Нинисельге (Сямозерская волость Петрозаводского уезда) писал в 1908 г.: «...толпа дублёных полушубков мужиков и красных платков баб. Производила чтение местная учительница. Раздались первые слова чтения и слушатели насторожились, лица прояснились и улыбаются! В первый раз под крышею школы разносилось чтение на карельском, родном для слушателей языке и в течение двух с лишком часов лекторша могла заинтересовать таким серьёзным чтением, как “какой вред приносит пьянство физически и морально”. Кончилось чтение. Все с довольными лицами смотрят на лекторшу и “насибо суури” (большое спасибо) несётся отовсюду. Долго это чтение служило темой для разговора между слушателями, а на некоторых повлияло и морально».²¹ Особенно популярны были «чтения», сопровождавшиеся выступлением школьных хоров, вокалистов или декламаторов.

Навыки самостоятельного чтения, непосредственного общения с книгой прививала школа. В конце XIX – начале XX вв. количество начальных учебных заведений в крае быстро росло. Из имевшихся в Олонецкой губернии в 1896–97 учебном году 250 начальных школ церковного ведомства в 53 обучались дети «инородцев»

¹⁷ Чуков Н. К. Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1910. С. 22.

¹⁸ Отчёты заведующих отделами народного образования уездных земств Олонецкой губернии за 1911/12 год. Петрозаводск, 1912. С. 14–15.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же. С. 16.

²¹ Слушатель. Сообщения из уездов. С. Сямозеро, Петрозаводского уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 16. С. 19.

– карелов (32 школы) и вепсов (21 школа)²². В 1901 г. из 590 народных училищ разных типов Олонецкой губернии «иностранческими» были 142 (24,1%).²³

В Архангельской Карелии, где не было земства, работа по созданию школ шла менее активно. Здесь особая роль принадлежала церковному ведомству, отчётливо проявилась миссионерская направленность школьной работы. Активизация деятельности в сфере народного образования всякий раз была связана с периодами интенсивного проникновения из соседней Финляндии чуждой православию идеологии. В 1908–1909 учебном году занятия шли в 26 школах Архангельской Карелии²⁴.

Проведённый Олонецким губернским земством в 1909 г. учёт населения показал, что со времени переписи 1897 г. доля грамотных среди сельского населения края в возрасте старше 9 лет выросла с 24,4 до 36,2 %, при этом в карельских волостях уровень грамотности был в два раза ниже, чем в русских. Закономерно, что «самыми грамотными» являлись подростки 12–14 лет: среди них умели читать и писать 80 % мальчиков и 40 % девочек, средний показатель составлял 60 %. В группе молодёжи от 15 до 25 лет грамотными были 52 % (75 % мужчин и 28 % женщин)²⁵. Эти цифры в значительной мере являются показателями эффективности работы школы. В 1915 г. Олонецкие земцы констатировали: «Из вновь поступивших учеников могут рассчитывать кончить полный курс одноклассной школы не более 1/4, причём положение девочек, как в русском, так и в карельском районе значительно хуже»²⁶. Научившись читать, овладев русским языком на уровне понимания, многие карельские дети покидали школу. Официально они не признавались грамотными, если не умели писать. Однако количество людей, способных читать, а значит имевших доступ к печатному слову, несомненно, было выше численности официально зарегистрированных грамотных.

В рассматриваемый период были сделаны серьёзные шаги в разработке методики обучения карельских детей русскому языку. Наиболее талантливые учителя стремились обобщить свой опыт работы в карельской школе и поделиться им с коллегами. Официальное признание получила методика преподавания русского языка, предложенная учителем Вохтозерского училища К. И. Дмитриевым. В ней сделан акцент на наглядности, на формировании зрительного образа предмета или явления перед заучиванием русского слова. Для этой цели К. И. Дмитриев создал своеобразный музей наглядных пособий: маленький шкаф, в котором размещались около 150 моделей различных предметов. Они распределялись по отделам: насекомые; растения (хлебные, травы и цветы); земледельческие и другие орудия; дерево и производные из него (смола, дёготь, каменный уголь, янтарь); коллекции предметов, производимых из продуктов животноводства и растениеводства (кожа, шерсть, лён, хлопок и др. в разных видах); отдел почв и ископаемых (в т. ч. разные виды металлов); отдел рыболовных принадлежностей и др. Экспонаты уникального музея были представлены на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1895 г. в Москве, где его создатель был удостоен серебряной медали.

Методика К. И. Дмитриева, впервые опубликованная как приложение к материалам учительского съезда 1892 г., хорошо зарекомендовала себя, была широко востребована. В дополненном и переработанном виде её переиздали спустя десять, а затем еще через шесть лет в качестве приложения к трудам съездов инспекторов народных училищ Олонецкой губернии, состоявшихся в 1902 и 1908 годах (к ней обратились и в советское время, но впоследствии она была забыта). К. И. Дмитриев подчёркивал, что суть его метода – не зубрёжка, а понимание смысла. Он считал, что при обучении русскому языку необходимо «включить» все каналы восприятия информации учеником: не только зрение и слух, но также осязание и обоняние, используя для этого специальные предметы. Например, при изучении определений «мягкий – твёрдый (жёсткий)» в качестве пособий для составления словосочетаний рекомендовались мягкий и чёрствый хлеб, мягкие и жёсткие вареники, замазка и мел, шерсть и щетина. При изучении прилагательных, характеризующих вкусовые качества, учащимся предлагалось раздать по щепотке сахара, соли, хины и по ягодке клюквы; для лучшего усвоения слов, характеризующих запахи – три кусочка мыла: «простое», дегтярное и душистое.

Свою методику разработал также преподаватель Кимасозерского училища И. В. Оленев. При обучении русскому языку он обращал внимание на усвоение грамматики и выработку произношения, исходя из грамматических норм и фонетических особенностей карельского языка. Его рекомендации по использованию в карельских школах учебника Вольпера «Русская речь» были напечатаны в 1899 г. в столичном журнале «Русский начальный учитель»²⁷.

Для обучения чтению в школах Карелии наряду с упоминавшимися книгами использовались «Азбука в школе и дома» Бунакова, книги для чтения Попова и Радонежского. Учебники раздавались детям бесплатно. Так, к началу 1896/97 учебного года Олонецким епархиальным училищным советом было получено

²² Отчёт о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1896–97 учебный год. Петрозаводск, 1898. С. 23, 24.

²³ Попов Г. А. Отчёт о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1901 г. Петрозаводск, 1902 г. С. 15.

²⁴ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 86.

²⁵ Учёт грамотности и образования населения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1910. С. 1, 22, 49.

²⁶ Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1914–15 учебный год. Вып. III. Петрозаводск, 1915.

²⁷ Оленев И. В. Заметки по обучению грамоте и русскому языку в иностранных школах // Русский начальный учитель. 1899, апрель. С. 1–10.

из книжных складов столицы свыше 10 тыс. экземпляров учебников, пособий по разным предметам, молитвенников.

Расширение школьной сети увеличило спрос на книги в деревне. По инициативе Олонецкого губернатора в середине 1890-х гг. началось создание народных библиотек-читален. Земство рассматривало библиотечную работу как часть деятельности по подъёму народного образования, подчёркивая, что «успехи школьного дела вообще в значительной степени обуславливаются состоянием библиотек...». С 1908–1909 гг. уездные земства, опираясь на учителей, начинают осуществлять программу создания сети сельских библиотек, расценивая их как средство укрепления позиций школы в деревне. Каркас создаваемой библиотечной сети составляли волостные библиотеки-читальни. В дополнение к центрально-волостным библиотекам-читальням земство открывало при начальных школах библиотеки, получившие название школьно-народных, обслуживавших читателей соответствующего школьного района.

Особенностью организации библиотечного дела в малонаселённой Олонецкой губернии, с обилием мелких разбросанных деревень, стало создание передвижных библиотек (чаще их именовали сумочными библиотеками или летучками). Такие библиотеки состояли из отдельных сумок или берестяных кошель, укомплектованных 5–6 книгами. Они находились в ведении учителей, рассылавших сумки через сельскую почту по адресам бывших учеников. Изобретателем так называемой «сумочной народной читальни» был уже упоминавшийся учитель Вохтозерской начальной школы К. И. Дмитриев. Он опробовал этот способ библиотечной работы в 1895 г.; удачный опыт был поддержан земством и получил быстрое распространение в крае, а затем и в других регионах России²⁸.

Комплектовались земские библиотеки Олонецкой губернии по принципу «объёма знаний» (в книгах передвижных библиотек предусматривалась информация в пределах начальной школы, в книгах народно-школьных библиотек – в объёме курса городских училищ, в книгах центральных библиотек – в объёме курса средних и даже высших учебных заведений). Губернское земство вело и разработку библиотечных каталогов, на основе которых комплектовались библиотеки.

По мнению чиновников Министерства народного просвещения, земство нерационально и несвоевременно расходовало денежные средства на организацию дорогостоящих библиотек-читален и опережало потребность читателей, так как имеющиеся в этих библиотеках книги по своему содержанию «не соответствовали степени умственного развития крестьянского населения». Отчёты работников земских библиотек опровергают это мнение. Например, по сведениям за 1913 г. жители с. Важины предъявляли к библиотеке «высокие и всесторонние требования». Библиотекарь С. В. Якименко отмечал: «Начиная со сказок, требования восходят до книг по философии, логике и психологии, отмечается стремление иметь произведения наших лучших писателей для изучения русской словесности... Повышенные требования читателей уже переросли те знания, которые может дать библиотека»²⁹.

Показателем растущего интереса крестьян к книге было постепенное расширение радиуса действия библиотек-читален. Из года в год увеличивалась доля читателей из дальних деревень (находящихся от библиотеки на расстоянии более 15 км): в 1910 г. их насчитывалось 17 %, в 1911 г. – 21 %, в 1912 г. – 25 %. Библиотекари отмечали в своих отчётах постоянство читательских вкусов. Около 50 % всех выданных книг обычно составляла беллетристика. Предпочтение отдавалось произведениям Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Крылова. Затем следовали книги по истории (около 12 %), по географии – прежде всего книги о путешествиях – (9–10%) и природоведению (около 8 %). Высоким спросом пользовались также журналы, особенно иллюстрированные. Фотографии и рисунки в них с интересом рассматривали даже совершенно неграмотные крестьяне. Книги религиозно-нравственного содержания читали в основном пожилые люди (около 6 % всех выдач). Росла потребность в книгах о сельском хозяйстве и ремёслах, по вопросам кооперации, но библиотеки не могли полностью удовлетворить её из-за отсутствия необходимой литературы (1–2 %) ³⁰. (Рис. 3.)

²⁸ Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии. 3–8 июня 1908 года. Петрозаводск, 1908. С. 177.

²⁹ НА РК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1/11. Л. 27.

³⁰ Обзор деятельности по внешкольному образованию земств Олонецкой губернии за 1912/13 г. С. 18.

Рис. 3. Интересы читателей библиотек Олонецкой губернии. 1912–1913 гг.³¹

Учитель П. К. Успенский, трудившийся в карельской местности Олонецкого уезда, замечал, что «...Ещё не настало у нас то время, чтобы народ ходил с Белинским и Гоголем под мышкой, как желал того Некрасов, но всё же замечается, что в выборе книг наш мужик изменил Еруслану Лазаревичу и Бове Королевичу. Приходится наблюдать, что большой любовью населения пользуются книги исторические и путешествия. Как видно, крестьянин уже хочет знать и историю своей земли, хочет знать и то, как живут другие»³².

В годы первой мировой войны увеличился спрос на художественные произведения. Работники библиотек объясняли это явление «наблюдающимся напряжением эмоциональной жизни». В то же время упрочилась сформировавшаяся в годы русско-японской войны популярность газеты. Возможность узнать из периодической печати о волнующих событиях, о вестях с фронта привлекла в библиотеку ту часть населения, которая здесь прежде никогда не бывала. В этот период возобновляется интерес взрослого населения к народным чтениям, поскольку учителя обязательно вводили в свои лекции отдел «сообщения о войне». Читались телеграммы, рассылаемые уездными земствами, и информация из газет, получаемых школой.

Среди читателей сельских библиотек преобладали мужчины: в 1912 г. они составляли 78 %³³. Чтение для большинства крестьян было занятием сезонным. Спрос на книгу резко возрастал зимой и сокращался до минимума в летние месяцы, когда многие мужчины уходили на заработки, и были в разгаре сельскохозяйственные работы. Библиотекари отмечали большой спрос на книги в старообрядческих селениях, отличавшихся высоким уровнем грамотности.

Церковное ведомство создавало библиотеки в крае, прежде всего, для решения миссионерских задач. В 1898 г. главный совет Александро-Свирского Братства, контролировавший все миссионерские дела в Олонецкой епархии, принял решение о создании «противораскольнических» библиотек. Олонецкое отделение Православного карельского братства создало свою «Сумочную народную читальню». В 1909 г. в ней насчитывалось 30 сумок, каждая из которых была укомплектована семью книжками. По мнению организаторов в них содержалось «всё то, что любит крестьянин и что ему нужно и полезно знать: ...книжки миссионерского характера, поучения, рассказы из священной и русской истории и географии, полезные сведения по медицине и сельскому хозяйству, назидательные рассказы и листки Братства...»³⁴.

В волостях, граничивших с Финляндией, библиотеки, наряду со школами, были призваны создавать заслон лютеранскому влиянию, воспитывать население в православном духе. Например, в уставе Кавайнской библиотеки им. Н. В. Гоголя подчёркивалась её цель «содействовать укреплению и развитию русской грамотности на границе с Финляндией». О пополнении фондов приграничных библиотек заботилась православная церковь и даже канцелярия императора. В 1912 г. в Кавайнской библиотеке насчитывалось около

³¹ Составлено по: Обзор деятельности по внешкольному образованию земств Олонецкой губернии за 1912–13 г. Петрозаводск, 1913. С. 18.

³² Успенский П. Олонец // Вестник Олонецкого губернского земства. ВОГЗ. 1909. № 23. С. 13–14.

³³ Обзор деятельности по внешкольному образованию земств Олонецкой губернии за 1912–13 г. С. 23–24.

³⁴ Дмитриев К. И. Сумочная народная читальня Олонецкого православного карельского братства. Петрозаводск, 1909. С. 8.

2 тысяч экземпляров книг, в списках числилось 166 читателей, при этом некоторые приезжали из деревень, удалённых от библиотеки более чем на 40 км. Ежемесячно выдавались в среднем 264 книги³⁵.

В Архангельской Карелии и школьное, и библиотечное дело развивались вяло. По официальным данным в 1908 г. здесь имелось пять народных библиотек при училищах министерства народного просвещения, три из которых (при Панозерском, Тунгудском и Ухтинском училищах) содержались за счёт губернского общества для содействия распространению народного образования, а две – при сельских училищах (Мининском и Юшкозерском) – на средства земских сборов. Также работали библиотеки при Тунгудской и Маслозерской церковно-приходских школах. В 1909 г. Кемский комитет попечительства о народной трезвости создал народные библиотеки при школах в селах Ругозере, Сапосалме и Логовараке. Просветительская деятельность комитета не получила развития, поэтому открытые им библиотеки оставались мизерными, насчитывали от 100 до 250 томов. В 1916 г. во всем Кемском уезде насчитывалось 25 бесплатных народных библиотек при сельских училищах³⁶.

Ученические библиотеки существовали при каждой школе, однако они очень различались и по своим размерам, и по качественному составу. Средний размер школьной библиотеки составлял около 300–400 книг. Подавляющую часть фондов школьных библиотек составляли дешёвые периодические издания и приложения к ним. При всей тяжести условий – хронической нехватке учительских кадров, разбросанности мелких населённых пунктов и отсутствии дорог – здесь также пробивали себе дорогу народные чтения, поскольку потребность в них была велика. Они давали возможность получать новые знания как грамотному, так и неграмотному населению, что было чрезвычайно важно для Карелии, где неграмотные составляли большинство.

Итак, в конце XIX – начале XX вв. в крестьянской среде Карелии была востребована и русскоязычная, и финноязычная литература. Через школу и церковь распространялись книги на русском языке, в незначительной степени – издания на карельском языке с кириллической графикой. В то же время крестьяне, связанные экономическими и родственными узами с Финляндией, приобретали в соседнем княжестве и приносили в карельские деревни финские издания. Усиление финского влияния на приграничные карельские уезды в начале XX века и последовавшие ответные меры российских властей объективно способствовали улучшению состояния народного образования в крае и просветительской работы среди крестьянства.

Приложение

Издания на карельском языке и двуязычные издания (карельский и русский/церковнославянский языки) конца XIX – начала XX вв.

Азбука для кореллов [карелов], живущих в Кемском уезде Архангельской губернии. – Архангельск : Православ. миссионер. о-во : Типолит. В. Черепанова, 1894. – [2], 29 с. – Текст карел., рус. Авторы – священники М. А. Усердов, Н. К. Дьячков, П. Преображенский. Азбука, предназначенная для церковно-приходских школ, состоит из трёх разделов: 1) карельский раздел включает алфавит и упражнения для чтения; 2) русский раздел, повторяющий содержание первого; 3) параллельные тексты молитв на русском и карельском языках (8 стр.).

Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея на карельском языке = Господань миань Иисусань Христань пюгя Евангели Матфейста карьялань кielелля. – Архангельск : Типолит. В. Черепанова, 1895 (обл. 1896). – 90 с.

Люгюккяйни Священной исторія = Краткая Священная история Ветхого и Нового Завета : на рус. яз., с переводом на карел. яз. – Архангельск : Православ. миссионер. о-во : Типолит. В. Черепанова, 1895. – 57, II с.

Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Марка на карельском языке = Господань миань Иисусань Христань пюгя Евангели Маркешта карьялань кielелля. – Архангельск : Типолит. насл. Д. Горайнова, 1896. – 55 с.

Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Луки на карельском языке = Господань миань Иисусань Христань пюгя Евангели Лукашта карьялань кielелля. – Архангельск : Типолит. насл. Д. Горайнова, 1899. – 95 с.

Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Иоанна на карельском языке = Господань миань Иисусань Христань пюгя Евангели Ииванашта карьялань кielелля. – Архангельск : Типолит. насл. Д. Горайнова, 1900. – 72 с.

Люгът неввонду кюльвяндях сүдтандугейниен: туа гейнан и руис гейнан, кудама т войби казваттуа пелдолойл и ниттулойл. – Петрозаводск, Олон. губ. тип., 1903. – 8 стр. [Краткие советы о посеве кормовых трав, которые могут произрастать на полях и на откосах. Перевёл на карельский язык учитель М. С. Куджиев].

³⁵ Отчёты заведующих отделами народного образования уездных земств Олонецкой губернии за 1911/12 год. Петрозаводск, 1912. С. 49.

³⁶ НА РК. Ф. 240. Оп. 3. Д. 3/36; Д. 5/59; Д. 6/66. Л. 18; Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 83.

Вопросы при исповеди мирян, расположенные в порядке десятословия, расширительная молитва и молитва перед причащением на карельском языке : проект / пер. братского миссионера-свящ. Виктора Никольского. – СПб. : Православ. Карел. братство во имя св. великомученика и Победоносца Георгия : Тип. «Колокол», 1908. – 17 с. – Текст парал. рус., карел. (1000 экз.).

Двенадцать страстных Евангелий, чтимых в Великий пяток на утрени на карельском наречии : проект / пер. свящ. Виктор Никольский. – Православ. Карел. братство во имя св. великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1908. – 48 с. (3000 экз.).

Краткая Священная история и молитвы на русском и карельском языках : руководство для законоучителей карел. школ : проект. – Православ. Карел. братство во имя святого великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1908. – 74 с. : ил. – Текст парал. рус., карел. [Текст подготовил о. Николай Чуков, перевёл на карельский язык о. Виктор Никольский] (3000 экз.).

Пасхальное Евангелие (Иоанн, 1–17) : проект. – Петрозаводск : Олон. губ. отдел Правосл. Кар. братства : Губ. типогр., 1908. – 2 с. – Текст парал. церковнослав., карел.

Русско-карельский словарь / сост. учитель Святозерского одноклас. уч-ща Михаил Дмитриев Георгиевский ; [предисловия сост. и ред. Ф. Фортунатова]. – СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1908. – 53 с. – Предисл. рус.

Св. Евангелие на литургии в неделю Мясопустную. – Петрозаводск : Ол. отд. Православ. Кар. братства : Губ. тип., 1908. – 2 с. – Парал. церковнослав. и кар. текст. (500 экз.).

Житие св. великомученика и целителя Пантелеймона : на рус. и карел. яз. : проект / [Пер. свящ. Виктор Никольский]. – Православ. Карел. братство во имя святого великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1909. – Текст рус., карел. Часть текста парал. рус., карел. (1000 экз.).

Как следует веровать, жить и молиться = Куй *pidäy* ускуо, элйа и молиексехъ (Беседа пастыря с пасомыми, учителя с учениками о главнейших истинах православной христианской веры в вопросах и ответах) : Из беседы Высокопр. Макария, архиепископа Томского с доп. / пер. иеромонаха Киприана и иеродиакона Исаакия. – Православ. Карел. братство во имя св. великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1909. – 10 с. – Текст парал. рус., карел.

Шестопсалмие = Кууввёнъ псалминъ лугеминэ : проект / [Пер. свящ. Виктор Никольский]. – Православ. Карел. братство во имя святого великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1909. – 10 с. – Текст парал. рус., карел.

Таинство свят. крещения. – Выборг : Православ. Карел. братство, 1909. – 7 с.

Божественная литургия, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого : На карел. наречии для священнослужителей и певчих. – Православ. Карел. братство во имя святого великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1911. – 20 с.

О таинстве крещения = Ристинду-таинство. – Православ. Карел. братство во имя святого великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1911. – 7 с. – Текст парал. рус., карел. (500 экз.).

О таинстве тела и крови Христовой = Пюгёнъ (Юмаланъ Гибьянъ и Верень) отанду таинство. – Православ. Карел. братство во имя святого великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1911. – 8 с. – Текст парал. рус., карел.

Государственнойдъ сберегательнойдъ кассадъ [Государственная сберегательная касса]. – СПб. : Типолит. «Энергия», 1913. – 15 с.

Русско-карельский словарь / сост. учитель Видлицкого М-ва нар. просвещения уч-ща Виктор Королев. – 1-е изд. – Изд. авт. : Выборг : Новая тип., 1913. – 74 с.

Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Иоанна = Иоаннанъ Пүгä гүвä-санелемине : проект. – Православ. Карел. братство во имя св. великомученика и Победоносца Георгия : Выборг : Новая тип., 1914. – 60 с.

Никольский В. М. Букварь для обучения русской грамоте карельских детей. Первый опыт обучения инородцев по природно-звуковому методу русской грамоте. – Пг., 1915. – 77 с.

*Кондратьев В. Г.,
Музей истории народного образования ГОУ РК «ИПКРО»*

«Научение знанию книжному»: духовное образование в Олонецкой губернии

Важным для церковной школы до конца XVII века было «научение знанию книжному» с основной целью – подготовить грамотников для переписки сочинений отцов церкви, хранящихся в церковных и монастырских библиотеках. Книга является центром обучения, а книжники, грамотники, начетчики уважаемыми и почитаемыми людьми. Тогда же в XVI–XVII вв. появляются обширные личные библиотеки, включающие

десятки, а, порой, сотни томов. Существенное внимание в образовательном процессе отводилось также церковному богослужению и обрядовой традиции.

Русский педагог П. Ф. Каптерев выделяет следующие основные черты духовной школы до XVII века:

1. Педагогика этого периода была заимствованной.
2. Воспитательный идеал был ветхозаветный, суровый, исключавший самостоятельность и свободу личности, всецело подчинявший детей воле родителей, не хотевший даже знать и считаться с вполне естественной потребностью детей в игре, смехе и веселье.
3. Образование было церковно-религиозным и заключалось в изучении церковно-богословских книг. ... Учились главным образом у мастеров грамоты, учились долго с великим трудом и биением. Образование было одинаковым для всех и свободным делом свободного договора между родителями ученика и учителем. ...Образованию ставилась серьёзная воспитательная задача – душеспасительность, стремление сделать людей лучше, научить их премудрости и страху Божию.
4. Отсутствовала специальная педагогическая литература.
5. Отсутствовало педагогическое сословие. (8;103-105).

Во многом эти черты проявляются в школе старообрядцев, которая, однако, имела и свою специфику.

Начинается образовательная деятельность старообрядцев с появления института *мастеров и мастериц*. Они выполняют своё послушание обучением малолетних. Вскоре главную роль начинают играть девушки-наставницы. Основанное в 1694 году Выговское мужское общежитие (немногим позже основывается Лексинская женская пустынь) стало важнейшим старообрядческим центром на Севере России.

Основатели обители Данил Викулов и братья Денисовы были образованными людьми. В обители организуется обучение, начинается активное собирание книг и привлечение сведущих учителей.

Андрей Денисов прошёл основательную подготовку в Киеве и, по словам историка-старообрядца И. Филиппова, в Москве, где «грамматическому и риторическому разуму учащегося зело извыче» (29;139). А. Денисов с большой страстью и ораторским искусством произносил поучения, за что современники из его окружения называли его русским Демосфеном. И. Филиппов упоминает Петра Прокопьева, учившего церковному пению и грамоте (29;157). Из Москвы был приглашён мастер церковного пения Иван Иванов, который был «учён церковному пению и по знамени и по помете древлецерковных книг», (29;141) из Вязьмы – иконописец Алексей «вельми хитр бе в том художестве» (29;141).

Образовательная деятельность старообрядцев Выгореции привела к поразительному результату: именно представители поморского толка старообрядчества, к которому принадлежали выговцы, оказываются наиболее плодовитыми и интересными старообрядческими писателями (из 610 известных сочинений 547 принадлежат перу поморцев) (12;62). Иконы иконописных мастерских Выголексинской пустыни отличаются совершенством и строгостью письма. Славятся меднолитые изделия и золотное шитьё мастерских обители, достигает высокого уровня искусство переписывания книг.

В выговских школах обучались дети обоего пола, для обучения надо было получить благословение настоятелей, наиболее способных учеников сам Андрей Денисов обучал риторике, грамматике, началам философии. Выступая с поучениями и проповедями, Андрей всегда находил отклик в благодарных сердцах своих слушателей, «...правда, что эти поучения не всегда могли быть доступны Выговской братии, стоявшей по своему умственному развитию ниже своего учителя; но тем не менее его “красногласование” нравилось пастве, её очаровывало так, что Андрей заслужил от неё лестное прозвище “Второго Златоуста”» (22; 241). Учителями были и прочие Денисовы. В словаре Брокгауза и Ефрона отмечается, что «выгорецкие школы скоро сделались школами для детей всего раскольникового мира; со всей России свозились сюда ученики и, в особенности, ученицы (“белицы”))». (Брокгауз и Ефрон, т. 14. сс. 486–487). Историк старообрядчества В. Г. Дружинин писал: «Обучением грамоте достигалась двоякая цель: первая – люди грамотные нужны были для самой пустыни; вторая – обучение в стенах пустыни укрепляло обучающихся в твёрдой приверженности беспоповскому вероучению и отчасти способствовало распространению его среди обучаемых; когда последние, окончив учение, возвращались домой» (4; 6).

М. И. Бацер указывает: «Обучение происходило не только в форме личных контактов. Выг располагал большим количеством рукописных и печатных учебников по словесным наукам. Известно, что грамматика ревностно изучалась в общежитии, но это не было самоцелью. Подлинной страстью и учителей и учеников была пиитика. Подход к этому делу оказался вполне практическим и учебник просодии не знал отдыха» (2; 158).

Т. А. Мошина указывает: «...школы Выговского общежития через своих учеников, детей крестьян и купечества со всего Русского Севера, писателей и миссионеров способствовали распространению грамотности, книжной культуры, духовных стихов, были, основ народной медицины. Книжные и ремесленные знания, полученные в общежитии, а позже – у выговских старцев и “монастырок”, высоко ценились. К таким грамотеям обращались за помощью, советом и душевным утешением». (14; 53).

В царствование Николая I старообрядцы подверглись притеснениям. В 1838 г. им было запрещено переписывать «древлецерковные» книги, причём более 3000 рукописей были сожжены как еретические. В 1854 г. Выгово-Лексинская пустынь была окончательно упразднена, подверглась разрушению (13; 9).

Именно попытки старообрядцев организовать обучение в свою очередь подвигали деятелей православной церкви и государственных чиновников противопоставить их образованию свою систему духовной школы и ограничить их влияние.

С 1779 по 1786 гг. в Свято-Троицком Александро-Свирском монастыре работала духовная семинария. Об этом упоминается в описании монастыря, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1901 г.: «В 1779 году учреждена была в Троицком монастыре Олонецкая духовная семинария, которая состояла из следующих пяти классов: фары, инфимы, синтаксиса, пиитики и риторики. Желавшие же изучать философию посылались в Архангельскую семинарию... На обзаведение и содержание семинарии указано было отпускать по 2000 рублей ассигнациями в год» (23; 96).

Историк А. В. Карташев, отмечая недостаточность этих средств, пишет: «На семинарию в год приходилось 2000 р. Учителя получали по 150 р. в год. Подвижников такого учительского оклада было немного. Да и этим труженикам заведенная нищенская система учительства не давала возможности усилить свою специализацию в науках. Один преподаватель, а самое большее – два-три, вели все ступени школы. Переходя в высший класс, они брались преподавать уже новые дисциплины в своём классе и т. д.» (9; 551).

Семинария проработала недолго и уже в 1786 г. была переведена в Архангельск. За краткий период своего существования семинария перенесла разрушительный пожар, а почти сразу после ликвидации последствий бедствия была закрыта.

Безусловно, в конце XVIII века система духовного образования в России страдала серьёзными недостатками, но примечателен сам факт, что в 1770-е гг. она действительно превращается в систему с ответвлениями в провинции. Семинарии, хотя и недостаточно финансируемые из казны, открываются не только в Москве, Петербурге и Киеве, но и в губерниях. Тем самым расширяются возможности для подготовки приходского духовенства к его пастырскому служению. Недостатки системы церковного образования были преодолены в начале XIX века в результате работы комиссии по составлению Устава церковных учебных заведений (1808–1814 гг.), возглавляемой первоначально М. М. Сперанским, а с 1809 г. выходцем из Олонецкой губернии епископом Феофилактом (Русановым). В. А. Фёдоров пишет: «Реформа 1808–1814 гг. привела к расцвету духовного образования и к становлению отечественного богословия, патристики, церковной истории и права. Она способствовала увеличению числа преподавателей, повышению их профессионального уровня» (27; 79). Созданная реформой система образования (духовное училище – семинария – академия) существовала практически без изменений до 1918 г.

В 1801–1816 гг. в Александро-Свирском монастыре работала духовная школа для мальчиков, которая содержалась за счёт собственных средств монастыря. В 1812 г. в этой школе обучались 9 мальчиков. Все они были детьми священнослужителей (НА РК, ф. 42, опись 1, д. 1/2, л. 3).

До начала XIX века Олонецкая губерния оставалась без специального учебного заведения для подготовки священнослужителей. С 1809 по 1829 гг. духовное образование было представлено духовным училищем в Петрозаводске. Училище было открыто 16 сентября 1809 г. Ректором духовного училища был назначен протоиерей Троицкой Заречной церкви Иосиф Ярославлев, смотрителем – священник Ермолай Соломенский. Первыми учителями стали студенты философии Кирилло-Белозерского духовного училища Василий Иконников и Андрей Громов (ОГВ, 12 января, 1877). Программа приходского училища, рассчитанная на 2 года, включала в себя: чтение и письмо; четыре правила арифметики; церковное пение по нотам; первые начала русской грамматики и сокращённый катехизис. Уездное училище, обучение в котором длилось 4 года, продолжало более углублённое изучение тех же предметов, а кроме них изучались греческий и латинский язык, история и география, пространный катехизис. Уже с 1832 г. в числе преподавателей училища появляются первые выпускники Олонецкой духовной семинарии. В дальнейшем губернская семинария становится главным поставщиком педагогических кадров для училища. После 1853 года приходское и уездное духовные училища были объединены под названием Петрозаводское уездное духовное училище, состоящее из трёх отделений: низшего, среднего и высшего. Курс обучения составлял 6 лет. В 1872 году училище преобразовано по новому уставу (1867 года). В 1917 г. в училище преподавались: Катехизис, церковный устав, священная история, арифметика, география, греческий, латинский и церковно-славянский языки, история, природоведение, чистописание, черчение, русский язык и церковное пение. Из семи преподавателей училища пятеро были кандидатами богословия. Церковное пение преподавал Александр Максимов, окончивший курс в императорской придворной капелле. В училище проводились тематические вечера с «туманными картинками». Учащиеся заучивали наизусть стихотворения русских классиков. Существенное внимание уделялось физическим упражнениям, гимнастике, играм на свежем воздухе, для чего был приобретён спортивный инвентарь. Учащиеся старших классов занимались военной подготовкой. Училище располагало неплохой библиотекой. В свободное время ребята с удовольствием пели в училищном хоре, обучались игре на фисгармонии, балалайках и скрипках. Из 135 учащихся 109 проживали в общежитии. Любопытно, что 14 учащихся были представителями «инославных», т. е. других конфессий (НА РК, ф. 91, опись 3, д. ¼).

29 ноября 1829 г. в губернском центре открыта духовная семинария. Этому предшествовала солидная подготовка. Первой задачей было создание правления семинарии. Затем был решён вопрос с контингентом обучаемых: все семинаристы, уроженцы Олонецкой губернии были переведены из Новгородской и Санкт-Петербургской семинарий «по месту рождения», т. е. в Петрозаводск. Библиотека семинарии формировалась за счёт Санкт-Петербургского, Московского и Киевского академических правлений, которые обязаны были по решению Святейшего Синода передать вторые экземпляры книг в распоряжение новой семинарии. Как отмечает Э. Д. Степанова: «Образование в семинарии состояло в следующем: 1. Науки словесные. 2. Исторические. 3. Философские. 4. Математические. 5. Богословские. Языки – греческий, латинский, еврейский, французский или немецкий» (26; 69). Сильным был и преподавательский состав. А. М. Пашков

совершенно справедливо замечает: «...есть все основания считать, что уже к концу 1870-х гг. именно Олонецкая духовная семинария стала основным центром подготовки местной интеллигенции» (18; 41). В своей статье, посвящённой Олонецкой духовной семинарии он также отмечает: «Учёба в Олонецкой духовной семинарии была единственной возможностью для детей духовенства и крестьянства получить среднее и высшее образование. В связи с этим, а также из-за кризиса религиозности на рубеже XIX–XX вв. значительная часть выпускников, вероятно до половины их, избрала светскую карьеру. Уровень преподавания в Олонецкой духовной семинарии был достаточно высок. Её питомцы были подготовлены как к педагогической, так и к научной деятельности» (18; 55).

На самом деле возможностей для детей духовенства и крестьянства к 1870-м гг. стало заметно больше. Детям духовенства с 1864 г. был открыт доступ в гимназии, а основным контингентом учительских семинарий были юноши из крестьянских семей. Девочки из семей духовенства и крестьян могли получить образование в Епархиальном училище. Достаточно любопытной представляется в данном аспекте школьная статистика. В 1865 г. число учащихся обоего пола на 100 человек населения составляло среди дворян 9,8, а среди духовного звания 12,3. В 1888–1889 гг. число учащихся среди дворян и чиновников Олонецкой губернии составляло 18,8 % среди мужчин и 13,1 % среди женщин, среди лиц духовного звания соответствующие данные составляют 24,6 % и 13,5 % (ОГВ, № 74, 27.09.1889). Духовенство было наиболее образованным сословием в Олонецкой губернии. Оно и поставляло основные кадры учителей. Много лет спустя после закрытия духовных учебных заведений в школах Карелии продолжали трудиться их выпускники. Семинария совершила 83 выпуска, выпустив в общей сложности свыше 2000 выпускников. С середины 1870-х гг. в семинарии начали преподавать педагогику, а в 1886 г. открывается образцовая начальная школа, где студенты семинарии проходят педагогическую практику. Многие знаменитые педагоги (Елпидинские, Ржановские, Успенские, Логиневские и др.) были питомцами семинарии разных лет.

Учительниц для сельских церковно-приходских школ готовило Епархиальное женское училище, основанное в Каргополе в 1858 г. (в 1874 г. переведено в Петрозаводск). Курс училища включал: чтение, чистописание, начатки христианского учения, изъяснение литургии и других церковных обрядов и молитв, церковное пение, географию и историю России и, в особенности, Олонецкого края, с историей местного раскола; начала арифметики и счисления на счётах; рукоделие и хозяйство. На начальном этапе деятельности училища значительную роль сыграл архиепископ Олонецкий Аркадий.

Духовным ведомством в 1897 и 1898 гг. были открыты три второклассных приходских училища, специально в целях подготовки учителей для школ грамоты. К 1914 году таких училищ было 4. Курс обучения в них был шестилетним.

Основным типом учебных заведений, возглавляемых ведомством православного вероисповедания, были начальные церковно-приходские школы.

Первые сельские школы организует в 1805–1806 гг. директор народных училищ А. Е. Крылов. Всего этих школ было организовано 20 с общим числом учащихся немногим более 200 человек. Преподавателями в школах были лица духовного звания. Правительство не выделяло средств на открытие сельских школ, они были открыты лишь благодаря личной заинтересованности директора народных училищ и на те средства, которые выделили немногие благотворители. Школы не имели своих зданий.

Несколько улучшилось положение с начальным духовным образованием в связи с образованием Олонецкой епархии и просветительской деятельностью епископа Игнатия, возглавлявшего епархию в 1828–1842 гг. Игнатий всячески способствовал увеличению церковно-приходских школ, при нём впервые было введено преподавание карельского языка в Олонецкой духовной семинарии. Вспоминая период своего служения в Олонецкой епархии, епископ Игнатий писал: «... эти седмины лет были порою сеянья, временем насаждения, чему следовало насаждаться здесь вновь и вновь» (6; 1).

В 1836 году Священный Синод издал специальный Указ, в котором духовенству разъяснялись правила «о первоначальном обучении поселянских детей». В 1838 году новому министерству государственных имуществ предписано организовывать приходские училища для мальчиков в «казённых» селениях и разрешено отдавать мальчиков на обучение священникам (31; 3).

В 1830-е – начале 40-х гг. происходит рост школ, который знаменует постепенный сдвиг в этом деле. В 1836 году открыты приходские училища в Пудоже и Повенце.

Н. К. Чуков называет следующие учебные заведения на 1838 г.: 1 семинария, 7 уездных и 12 приходских училищ, 160 училищ епархиального ведомства, открытых для первоначального обучения грамоте детей в селениях при приходских церквях (31; 3–4).

На 1846 г. в Олонецкой губернии насчитывалось 8 духовных учебных заведений повышенного типа: семинария, 3 уездных училища и 4 приходских. Во всех учебных заведениях работали 33 учителя и обучалось 502 учащихся. Самым большим по числу учащихся и наставников образовательным учреждением была Олонецкая духовная семинария. В ней обучались 165 семинаристов.

Осенью 1846 г. новые приходские школы были открыты в Великой Губе, Кондопоге, Толвуде и на острове Кижь, годом позже – в Ладве, Рыбреке, Остречинах и Шелтозере.

В своём жизнеописании архиепископа Олонецкого Аркадия иеромонах Вениамин (В. П. Казанский) отмечает: «Женские училища, благодаря заботам и стараниям преосвященного Аркадия начали быстро возникать в разных концах Олонецкой епархии, например, в Вытегорских Кондушках, Палтоге, Мегрицком погосте, Тагажмозере; в Повенецком уезде в Шунье, Паяницах, Толвуде и других местах. Некоторые училища

отличались многочисленностью учащихся. Так в Кондушском женском училище в 1862 г. считалось 118 учениц» (3; 211). Вениамин отмечает постоянную заботу преосвященного об открытии новых школ именно в связи с борьбой против усиления влияния старообрядцев.

Следует отметить, что в Олонецкой губернии церковные школы создавались и частными лицами. Так 12 марта 1860 г. ОГВ сообщали, что «жена пономаря Толвуйского погоста Петрозаводского уезда Евфимия Велеславова без всяких внешних побуждений с неутомимою ревностью и пользою с 1856 г. воспитывает в своём доме поселянских детей в духе православия. Священный Синод определением 29 октября 1859 г. положил: преподать жене пономаря Евфимии Велеславовой благословение Святейшего Синода. Выдать ей, как в вознаграждение её трудов, так и для доставления ей способов содержать в своём доме училище 120 рублей серебром из духовно-учебных капиталов и, кроме того, поручить Преосвященному Аркадию наградить Велеславова похвальным от себя листом». Деятельность таких энтузиастов во многом способствовала улучшению положения с образованием крестьянских детей. Однако следует отметить, что зачастую в школах, организованных частными лицами на селе, преподавание предметов было ограничено, уроки велись на низком методическом уровне.

В декабре 1859 г. в Соловецком монастыре «...открыто училище для крестьянских детей, оставленных на годичный срок для посильных трудов в пользу обители, без платы, за одно только содержание пищею и одеждою» (ОГВ, 16 июля, 1860 г.). Курс изучаемых предметов не сводился только к ознакомлению с главными заповедями, молитвами, кондаками и тропарями, но давались также первичные сведения по арифметике, грамматике и географии. Деятельность школы была одобрена Священным Синодом.

Первоначально в 1860-е гг. происходит быстрый рост церковно-приходских школ, которые дают элементарные знания письма и чтения, а также Священного писания. В это же время несколько возрастает количество уездных училищ.

Н. К. Чуков приводит следующие данные о количестве образовательных учреждений, принадлежащих духовному ведомству к 1868 г.: духовная семинария, три духовных училища, женское училище духовного ведомства, 3 уездных училища, детский приют и 176 церковно-приходских школ (31).

С введением в 1868 г. на территории Олонецкой губернии земства ситуация в значительной мере поменялась. С этого года возрастает количество земских школ, причём, часть этих школ преобразовывается из церковно-приходских.

Видный деятель народного образования второй половины XIX века Н. А. Корф отмечает важное значение начальной школы в деле развития образования: «...начальная школа должна сообщать тот наименьший уровень знаний, без которого немислимо дальнейшее самообразование, вот её самостоятельное значение. Затем начальная школа составляет ту неизбежную ступень, на которую должен стать всякий гражданин государства и помимо которой никому не может сделаться доступным среднее и высшее образование» (10; 399).

Как отмечает А. Я. Степанов: «С конца 70-х гг. вновь были приняты меры по насаждению церковных школ. При разработке проекта об этих школах ставилась цель всё дело начального образования сосредоточить в духовном ведомстве и полностью изъять из земства» (25; 37).

После утверждения в 1884 г. Священным Синодом «Правил о церковно-приходских школах» вновь возрастает количество образовательных учреждений этого типа. Тогда же в 1880-е гг. богословское преподавание в светских школах стало значительно расширяться. Естественно, что это происходило не случайно, но не могло дать ожидаемого эффекта: «Приступая в 1884 г. к насаждению церковно-приходских школ, самодержавие иллюзорно полагало, что школа может явиться одним из действенных средств укрепления его сословной политики, одним из средств сохранения патриархальности, консервативности и политической инертности массы русского крестьянства. Во-вторых, оно слишком преувеличивало степень этой консервативности и инертности крестьянства... И, наконец, в-третьих, самодержавие явно переоценило способности духовенства “управиться” с народной школой, возлагало слишком большие надежды на силу и влияние церковного аппарата на народные массы» (17; 86).

Первоначально курс церковно-приходских школ был в соответствии с Правилами 1884 г. небольшим по количеству учебных предметов. В параграфе пятом Правил указывается: «Церковно-приходские школы могут быть одноклассными, с двухлетним, и двухклассными, с четырёхлетним курсом. В них преподаются: 1). Закон Божий, (а именно а) изучение молитв; б) Священная история и объяснение Богослужения; в) краткий Катехизис); 2). Церковное пение; 3). чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4). Начальные арифметические сведения. В школах двухклассных сверх сего преподаются начальные сведения из истории церкви и Отечества» (21; 370). Однако следует отметить, что почти сразу сама жизнь внесла существенные коррективы в программы духовных школ.

С 1891 г. в малолюдных деревнях открываются школы грамоты, которые передаются в управление церковному ведомству. Само по себе создание школ грамоты было делом полезным, причём оно было подкреплено и решением в рамках церковного образования кадровой проблемы этих школ. В. З. Смирнов отмечает: «школы грамотности могли закрываться учредителями, а низшие народные училища – только с разрешения губернского директора народных училищ» (24; 26).

К. П. Победоносцев, крайне негативно относившийся к демократическим нововведениям в области народного образования, в письме к императору Александру III от 30 июля 1883 г. сформулировал важнейшие идеи церковно-приходской школы: «Чтобы спасти и поднять народ, необходимо дать ему школу, которая бы воспитывала его в истинном духе, в простоте мысли, не отрывая от той среды, где совершается жизнь его

и деятельность» (19; 39). Однако следует отметить, что церковно-приходская школа за период с 1884 г. до начала XX века значительно изменилась. Н. В. Чехов отмечает новые черты в развитии церковно-приходских школ: «Внутренняя эволюция церковно-приходских школ за этот период (т. е. 1884–1904 гг.) выразилась в постоянном расширении их общеобразовательной программы. Трёхгодичный курс окончательно утвердился в церковной школе. Стали открываться и церковные школы высшего типа с расширенной программой. Одни из этих школ, двухклассные, преследовали только образовательные и воспитательные цели, другие, второклассные, стали готовить учителей в школы грамоты» (30; 106). Курс наук в этих школах доходил до 12 учебных предметов. Обучение в «инородческих» уездах продолжалось 4–5 лет. Немало сделано было для развития церковно-приходских школ в Олонецкой губернии Н. К. Чуковым. В сборнике «Олонецкая епархия. Страницы истории» указывается: «Во многом благодаря трудам Н. К. Чукова, бывшего епархиальным наблюдателем начальных школ в течение 16 лет (1895–1911), в Карелии была создана одна из лучших по тем временам сеть школ, находившихся под контролем духовного ведомства. Помимо начальных знаний о природе, истории, изучения Закона Божьего, детям в церковных школах преподавали пение, рукоделие, ремёсла, в некоторых были занятия по гимнастике» (1; 15).

Н. А. Кукушкина высказывает вполне обоснованное мнение о высоком уровне преподавания в этих школах к началу XX века. Она отмечает «... нельзя согласиться с имеющимся в советской литературе утверждением, что обучение в церковно-приходских школах имело сугубо религиозный характер и велось только по богослужебной литературе и пособиям, рекомендованным Священным Синодом. Более того, церковные школы были более свободны в выборе учебников, методических пособий и художественной литературы. Условия обучения во многом определялись стремлением самих педагогов и руководителей школ на местах. Учителя церковно-приходских школ, заинтересованные в поднятии уровня преподавания, нередко выбирали книги наиболее прогрессивных авторов, не всегда учитывая при этом рекомендации духовного ведомства» (11; 160).

Важными моментами в развитии духовной школы были, прежде всего, нравственное воспитание, воспитание в духе уважения традиций и истории своего народа. Между тем А. М. Пашков совершенно справедливо отмечает кризисные явления в развитии духовной школы, определённое падение уровня религиозности, нравственного начала среди её воспитанников. Но эти же явления характеризуют и развитие школы светской к концу XIX – началу XX века. С тревогой отмечает эти тенденции в образовательном процессе А. А. Мусин-Пушкин: «Наше русское юношество не воспитывается в духе русских национальных идеалов, в духе веры, преданности престолу и Отечеству, в уважении родной истории, родной старины, в любви к историческому прошлому, выстраданному родным народом и составляющему потому его драгоценную культурную собственность; отсюда естественное и неизбежное последствие – образование целых поколений, совершенно не проникнуто родными, национальными идеями» (15; 327).

Преподавательский состав духовных школ Олонецкой губернии на 1886 г. насчитывал 88 учителей. Среди учителей 57 человек были священниками (из них: 33 – законоучители и учителя, 24 – только законоучители); 5 учителей были дьяконами; 6 – псаломщиками; 18 учительниц окончили Олонецкое епархиальное женское училище; 2 учителя – Петрозаводское мужское духовное училище (ОГВ, 11 июля 1887 г., № 52).

На 1 января 1902 года во всех начальных училищах Олонецкой губернии работал 651 преподаватель, из них: законоучителей – 271, учителей – 218, учительниц – 162. Большинство законоучителей окончили духовную семинарию. Из 218 учителей 164 получили образование в учительских семинариях или на педагогических курсах, 18 – в духовных семинариях, 2 – не окончили курс, 33 – получили право преподавания по экзамену, 1 – не имел права на звание учителя. Из 162 учительниц 79 закончили курс гимназии, прогимназии или епархиального училища и 83 получили право на преподавание по экзамену (ОГВ; № 39, 40, 41, 1902 г.). Законоучителями были выпускники Олонецкой духовной семинарии и духовных училищ.

К 1 января 1914 г. в Олонецкой губернии работали: духовная семинария (261 уч-ся), при ней образцовое училище (20 уч-ся); два духовных мужских училища (308 уч-ся), Епархиальное женское училище (366), при ней образцовое училище (57 уч-ся); 10 приходских училищ (1278 уч-ся); 4 второклассных церковно-приходских школы, с правом выпускников преподавать в школах грамоты (250 уч-ся), 323 церковно-приходские школы (12 149 уч-ся). Кроме того, работали 3 воскресные школы (50 уч-ся). С учётом этих данных получается, что в школах духовного ведомства обучалось почти 16 тысяч уч-ся, что составляло 40 % от общего числа учащихся в Олонецкой губернии.

На 1914 год в России сложилась определённая система духовного образования, которая включала в себя следующие ступени: духовное училище (срок обучения 4 года) – духовные семинарии (срок обучения 6 лет) – богословские классы при семинарии – духовные академии (срок обучения 4 года). Олонецкая губерния располагала учебными заведениями первых двух ступеней.

В своей образовательной и воспитательной деятельности учителя духовных школ руководствовались определёнными принципами. Процесс воспитания личности – это процесс многогранный, он предполагает содействие, соучастие многих сторон. В своём выступлении на конференции, посвящённой 165-летию Олонецкой духовной семинарии, член Санкт-Петербургского православного педагогического общества, священник А. Зелененко подробно остановился на этом вопросе. Он, в частности, отметил: «Педагогика (с греч.) – это детоводство, или содействие развитию и возрастанию детей. Приставка со- указывает на совместное действие – педагогическое делание, в котором участвуют многие:

- а) невидимый, но самый значимый и всегда благодатный – Бог;
- б) сама развивающаяся личность – по заложенным в ней от Бога законам;

- в) родители и семейная среда;
- г) радетели, каковыми являются крестные, родственники, воспитатели и учителя;
- д) общественная среда, природа, книги и т. д.» (5; 106).

Принципы христианской педагогики безусловно заслуживают специального и более подробного рассмотрения. Одним из важнейших принципов, которым должен был руководствоваться педагог-воспитатель – это принцип подобия. Ещё древнерусская мудрость гласит: «Уча – учи поступками, а не словами». Несомненно, пример педагога и желание подражать ему в мыслях, делах и поступках многое значили для воспитуемого. Рассуждая о принципах христианской педагогики нельзя не упомянуть взгляды известного русского духовного писателя Феофана Затворника, который, в частности, писал: «В сем деле на всё надо обращать внимание и на то, что есть дитя и на то, чем быть ему. Нужно воспитать тело его, доведши его до того, чтоб оно было и крепко, и живо, и легко. Мало предоставить всё природе; должно и самим действовать по плану, с целью. Пользуясь опытами других и пособиями здоровой педагогики, но ещё больше должно заботиться о воспитании духа. Благовоспитанный духом и без крепкого тела спасётся. В сем отношении должно образовать ум, нрав и благочестие» (27; 56).

В начале XX века идут споры о дальнейших путях развития образования. Много пишется на страницах губернской печати о преимуществах того или иного типа школ. Причём, несмотря на разногласия, многие авторы публикаций полагали, что начальной школы вполне достаточно, тогда как на Западе к началу XX века основным типом образовательных учреждений была средняя школа. Только в конце XIX века ставится вопрос о введении на территории Олонецкой губернии всеобщего начального образования.

Без активной позиции церковных иерархов успешное развитие духовной школы на территории Олонецкой губернии было бы невозможно.

Нам удалось в какой-то мере проследить развитие духовного образования в Олонецкой губернии за значительный отрезок времени. Духовное образование создавалось и развивалось, прежде всего, с целью подготовки пастырских кадров для духовного ведомства, подготовки учителей и законоучителей для народного образования в крае.

По сути дела в первый период своего развития духовная школа была едва ли не единственным источником подготовки педагогических кадров. Роль Духовного училища в Петрозаводске, Олонецкой духовной семинарии и Олонецкого епархиального женского училища в подготовке педагогических кадров, в формировании интеллигенции в крае не стоит недооценивать. Духовная школа и к началу XX века продолжала оставаться важной составляющей в системе народного образования в крае в целом. Примечательно, что духовная школа повышенного типа с самого начала своего существования была открыта для детей низших сословий. Церковно-приходские школы, особенно с 1880-х гг. значительно прогрессировали: количество изучаемых предметов постоянно росло, улучшалось качество преподавания.

Школы духовного ведомства не были закрыты для «инославных», т. е. для представителей других вероисповеданий. Элементарные школы, или «школы грамотности», вели просветительскую работу в самых отдалённых карельских деревнях. Церковные иерархи прилагали немалые усилия для развития духовной школы.

С конца XVIII века начинается строительство системы духовного образования в России. Теперь возможность получить духовное образование появляется не только в Москве, Киеве или Петербурге, но и в провинции. Распространение системы духовного образования на всю территорию Российской империи в годы правления Екатерины II было одним из важнейших последствий её образовательной политики.

Духовная школа совершенствуется, усложняются её задачи. Важную роль в создании и развитии духовной школы сыграли деятели православной церкви, и в ряду таких подвижников образования следует назвать, прежде всего, архиепископа Игнатия, архиепископа Аркадия, епархиального наблюдателя Н. К. Чукова, Я. С. Елпидинского и многих других. Принципы, сформированные христианской педагогикой к началу XX века, позволили духовной школе выйти на новые рубежи в деле воспитания и образования. Несомненным плюсом духовной школы являлся упор на нравственное воспитание учащихся.

Дальнейшее развитие духовной школы было прервано в первые годы советской власти. Большим ударом для духовной школы явилась ликвидация Олонецкой духовной семинарии, т. е. лишение православной церкви важнейшего образовательного центра по подготовке священнослужителей. По сути дела, с установлением советской власти повторяется ситуация, существовавшая в России к концу XVIII века, т. е. духовная школа теряет свои ответвления в провинции. В послевоенные годы усилиями Председателя Учебного Комитета Московского Патриархата Митрополита Григория (Н. К. Чукова) началось возрождение русской духовной школы.

На духовную школу распространялись и многие недостатки дореволюционной системы образования. И к началу XX века преобладающим типом школ оставалась начальная школа, отсев из школ после одного-двух лет обучения был весьма значителен. К началу XX века в связи со значительным ростом числа школ перед духовной школой остро стоял вопрос о подготовке педагогических кадров.

Литература

1. Басова Н. А. Олонецкая епархия до революции / Н. А. Басова, Т. В. Сорокина, К. Э. Тюкова // Олонецкая епархия. Страницы истории. – Петрозаводск, 2001. – С. 7–23.
2. Бацер М. И. Двуперстие над Выгом. – Петрозаводск, 2005.
3. Вениамин, Иеромонах. Преосвященный Аркадий как деятель против раскола. – Петрозаводск, 1912.
4. Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. – СПб., 1911.
5. Зелененко А. Важнейшие принципы христианской педагогики и утрата их современной школой / А. Зелененко // Традиции образования в Карелии. – Петрозаводск, 1995. – С. 105–109.
6. Игнатий. Архиепископ Олонецкий и Петрозаводский (впоследствии Воронежский и Задонский). – М., 1896.
7. Камкин А. В. Православная церковь на севере России. – Вологда, 1992.
8. Кантерев П. Ф. История русской педагогики. – СПб., 1910.
9. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. – Т. II. – М., 1992.
10. Корф Н. А. Наше школьное дело. – М., 1873.
11. Кукушкина Н. А. Вопросы образования и воспитания в программах светских и церковных школ в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Олонецкой губернии) / Н. А. Кукушкина // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2000. – С. 157–161.
12. Кучепатов Н. Г. Выгов и Лекса – очаги грамотности в Олонецком крае / Н. Г. Кучепатов // На рубеже. – 1947. – № 7. – С. 59–65.
13. Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск. – Петрозаводск, 1956.
14. Мошина Т. А. К вопросу «Чему и как учили в Выговском старообрядческом общезнательстве» (о школах грамоты, книгописания, проповедников и певчих по памятникам и свидетельствам современников) / Т. А. Мошина // Традиции образования в Карелии. – Петрозаводск, 1995. – С. 51–54.
15. Мусин-Пушкин А. А. Сборник статей по вопросам школьного образования на Западе и в России. – Т. II. – СПб., 1912 г.
16. Олонецкая епархия. Страницы истории. – Петрозаводск, 2001.
17. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. – М., 1976.
18. Пашков А. М. Олонецкая духовная семинария и её вклад в формирование интеллигенции Карелии / Пашков А. М. // Новое в изучении истории Карелии. – Петрозаводск, 1994. – С. 38–55.
19. Письма Победоносцева к Александру III. – М., 1926.
20. Полунов А. Ю. Церковная школа для народа в конце XIX века / А. Ю. Полунов // Журнал Московской патриархии. – 1993. – № 6. – С. 56–59.
21. Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. – СПб., 1898.
22. Русский биографический словарь. – М., 1996. – С. 238–244.
23. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. – СПб., 1901.
24. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX века. – М., 1954.
25. Степанов А. Я. Школа и православная церковь / А. Я. Степанов // Православие в Карелии. История и современность. – Петрозаводск, 1987. – С. 36–45.
26. Степанова Э. Д. Духовная Олонецкая семинария в формировании интеллигенции / Э. Д. Степанова // Традиции образования в Карелии. – Петрозаводск, 1995. – С. 68–73.
27. Фёдоров В. А. Духовное образование в русской православной церкви в XIX в. / В. А. Фёдоров // Педагогика. – 2000. – № 5. – С. 75–83.
28. Феофан Затворник. О воспитании // Соборъ. – 1998. – № 1–11. – С. 56.
29. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. – СПб., 1862.
30. Чехов Н. В. Типы русской школы. – М., 1923.
31. Чуков Н. К. Краткий очерк народного образования в Олонецкой губернии в XIX столетии. – Петрозаводск, 1902.

Топонимика и краеведение

Краеведение, как известно, охватывает широкий круг вопросов познания духовной и материальной культуры населения определённой территории.

Одним из перспективных направлений краеведческой работы может и должно стать топонимическое, занимающееся исследованием географических названий, или иначе – топонимов (от греч. тоπος ‘место’ и онима, онома ‘имя’), которые являются яркими и своеобразными памятниками прошлого. В них фиксируется весьма своеобразно история края (*Петрозаводск, Марциальные Воды, Комсомольский, Интерпоселок, Шведский остров* и т. д.), отражаются особенности его ландшафта, природные особенности (*Большие Горы, Кривой Порог, Красная Речка, Белая Гора*), животный и растительный мир (*Лососинка, Щукнаволок, Медвежья Гора, Сосновая Ламба, Подъельники, Березовка, Хвойный*), хозяйственная деятельность людей (*Сенная Губа, Рожьनावолок, Хлебное Озеро, Суднозеро, Хлевनावолок, Пушиной, Мелиоративный, Кварцитный*), их верования и духовные ценности (*Чёртов Стул, Бесов Нос, Рассвет, Октябрьский*) и т. д. Топонимы сохранили и донесли до нас личные имена и прозвища наших предков: *Авдеево, Белохино, Гавриловская, Данилово, Емельянова Сельга, Ерошкина Сельга, Ильинское*; карельские: *Павшойла* (< Павшой < Павел), *Глимойла* (< Глимой < Клим).

Таким образом, помимо своего основного предназначения – служить адресом, топонимы имеют огромную научно-познавательную ценность, так как являются зачастую единственными языковыми свидетелями того времени, когда они возникли.

Топонимия (совокупность географических названий) Карелии – это продукт творчества разных народов: саамов (лопарей), прибалто-финнов (предков современных карел, вепсов, финнов), русских в течение многих столетий (самый древний на карельской земле топоним *Олонец* упоминается в документах от 1137 года).

Велика роль географических названий в жизни современного общества. С ними тесно связаны политические и нравственные аспекты нашего бытия, поэтому почти всегда достаточно остро стоят вопросы наименований и переименований. Современному человеку далеко не безразлично, какие названия его окружают.

Не случайно именно в последнее время усилился интерес к топонимике (науке, изучающей географические названия). Поддержание этого интереса, извлечение из топонимов всей доступной культурно-исторической информации может и должно стать одним из важных направлений краеведческой работы.

Географические названия – это, образно говоря, «язык земли». Без них любая карта – немая, а нанеси на карту названия городов, сёл, деревень, рек, озёр, ручьёв, болот и т. д., и она заговорит.

Выполняя своё основное предназначение – служить адресом, географические названия являются одновременно ценным источником наших знаний по истории, культуре и языкам определённых народов. Данные топонимии используют при определении границ их бывшего расселения и путей передвижения. Её ценность повышается особенно в тех случаях, когда о первожителях края не сохранилось никаких иных свидетельств, кроме географических названий.

Так, на основании топонимии доказано, что предки саамов-лопарей, населяющих ныне Кольский полуостров, некогда жили гораздо южнее. В Карелии, на территории Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей встречаются названия саамского происхождения, например, *Лижма, Лижмозеро, Лужма, Нюхча, Нялмозеро, Челмужи, Челмогуба*, образованные от саамских слов *lism* ‘ил, тина’, *lusm* ‘начало порога (в реке)’, *puik* ‘лебедь’, *halm* ‘устье реки’, *čolm* ‘пролив’ и т. д.

Саамские названия были рано усвоены карелами, которые контактировали с саамами, постепенно оттесняя их на север. В свою очередь, многие карельские названия мест воспринимались и по-разному перерабатывались более поздними поселенцами края – русскими людьми, на протяжении длительного времени (начиная с IX–XI веков) проживавшими мирно бок о бок с местным аборигенным населением.

За многовековую историю своего существования топонимы Карелии могли сильно измениться, попадая из одной языковой среды в другую. Например, русское название деревни Сигнаволок (Пряжинский район) являет собой переработку, переосмысление непонятного для русских карельского *Siidniemi*, происхождение которого карелы в свою очередь не могут объяснить. Оно расшифровывается с помощью саамского языка (*siid* ‘зимняя деревня, стойбище’). В основе современного русского названия Соломенное лежит местное карельско-вепсское *salmi* ‘пролив’ (между Логмозером и Петрозаводской губой Онежского озера, при котором возникло когда-то поселение). Примеров подобной переработки можно привести великое множество. Имело место и обратное явление, когда русские по происхождению названия воспринимались карелами и перерабатывались в соответствии с нормами карельского языка: Бесовец – *Besoučankülä*, Матросы – *Matrosankülä*, Половина – *Roštankülä* (деревня находилась на полпути от Петрозаводска до Пряжи и была пунктом отдыха, своеобразной почтовой станцией для ямщиков).

Сложение системы географических названий Карелии – процесс длительный, не простой, он развивался в основном стихийно, естественным путем. Современные топонимы – это продукт народного творчества в течение многих столетий.

Топонимы Карелии отражают различные стороны жизни и быта, нравственные оценки и верования местного населения в прошлом. Они ярко характеризуют среду обитания, природные условия, животный и растительный мир нашего края в те далёкие времена, когда возникли. Так, Суоярви в переводе с карельского 'болото-озеро', Ламбисельга 'небольшое озеро, ламбушка-гора', а Вуорилампи – наоборот 'гора-озеро (ламба)', Косалма – это Koskisalmi, т. е. 'порог-пролив' (порожистый пролив между Кончезером и Укшезером); Саримяги 'остров-гора'; Питкяранта – 'долгий берег'; Ковера 'кривой, изогнутый'; Лахденпохья 'дно, основание (самая узкая часть) залива', Янисъярви 'заячье озеро'; река Мегрега и озеро Мегрозеро – соответственно 'барсучья река', 'барсучье озеро'; Конттиолахти – 'медвежий залив', а Сяргилахти 'плотичный залив'. Имеются у нас и окуневые ламбы и озёра – переводы местных названий Ахвенламби, Ахвенъярви, Щукнаволоок – это перевод карельского Nauginiemi и т. д. Гомсельга, Педасельга, Мяндусельга – в переводе 'сосновые сельги', т. е. возвышенности, поросшие различными видами сосны. Есть у нас и Кузнаволоок – Kuuziniemi 'еловый мыс', и Берёзовая Гора – Koivahammägi, Койвусельга 'берёзовая сельга' и тому подобные названия.

Среди карельских названий мест немало тех, что связаны с земледелием, особенно подсечным: Каскеснаволоок – Kaskesniemi, Каскозеро происходят от слов каскес, каски 'подсека, пожар'. Места покосов тоже отмечены в названиях, например, река Хейняйоки – это 'сенная река', аналогичный топониму Сенная Губа, а Нурмилакса в переводе с карельского Nurmilakši 'покос-залив'. Охота, рыболовство, различные промыслы и прочие занятия жителей находят отражение в карельских топонимах. О путях и средствах передвижения свидетельствуют такие названия, как Судноозеро или Венехъярви (от карельского veneh 'лодка'), Маткозеро, Маткачи и другие производные от карельского слова matk 'путь, переход, расстояние, перешеек между двумя водоёмами'.

С определёнными верованиями связаны названия Гижыны, Гижезеро, Хийтола, Хийденселькя, в основе которых карельские слова hiisi, hiiši, hiiži hittoi, hiitto 'чёрт, леший, дьявол, нечистая сила'. Для сравнения названия Святозеро – перевод карельского Pühäjärvi, а Святнаволоок – соответствует карельскому Pühäniemi. Определённые исторические события, имевшие место в прошлом (особенно связанные с набегами иноземцев – шведов) легли в основу целого ряда названий с основой guočči 'швед', например, Ruočinsuari (шведский остров) на Сямозере.

Влияние русского языка на все сферы жизни, в том числе и топонимику, огромно. Достаточно сказать, что местные названия Карелии издавна существуют на двух уровнях: официальном (на русском языке) и неофициальном (на языке карел и вепсов). Они представлены в деловых бумагах, документах, различного рода письменных источниках на русском языке, начиная с XII века. К настоящему времени сложились определённые традиции употребления местных географических названий Карелии на русском языке, не считаться с которыми нельзя. Эти русские формы (независимо от того, правильно или не очень они передают местное звучание) стали уже своего рода историческими; вошли в сознание всех жителей Карелии, невзирая на их национальность: Шуя, Суна, Кондопога, Пудож, Косалма, Сямозеро, Водлозеро, Поросозеро и т. д. Речь, однако, может и должна идти о необходимости упорядочения написания и произношения названий нерусского происхождения на русском языке и на языках местных жителей края с учётом сложившихся к настоящему времени их литературных норм (Ругозеро – Rugarvi или Rugajarvi). Наблюдаются заметные колебания в употреблении наших названий на всех уровнях, например, Кíжи и Кижі, Сóртавала и Сортава́ла, Оло́нец и Олонéц, Рúгозеро и Ругóзеро при стабилизировавшихся формах типа Кивáч, Гíрвас, Чéлмужи, Кúйтежи, Чална́, Чупá.

Как упорядочить, выровнять, уединобразить всё это многообразие форм, исправить разом, не навредив, приблизить там, где можно, к оригиналу, но и не нарушая сложившихся традиций. Это одна из задач практической топонимастики (т. е. науки, занимающейся изучением географических названий) может быть достойно выполнена при одном достаточно важном условии – наличии полной картотеки топонимов Карелии. Для этого необходимо проводить систематический сбор географических названий не только в районах нынешнего проживания карел и вепсов, но и по всей территории Карелии. Мы начали заниматься планомерным систематическим сбором топонимов довольно поздно – лишь в 70-е годы XX столетия. К этому времени уже коренным образом изменились социально-экономические условия жизни населения Карелии, как и страны в целом, вызванные послереволюционными преобразованиями. Исчезла огромная масса географических объектов, включая не только единичные клочки пахотных и сенокосных угодий, раскиданных вокруг деревень в радиусе нескольких километров, но и ручьи, болота, речки, которые осушались и высыхали, лесные массивы вырубались, зарастали тропы и дороги, по которым ходило не одно поколение жителей края, наконец, исчезали сами поселения (одни сгорели в огне военных лет и не были восстановлены, другие же попали в разряд неперспективных уже в послевоенные годы). Достаточно сказать, что из 3000 с лишним населённых пунктов Карелии, насчитывавшихся в первые годы Советской власти, сейчас осталось немногим чуть более 700. А ведь вокруг каждого из поселений, будь то огромное село или малодворные (3–4 дома) деревушки, существовала своя система географических названий числом до 200–250 и более, которые были известны в основном только жителям именно этого поселения. В прошлом человек ориентировался на местности как у себя дома, знал каждую тропку на своей родной земле. Названия имели не только заливы, проливы, острова, полуострова в реках и озёрах, но и луды, тони, отмели, пороги, плёсы, места купания, сбора грибов и ягод, охотничьи путики, даже отдельные камни и деревья, служившие хорошим ориентиром на местности или чем-либо выделявшиеся из числа подобных. Богатейшая топонимия, которую необходимо собрать в кратчайшие сроки,

ибо – и это главное – число людей, хорошо знающих старую топонимию, с каждым годом всё сокращается. Среднее поколение, а тем более молодёжь, к великому сожалению, не знает названий своих родных мест. Во время наших экспедиций при встречах со школьниками и студентами из числа местных жителей очень немногие могут назвать те близлежащие озёра, реки, ручьи, болота, куда они ходят на рыбалку, за грибами и ягодами. Сталкиваясь с равнодушием, а иногда и откровенно пренебрежительным, высокомерным отношением ко всему, что нас окружает, в том числе и к топонимии. Утрачено и в немалой степени наше национальное самосознание, но ведь невозможно по-настоящему знать и любить свой край, не зная, где что находится, как и почему именно так, а не иначе называется. Через познание своей малой Родины, включая и её географические названия, воспитывается подлинная любовь и уважение к своим корням, к тому, что связывает человека с его прошлым и будущим. Для сравнения: Финляндия – страна, которая славится своими давними и крепкими традициями сбора и изучения названий мест, имеет более чем 2-миллионную картотеку топонимов. Так уж сложилось исторически, что мы, её соседи, живущие почти в одинаковых природно-климатических условиях, приступили к их сбору более чем со столетним опозданием. Да, в Финляндии чтут всё, что связано с жизнью дедов и прадедов, восстанавливают историю своей страны, там проводились конкурсы по сбору названий мест среди населения, принесшие десятки тысяч топонимов. Мы же к подобным конкурсам недостаточно готовы. И нет уверенности, что на призыв помочь в сборе топонимов откликнутся многие жители Карелии. А ведь без помощи местного населения силами только сотрудников Института топонимии всей Карелии собрать трудно. Пройдёт ещё несколько лет, и собирать уже будет нечего, а главное – не у кого. Пока же на сегодня мы имеем в картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей более 300 тысяч единиц хранения. А собирать есть ещё что: более 60 тысяч озёр и 12 тысяч рек, многие из которых поименованы, названия прочих многочисленных объектов: покосов, полей, урочищ и т. д., которых нет ни на одной карте. Без помощи краеведов, широких слоёв общественности (школьников, студентов, интеллигенции, пенсионеров) нам не обойтись. Именно в спасении от забвения названий родных мест, исчезнувших деревень велика роль краеведов. Важно записать от прежних жителей всё, что они помнят, и сохранить это богатство в виде картотек, электронной базы данных с тем, чтобы издавать словари, справочники и т. д. Только на основе научной картотеки топонимов можно выработать и правила и рекомендации по передаче на русский язык карельских, вепсских, финских названий мест, чтобы избежать ошибок, максимально приближать официальные нормы к местным. Думается, для каждого жителя Карелии, старого или молодого, дело чести помочь в сборе топонимов Карелии, в сохранении для потомков золотых россыпей языкового народного творчества, той части историко-культурного наследия карел, вепсов, русских, аккумулированное в географических названиях. Мы просто обязаны это сделать, если мы по-настоящему любим свой край.

Изучение местной топонимии краеведами предполагает сбор материала, прежде всего нигде не учтённых (неофициальных, народных) названий небольших географических объектов, известных только тем, кто живёт рядом с этими объектами.

Социально-экономические преобразования, произошедшие в нашей стране за годы Советской власти и в последующий период, привели к исчезновению массы мелких географических объектов, а вместе с ними и их названий. Прежнюю топонимию хорошо знали лишь те из старожилов, кого уже с нами нет, и те, кому далеко за 70 лет, а их с каждым годом остаётся всё меньше. Поэтому в сборе географических названий велика роль краеведов, которые могли бы записать от этих людей не только сами названия, но и – что особенно важно – все сопутствующие, необходимые для их расшифровки пояснения, предания, легенды. Именно краеведы могли бы найти и привлечь и письменные источники, различные карты, архивные материалы. Они могли бы участвовать в создании истории отдельных сёл и деревень, колхозов, совхозов, школ и т. д. Составной частью этой работы могла бы быть топонимия родного края. Именно с неё надо начинать изучение родного края. Такая работа велась в свое время в Прибалтике, Белоруссии, на Украине и в других республиках бывшего СССР (за школами закреплялись отдельные территории). В каждой школе, сельском клубе или библиотеке должны бы быть карты-схемы своей территории.

Поиск истоков знакомых с детства названий – задача увлекательная, но и достаточно сложная, так как на территории даже одного населённого пункта существуют разновременные, разноязычные и разнообразие по смыслу и причинам появления топонимы, каждый из них со своей особенной судьбой. Разгадку многих из названий мест следует искать в особенностях жизни и быта местного населения, в его языке и культуре. Для этого надо обладать большими познаниями в разных научных областях и прежде всего в ономастике. Не следует искать разгадку непонятных географических названий, используя только языковые словари (подбирая похожие на названия слова: именно так обычно поступают новички). Названия крупных географических объектов, как правило, достаточно древние, их расшифровка требует специальных, в первую очередь, лингвистических знаний. Отсутствие необходимых познаний в области топонимии приводит зачастую к по-детски наивным объяснениям типа «падают ли Паданы», «виданы ли Виданы». Более того, расшифровка даже казалось бы простых названий мест не всегда соответствует истине. Так, русское название старинного села Святозеро является переводом карельского Pühäð'ärvi. Существует легенда, согласно которой Пётр I, испив воды из этого озера, воскликнул «святое озеро», имея в виду отличный вкус его воды. Но ведь название озера существовало до приезда сюда Петра I. Более того, не следует забывать ещё одно значение слова pühä 'постный' (pühävoi 'подсолнечное (постное) масло'). Более того, в ранние времена имелось ещё одно значение у этого слова – «пограничный», т. е. являющийся границей определённой территории. Можно привести целый ряд подобных примеров: Пиньгуба – это, по всей видимости, происходит от вепсского Pieniguba 'маленький

(небольшой) залив', а Пигматка – это опять-таки вепсское Pihämatka, что соответствует карельскому Pühämatka (вепсское i – карельское ü).

А вот названия мелких объектов зачастую характеризуют те или иные особенности жизни и быта местных жителей и вполне могут быть объяснимы с их помощью. Вообще же в разгадке названий мест необходимы совместные усилия специалистов – учёных и краеведов и прежде всего в сборе этих названий. Познавание закономерностей возникновения и функционирования топонимов родного края поможет и в выработке рекомендаций по их употреблению, наименованиям и переименованиям, которые, несомненно, должны производиться с ведома и с участием в их обсуждении как специалистов, так и краеведов¹.

Следует помнить, что всё, что названо, – названо народом. Топонимы – это такое же духовное богатство народа, как устное народное творчество, церкви, храмы и другие памятники старины. Велико и воспитательное значение географических названий. Интерес к ним – это интерес не только к прошлому, но и к настоящему и будущему своего родного края, своей Малой Родины. Уместно вспомнить слова Д. С. Лихачёва: «Памятником духовной культуры особого рода являются географические названия – имена наших градов и весей, улиц и площадей, застав и слобод. Топонимикон народа представляет собою коллективное произведение народного гения. Они служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны».

¹ О том, что и как собирать, см.: Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982; Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 108–111; Родные сердцу имена. Сборник материалов республиканского конкурса по карельской топонимии. Петрозаводск, 2006. С. 229–236.

Раздел 2

Библиотечная секция

*Неёлова М. Е.,
Национальный архив Республики Карелия*

Олонецкий губернский публичный библиотекарь

Образование нынешней Национальной библиотеки Республики Карелия и её первые шаги непосредственно связаны с именем Лаврентия Мартыновича Никифорова, который в 1833 г. стал первым библиотекарем Губернской публичной библиотеки. Как известно, к этому моменту Л. М. Никифоров являлся архивариусом Олонецкой казённой палаты. В течение почти двух десятков лет он совмещал свою работу в качестве архивариуса с деятельностью, как он сам себя называл, Олонецкого губернского публичного библиотекаря.

Л. М. Никифоров родился в 1785 г. и происходил из «мастерских детей». Первым местом его службы стало правление Олонецких и Кронштадтских заводов, где он в 1801 г. был приставлен к «письменным делам». Следующие несколько лет молодой чиновник служил копиистом, подканцеляристом, канцеляристом³⁴. С 1810 г. Никифоров занимался вопросами прихода и расхода казённых материалов. В 1812 г. получил чин коллежского регистратора и «находился у хранения пересылочных по заводскому правлению ... казённых сумм»³⁵. В 1820 г. Л. М. Никифоров подал прошение для определения его к другим должностям и был уволен из служащих правления Олонецких и Кронштадтских заводов. С этого момента он поступил на службу в Олонецкую казённую палату, где был определён в соляное отделение на должность «журналиста». Далее последовали повышения в чине: Никифоров стал губернским секретарём, затем коллежским секретарём, а впоследствии и титулярным советником, неоднократно занимал должности столоначальников различных отделений Палаты, а с 1824 г. служил винным приставом.

В начале 1820-х гг. Л. М. Никифоров женился на дочери обер-штейгера Матвея Сыропоршнева, девице Федосье Матвеевне. Детей у них не было, и семья взяла воспитанницу Васелисту Николаевну³⁶. В 1821 г. жена Никифорова приобрела у своего отца двухэтажный на каменном фундаменте дом со службами, где всё семейство и проживало³⁷. Интересно отметить, что у будущего библиотекаря, человека начитанного и образованного, была неграмотная жена, и Никифоров в необходимых документах расписывался сам за Федосью Матвеевну.

В 1826 г. Л. М. Никифорова «за несоблюдение своей обязанности без злого намерения в закрытии истины» решением Правительствующего Сената выдержали под стражей один месяц³⁸. Дело было связано с растратой неким унтер-шихтмейстером Гребешковым казённых сумм ещё в 1816 г. Олонецкая губерния всегда ощущала острую нехватку в способных чиновниках. Вследствие этого, проступок служащего, являвшийся в некотором роде недоразумением, не повлёк строгих санкций и увольнения, и 12 ноября 1827 г. Л. М. Никифоров был назначен архивариусом Казённой палаты. Однако лишь спустя десять лет администрация признала, что Никифоров «после сделанного им проступка, продолжает службу с отличным усердием, постоянной ревностью, в штрафах и под судом никогда ни за что не бывал, ведёт себя прилично званию». Комитет министров постановил: арест, которому подвергся чиновник, «не считать ему препятствием к наградам и преимуществам»³⁹. Действительно, заведя архивом Казённой палаты эти десять лет, Л. М. Никифоров удостоился признательности от присутствия Палаты за исправный порядок хранения дел в архиве, а кроме того совмещал архивную должность с должностью протоколиста Палаты, и должностью «приходо-расходчика».

К своей работе он относился очень внимательно, о чём свидетельствует его архивная служба. С 1802 г. Олонецкая казённая палата располагалась в здании присутственных мест, а архив располагался в подвалах. В 1803 г. произошёл пожар, уничтоживший корпус, занимаемый палатой на Круглой площади, в том числе горел и архив⁴⁰. Как правило, последствия такого рода событий достаточно долго дают о себе знать. Приведение в порядок оставшихся документов затянулось. Вступление Л. М. Никифорова в должность библиотекаря по времени сопровождалось с перемещением документов Казённой палаты в новые подвальные помещения здания присутственных мест. Архивариус был поглощён вопросами обустройства новых

³⁴ НА РК. Ф. 446. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 15 об.–16.

³⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 109/1067. Л. 34 об.–35.

³⁶ Там же, л. 238 об.

³⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 58/577. Л. 31 об.

³⁸ Там же, л. 35 об. 36.

³⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 58/577. Л. 35–38.

⁴⁰ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 7/18. Л. 3.

помещений, выказывая недовольство вновь оборудованными комнатами. В окнах не оказалось ни летних, ни зимних рам, устроенные полки не могли вместить всех дел по прежней укладке, так как своды комнат были полукруглые. Никифоров постоянно отправлял рапорты в Казённую палату с просьбами исправить существующие неполадки⁴¹.

В качестве архивариуса Л. М. Никифоров постоянно был занят принятием в архив дел из отделений Казённой палаты, принимал по описям журналы Палаты, различные книги по винной и соляной частям, дела из уездных отделений Палаты и т. д. При увольнении или перемещении чиновников Казённой палаты, архивариус также был обязан принять дела от них и передать вновь назначенным.

Кроме того, Л. М. Никифоров составлял на основе дел, хранящихся в архиве, различные справки (в основном по личному составу Казённой палаты). Однако в архив приходили и интересные запросы. Так, в январе 1837 г. после того, как в архив Новгородской казённой палаты обнаружили древние грамоты российских царей, Олонецкий губернатор, по предложению Министра внутренних дел, поручил Л. М. Никифорову, как «чиновнику по образованию своему наиболее к тому способному»⁴², разыскать подобные дела в своём архиве. Архивариус обратился к старым описям, сохранившимся после пожара 1803 г. Опираясь на знания истории российской и истории Олонецкого края, свободно ориентируясь в массе документов архива и умея читать древние тексты, Л. М. Никифоров обнаружил несколько документов, отвечающих требованиям запроса.

Постоянная загруженность архивной работой и совмещение нескольких должностей в Казённой палате привели к тому, что в марте 1842 г. Л. М. Никифоров подал рапорт, в котором сообщал: «Согласно переданной в 1833 году октябре месяце бывшему господину вице-губернатору коллежскому советнику и кавалеру Платону Петровичу Мячкову копии с постановления Олонецкого губернского комитета, утверждён я сверх сей архивариуса должности, по согласию г. вице-губернатора Мячкова, исправлять должность Олонецкого губернского публичного библиотекаря; а как я уже сию должность исправляю более семи лет, ныне по старости моих лет и множеству занятий по службе моей в архиве, исправлять должность библиотекаря прихожу не в силах, а потому Олонецкую казённую палату прошу покорнейше от исправления должности библиотекаря меня освободить и сделать должное распоряжение»⁴³.

За семь лет службы в качестве библиотекаря Л. М. Никифоров зарекомендовал себя в качестве отличного специалиста и Олонецкий губернатор не спешил с решением. Несмотря на некоторые неурядицы в архиве летом и осенью того же года⁴⁴, несмотря на возраст (Л. М. Никифорову исполнилось к этому времени 57 лет), в ноябре 1842 г. архивариус подал в Олонецкую казённую палату рапорт, в котором писал: «На требование присутствия Казённой палаты, желаю ли я занять должность библиотекаря Губернской публичной библиотеки, честь имею донести, что так как здоровье моё теперь поправилось, по каковому случаю, я чувствовал себя прежде при занятиях моих по службе не в силах отправить обязанности библиотекаря; ныне занимать эту должность я соглашаюсь, не оставляя служения должности по палате архивариуса»⁴⁵.

Таким образом, Л. М. Никифоров, как настоящий энтузиаст библиотечного дела, вплоть до начала 1850-х гг. оставался библиотекарем Олонецкой губернской публичной библиотеки⁴⁶, совмещая свою библиотечную службу со службой архивной.

*Капуста Л. И.,
Карельский государственный краеведческий музей*

Библиотеки Петрозаводска в первые годы советской власти (1918–1923)

Этот небольшой отрезок времени для истории культуры края, безусловно, является переходным. В эти годы ещё сохраняются определённая преемственность в организации работы библиотек, кадры (бывшие педагоги дореволюционной школы). Но если в уездах за пятилетие в целом мало что меняется, то в Петрозаводске все библиотеки теряют свой дореволюционный статус. В результате упразднения

⁴¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 90/857. Л. 1–4.

⁴² НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 109/1068. Л. 15 об.

⁴³ Там же, л. 69.

⁴⁴ Председатель Казённой палаты при осмотре архива обнаружил хранящиеся там весовые гири и меры, которые за попустительством некоторых административных инстанций, по независящим от архивариуса причинам, пролежали рядом с бумагами с 1835 г., что потребовало от Л. М. Никифорова очередного наведения порядка в архиве. В сентябре в помещении архива Никифоров нашёл подброшенный сверток с порохом и серными спичками. См.: ф. 4, оп. 44, д. 109/1068, л. 97; д. 90/857, л. 15.

⁴⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 44. Д. 109/1068. Л. 70.

⁴⁶ Подробнее о работе Л. М. Никифорова в качестве библиотекаря см.: Неёлова М. Е. История создания Публичной библиотеки г. Петрозаводска: по документам Национального архива РК // Библиотечный вестник Карелии. Вып. 8 (15). – Петрозаводск, 2004. – С. 41–43.

дореволюционных учреждений и национализации (реквизиции) «библиотек, книжных складов и книг вообще»¹ город получает около двухсот тысяч книг (точное число неизвестно), ценность которых в изменившихся условиях предстояло оперативно определить местным библиотекарям и распределить по новым библиотекам в новых учреждениях. Это перераспределение и было в значительной степени содержанием работы небольшой группы библиотечных работников города, определяло её характер.

Как и в дореволюционный период, с 1918 г. работу библиотек относят к сфере внешкольного образования. Отдел внешкольного образования при Комиссариате народного просвещения губернии был организован 25 февраля 1918 г. и принял дела от упразднённого губернского земства (в Петрозаводске – общественную Алексеевскую библиотеку). Но наследованное от недавнего прошлого понимание главной функции библиотеки – служить прежде всего образовательным целям – дополняется новыми задачами, направленными на обслуживание идеологии всё больше укреплявшей во всех сферах свои позиции новой власти. Работа библиотек приобретала «всё более прочное и устойчивое политическое содержание», и через два года после открытия главная библиотека города перейдёт в ведение Карполитпросвета.

Прежде всего небольшой группе штатных библиотекарей предстояло точно выполнять циркуляры. В 1920 г. один из руководителей Наркомпроса В. М. Парфёнов предложил внешкольному отделу и библиотеке выполнять распоряжения местной власти после опубликования в газете «Карельская Коммуна», без дополнительных согласований.

Уже в 1918 г. перед Наркомпросом ставится задача создания большой губернской «библиотеки-читальни» (в названии отразилась традиция, связанная с принципами организации земских библиотек). Но начинается эта работа не на базе созданной в дореволюционный период общественной библиотеки (название «Алексеевская» постепенно исчезает из обихода). В первые послереволюционные годы эта библиотека сохраняется с названием «общественная». В начале 1918 г. охрана Мурманской железной дороги сделала попытку захвата помещения библиотеки, взломала шкафы, выкинула книги, но, к счастью, книжное собрание уцелело. Вот как к концу 1918 г. библиотеку характеризует отдел народного образования: «Библиотека существует в городе на средства, получаемые от взносов читателей, и до сих пор получая субсидию от города и земства. В настоящее время в правление входят представители от отдела народного образования. Библиотека реорганизована и временно одна обслуживает весь город с посетителем до 5000». Реорганизация была связана с постановлением Олонецкого губисполкома от 22 февраля 1918 г. об упразднении земских учреждений: библиотека осталась без финансовой помощи. В конце 1918 г. в связи с декретом СНК от 2 ноября 1918 г. о закреплении за Комиссариатом народного просвещения всего имущества учебных и учебно-воспитательных заведений бывшая Алексеевская общественная библиотека была национализирована и передана в ведение Наркомпроса. 23 декабря 1918 г. был определён её штат, который состоял из одного библиотекаря и двух помощников. Наркомпрос стал выдавать библиотеке небольшие суммы на пополнение её новыми книгами, подыскал и отремонтировал новое помещение (здание типографии № 2). В сентябре 1919 г. на его ремонт было выделено 36 382 р. Заведующие (Шиф, а затем – Гринберг) в 1918 г. готовили к изданию полный каталог книг, который предполагалось опубликовать к началу 1920-х гг.

В конце 1918 г. большевик, активный корреспондент местных изданий, Л. Г. Гершанович дал весьма едкую характеристику культурно-просветительским учреждениям города: «В городе есть... захудалая библиотека, пустующий Народный университет и целый ряд высоко-культурных учреждений...» Рассматривая это как «намёк на недеятельность в области библиотечного дела», заведующий внешкольным отделом ответил автору публикации, что «библиотека далеко не захудалая, что она довольно свободно обслуживает город», что отдел народного образования принял все меры к упорядочению в ней дела... Гершанович же, очевидно, намекал, что открытие Губернской библиотеки-читальни на Пушкинской улице затянулось. Открыть для города новую библиотеку несколько работников (женщин) в условиях разрухи городского хозяйства за короткий срок не смогли. Доставка книг из разных учреждений была непростым делом: в этот период никто не давал ни автомобилей, ни лошадей; не было даже материала для перевязки книг. Для оказания помощи пытались использовать «силы из интеллигенции в качестве трудовой повинности» – до 20 человек. Учёт и просмотр литературы также требовал и времени и специалистов. Видимо, эти трудности привели к уходу из библиотеки уже в октябре 1918 г. её первой заведующей К. Г. Троцкой, которую сменил Л. Толмачёв, в прошлом – литератор, военный. Довольно скоро как бывшего военного его призвали на военную службу, и на его место с лета 1919 г. был назначен В. А. Богданов, в прошлом – преподаватель гимназии, некоторое время он заведовал библиотекой Мурманской железной дороги.

Перемещение книжных собраний и библиотек из государственных учреждений, учебных заведений изначально не имело чёткого плана. Книги предполагалось передать не только в губернскую библиотеку, но и в новые советские учреждения, прежде всего – образовательные. О необходимости сохранения целостности исторически сложившихся книжных собраний вопрос даже не ставился. Судя по ведомственной переписке, как

¹ Реквизиции подлежали и частные собрания. В 1919 г. даже руководитель подотдела искусств Наркомпроса В. М. Парфёнов вынужден был обзавестись удостоверением, что находящиеся в его квартире «книги и ноты не подлежат реквизиции и конфискации, так как он пользуется ими как работник просвещения и учащийся Олонецких Высших музыкальных классов...»

единое целое рассматривается лишь библиотека краеведа и архивиста А. П. Воронова², хранившаяся в бывшей мужской гимназии. Но после её передачи в губернскую библиотеку появились и новые претенденты на это собрание (открывшийся в городе Экономический техникум).

К. Г. Троцкая пыталась как-то обосновать перемещения книг, указывая, что «распределение этого материала нужно произвести таким образом, чтобы в каждую библиотеку попал именно тот материал, который именно там должен быть...». По данным ОГКП уже в 1918 г. книги из бывшей Духовной семинарии, губернского правления, Архиерейского дома, Общества изучения Олонецкой губернии и Комитета попечительства о народной трезвости были переданы Алексеевской общественной библиотеке (куда они так и не были перевезены, и лишь в 1919 г. стали поступать в Губернскую библиотеку); библиотека Казённой палаты досталась партийному клубу. В декабре 1918 г. библиотеку Общества взаимопомощи учащихся предложено было передать в Учительский клуб. Органы советской власти также скомполювали из разных собраний подборки книг, в частности, по статистике. В январе 1919 г. от Губернской ЧК поступает литература, «взятая в помещении комитета левых социал-революционеров» – для передачи в Губернскую библиотеку-читальню.

Организация новых библиотек в городе была связана и с перестройкой системы народного образования. Руководивший этим процессом Отдел Единой Школы рекомендовал открыть библиотеки при Народных университетах (университет был открыт в Петрозаводске в 1918 г.). Библиотека Народного университета была сформирована из книг Епархиального училища и губернского земства. Для её пополнения закупались книги у частных лиц, в Петрограде. После губернской библиотеки это было самое значительное собрание учебной и научной литературы, в чём немалая заслуга библиотекаря Н. Г. Кучепатова. Летом 1919 г. эту библиотеку для эвакуации соединили с губернской. Вскоре университет закрылся, и библиотека, видимо, полностью вошла в состав губернской. Рекомендовано было организовать и центральные школьные библиотеки – для обслуживания группы школ. Из Губернской библиотеки 23 октября 1918 г. для подобного школьного собрания были переданы «чисто ученические книги по списку». Требования к отбору книг в школьные библиотеки были более определёнными и жёсткими. Уже к началу учебного года в сентябре 1918 г. Отдел Единой Школы выпустил циркуляр о «возможно быстром изъятии из школьных библиотек книг, явно вредных по своему содержанию и не отвечающих духу новой Трудовой Единой Школы». Весьма вольное толкование принципов отбора «вредной» литературы просматривается в докладных записках о некоторых из школьных библиотек.

19 марта 1919 г. сгорела только что сформированная библиотека Отдела народного образования. Без расследования причин пожара было отправлено ходатайство в центр об отпуске средств на приобретение новых книг. Несколько сот книг было вывезено из города красноармейцами и матросами, части которых некоторое время располагались в зданиях бывших учебных заведений.

Новые учреждения и организации также требовали книги или средства для «своих библиотек» (в марте 1919 г. «организация бой-скаутов» Петрозаводска подаёт заявление о предоставлении субсидии на приобретение книг «для скаут-библиотеки», после просмотра библиотечки при городской тюрьме предлагается пополнить её устаревшее собрание и т. д.). Растёт число и так называемых «конторских» библиотек. К началу 1920-х гг. они функционируют при Мурманской железной дороге, станции Петрозаводск, партийном клубе, рабочем клубе, гарнизонном клубе, милиции, Онежском заводе, Исправдоме, роте связи ГПИУ, Нарздраве, Карсоюзе, Карсоюзбюро.

Оценивая поступившие в губернскую библиотеку книги в соответствии с «духом времени», библиотекарь А. Никулин предложил их разделить на 4 группы.

К первой группе он отнёс «книги, имеющие ценность как для широких масс, так и для узких специалистов», во вторую включил всю богослужебную литературу и предложил вернуть её церковной общине. В третью попали книги, которые, по его мнению, имели церковно-историческую ценность (туда же попали и метрические книги). Всё это предполагалось также вернуть консистории. В четвёртую он включил книги, «не имеющие в настоящее время почти никакой положительной ценности. Это различные издания продолжения и дополнения Свода законов и т. п. Взять их в Губернскую библиотеку, значило бы завалить библиотеку никуда не нужным хламом. Лучше всего их сложить в какое-либо архивное помещение, где в случае надобности их мог бы найти любитель-антик, в пыли роящийся...» Неизвестно, какие из его рекомендаций были приняты.

13 февраля 1919 г. состоялось открытие Губернской библиотеки-читальни. Временно работал только малый читальный зал. Под залог с 5 до 9 вечера выдавались книги на дом, но обслуживание читателей было бесплатным. Во втором полугодии 1919 г. далеко не вся литература была ещё разобрана и учтена. Планировалось пополнить фонд как новой, так и дореволюционной литературой. Читателей в 1919 году было 1743. По смете на второе полугодие 1919 г. библиотеке необходимо было 29 420 рублей. В её штате было трое сотрудников: заведующий и 2 помощника библиотекаря.

² Довольно большая библиотека по Северу, принадлежавшая лично организатору Общества изучения Олонецкой губернии А. Ф. Шидловскому, бывшему вице-губернатору и губернатору, даже не упоминается в контексте проектов краеведческого отдела Губернской библиотеки (говорится лишь о библиотеке Общества изучения Олонецкой губернии). Шидловский неоднократно обращался к местной власти о её возврате (он с 1918 г. работал в Петрограде в отделе Севера АН).

Ставка библиотекаря «крупной библиотеки» (т. е. Губернской) на первое полугодие 1919 г. равнялась 830 рублям и была приравнена к ставкам «секретарей отделов, делопроизводителей 1 разряда, помощников начальников мест заключения, землемеров 2 разряда». В августе 1919 г. Наркомпрос просит открыть как можно скорее краеведческий и детский отделы. К 1920 г. в Губернской библиотеке выделяется отдел литературы по краеведению. Начало объединения краеведческой литературы было положено председателем Общества изучения Олонецкой губернии А. Ф. Шидловским, который в 1915 г. объединил библиотеку Общества с собранием книг Статистического комитета. Шидловский целенаправленно и систематически собирал книги о Севере, делая закупки в столице, обменивая местные периодические издания на необходимую литературу.

В 1922 году в работе библиотеки произошли значительные изменения. С сентября по декабрь 1922 года в связи с распоряжением о местной централизации библиотечного дела были упразднены и переданы в Центральную городскую библиотеку существовавшие отдельно и самостоятельно библиотечный коллектор, центральная детская библиотека, центральная финская библиотека, библиотечная секция Карполитпросвета. 18 декабря 1922 г. библиотека получила новое название «Карельская Областная Центральная библиотека». 18 апреля 1922 г. 29 библиотекарей создали своего рода профессиональное объединение.

Характеризуя состав губернской библиотеки к началу 1920-х гг. заведующий И. Никольский писал, что она основана «из фундаментальных библиотек бывшей Духовной семинарии, мужской и женской гимназии, учительской семинарии, Общества изучения Олонецкой губернии, земской управы, Коммерческого клуба...»

К 1923 г. в ней было «на глаз свыше 100 тысяч книг». Многие из них всё ещё не были обработаны. Видимо, пожелания Никифорова не были учтены, так как Никольский считал, что среди книг «много старья», «богословско-философской казуистики». Вторит Никольскому и автор публикации о библиотеке в газете «Карельская Коммуна» под названием «Убогая и нарядная», где говорит, что в библиотеке «много хлама». Характеризуя читателя, он пишет, что «посетители больше дамы из умирающего буржуазного класса», которые предпочитают, естественно, беллетристику.

Небывалый размах самодеятельного творчества в первые послереволюционные годы, всеобщий интерес к театральным постановкам способствовали формированию в 1919 г. специальной Театральной библиотеки, которая обеспечивала любительские коллективы произведениями классической литературы (не только город Петрозаводск, но и уезды). Почти одновременно с театральной была скомплектована и Музыкальная (нотная) библиотека. Для закупки нот (и пропагандистской литературы) практикуются выезды в Петроград. В 1919 г. работник музыкального подотдела Наркомпроса Кусевский привёз около 50 пудов нот, редкие экземпляры которых были переданы и в Губернскую библиотеку. И «театральная» и «нотная» библиотеки имели штатных работников.

С начала 1920-х гг. всё большую роль в деятельности библиотек (и прежде всего – Губернской) приобретает агитационно-пропагандистское направление. Один из самых ярких библиотечных работников Карелии в 1920-е гг., заведующий губернской библиотекой, участник строительства земских библиотек, И. Никольский сравнивал земские начинания в строительстве библиотек с процессами, происходившими в этой сфере в 1920-е гг. В одной из докладных записок в Нарообраз он пишет, что уже «губернское земство, создавая библиотеку, предполагало сделать её общественным пунктом работы... не ограничиваясь только выдачей книг...» А в современных условиях, по его мнению, «главной работой политпросвета является агитпроп-работа, пособием каковой есть библиотека. Узкий масштаб работ не удовлетворяет момент и население». Библиотеке прежде всего предписывается активно участвовать в организации революционных праздников. С 1922 г. это участие становится систематическим. Библиотекари подбирают литературу, устраивают специальные выставки – «к датам», к очередным акциям и компаниям. Всё большее внимание идеологи новой власти требуют обращать на расширение круга читателей из рабочего класса. А рабочие Губернскую библиотеку почти не посещали. По словам Никольского, для улучшения работы в этом направлении к 1923 г. «была произведена фильтрация состава библиотекарей, но это ни к чему не привело». Решено было «приблизить книгу к читателю» и открыть отдел библиотеки в рабочем районе – на Голиковке, что и было сделано в 1925 году.³

В июле 1923 г. инспектор Народного Комиссариата просвещения Чаплиев В. П. провел проверку работы по организации дела народного образования в КТК. Отметив, что «отступлений от директив центра не замечено», Чаплиев, однако, констатировал, что обеспечение и результаты работы ниже уровня 1914 г. Проверяющий, ознакомившись с деятельностью земских учреждений в бывшей Олонецкой губернии, высоко её оценил: «дело народного образования было поставлено в губернии хорошо». Что касается работы библиотек, то Чаплиев отметил, что она ощущается только по Петрозаводску и центральная библиотека «проявила максимум работоспособности».

³ Уже в 1913 г. Н. К. Чуков ставил перед земством вопрос об открытии библиотеки-читальни для рабочих на Голиковке.

Публичная библиотека Карелии в 1920–1930-е годы

Важным направлением модернизации общества в послереволюционный период стало приобщение широких слоёв народа к культурным богатствам человечества, представленным в печатных и рукописных текстах. Это предопределило повышение роли такого социального института, как библиотеки, которые распространяли духовные ценности литературы, науки, техники, искусства, стимулировали воспитание гармоничных, всесторонне развитых людей. Если в XIX веке библиотека в России являлась местом занятий прежде всего учёных, студентов университетов, священнослужителей, то символом XX века стала публичная библиотека, включившая в орбиту своей деятельности людей самых разных социальных, профессиональных, демографических групп.

Становление массовых библиотек в России проходило в тяжелых условиях. Государство далеко не всегда могло обеспечить их финансовую поддержку. Так, в условиях социально-экономического кризиса начала 1920-х гг. резко сократились государственные расходы на содержание библиотек. Передача десятков тысяч библиотек на местный бюджет практически оставила их без средств. Как следствие, в 1920–1922 гг. в РСФСР сеть сельских библиотек уменьшилась на 60–70 %, более чем на треть сократилось число читателей библиотек. Кризис библиотечной сети стал преодолеваться во второй половине 1920-х гг. преимущественно за счёт увеличения сети профсоюзных библиотек. В начале 1930-х гг. перекачка средств на строительство предприятий тяжёлой индустрии вызвала новый, хотя и кратковременный кризис сети общедоступных библиотек: в 1930–1932 гг. их число сократилась на четверть¹.

Впервые после революции государство приняло действенные меры к укреплению материальной базы библиотек в годы второй пятилетки. Постановление ЦИК СССР 27 марта 1934 года «О библиотечном деле в Союзе ССР» предусматривало создать библиотечные коллекторы для централизованного комплектования книжных фондов, установить твёрдые сметы библиотек и своевременный отпуск средств на закупку литературы. Издательствам было предписано бронировать часть изданий исключительно для комплектования библиотек. Предусматривался ремонт зданий библиотек, строительство новых библиотечных помещений, оснащение их современным библиотечным оборудованием и техникой. Категорически запрещалось использование помещений библиотек для других целей. Большое внимание в постановлении уделялось подготовке кадров библиотечных работников².

В целом в годы индустриализации в РСФСР численность массовых библиотек, находившихся в ведении Наркомпроса, профсоюзов, других общественных организаций, возросла с 17,6 тыс. до 56,1 тыс. В конце 1930-х гг. пользователями библиотек являлись 55 млн граждан СССР³.

Библиотечная система развивалась как в центре, так и в национальных республиках РСФСР. По данным А. И. Афанасьевой, за годы первых пятилеток число библиотек в Карелии увеличилось почти в 4 раза, а общий рост книжных фондов – в 8 раз. Всесоюзная библиотечная перепись 1934 г. показала: если в 1928 г. книжный фонд более 1000 книг имели половина библиотек, то в 1934 г. уже 97 % библиотек республики имели книжные фонды более 1 тыс. экземпляров⁴.

В 1935 г. в Карелии работало 215 библиотечных работников, из них высшее образование имели 2, среднее – 141, начальное – 72 человека. В 1930-е годы начинает формироваться система профессионального обучения библиотекарей. В 1932 г. по решению карельского правительства в Ленинграде при Педагогическом институте имени А. И. Герцена открылась культпросветшкола. В ней готовились кадры для политико-просветительных учреждений республики, в том числе библиотекари. 29 июня 1938 г. СНК КАССР принял постановление о реорганизации Карельской культпросветшколы в Ленинграде. Срок обучения в ней был увеличен с 2 до 3 лет, набор студентов составлял 90 человек⁵. Кроме того, в Петрозаводске проводились трёхмесячные, в районах – десятидневные курсы переподготовки библиотекарей⁶.

Особое внимание уделялось центральным библиотекам. Они должны были стать образцово-показательными учреждениями с научной организацией труда. На них возлагалась обязанность осуществлять

¹ Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. М., 2001. С. 66. Ш. Плагтенбург Революция и культура. СПб., 2000. С. 149–164.

² Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917–1959 гг.) / сост.: Л. А. Соловьева, М. Л. Хейфец. Л., 1960. С. 109–115.

³ Варфоломеева М. В. Роль массовых библиотек в культурной революции в СССР. 1928–1941. М., 1974. С. 65, 76.

⁴ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 165–166.

⁵ Культурное строительство в Советской Карелии. Народное образование и просвещение. 1926–1941 гг. Петрозаводск, 1986. С. 85, 169.

⁶ Вихко, Иолиева. О реализации Постановления ЦИК по Карельской АССР // Красный библиотекарь. 1936. № 4. С. 14.

координацию и кооперирование всех библиотек региона, оказывать им библиографическую помощь. Такой библиотекой в Карелии стала губернская библиотека-читальня в Петрозаводске, открытая по решению губернского комиссариата просвещения в 1919 г.

К сожалению, она не могла в полной мере опираться на опыт дореволюционной библиотечной работы, поскольку в марте 1919 г. крупный пожар в центре Петрозаводска уничтожил не только здание, в котором до революции располагалась библиотека, но и все хранившиеся в ней книги – более 10 тыс. экземпляров. Наряду с губернской библиотекой в это время были организованы 3 районные городские библиотеки, одна центральная финская, детская и библиотека искусств. В августе 1922 г. по решению Карельского областного отдела народного образования эти библиотеки были слиты с губернской библиотекой. На основе трёх районных библиотек в ней были созданы общеобразовательное отделение и читальный зал. Финская, детская библиотека и библиотека искусств получили права самостоятельных отделений. В 1922 г. было организовано краеведческое отделение. В 1924 г. в связи с переходом уездных и волостных библиотек на децентрализованное книгоснабжение, на базе коллекторского отделения был создан передвижной фонд для организации библиотек-передвижек. После слияния всех библиотек Карполитпросвета библиотека получила название Карельская областная, а через 3 года – Карельская публичная библиотека. Впрочем, в 1920-е годы использовались параллельно два названия – Центральная и Публичная. Располагалась библиотека по адресу ул. Пушкинская, дом 8.

Работу Публичной библиотеки организовывали представители дореволюционной интеллигенции. В 1920-е годы заведовал библиотекой И. М. Никольский – выходец из семьи петрозаводского чиновника, преподаватель земской школы. Перед первой мировой войной И. М. Никольский окончил курсы библиотекосведения. Хотя в характеристиках, написанных в 1920-е годы, неоднократно подчёркивалось, что он хороший специалист, любит дело, трудится, не считаясь со временем, Никольский из-за «социально чуждого» происхождения не смог пройти чистку 1929 г. и был смещён с должности, хотя продолжил работу в краеведческом отделе библиотеки⁷. Научно-академическим отделением заведовал Константин Иванович Казанский – в прошлом помощник смотрителя Петрозаводского духовного училища, кандидат богословия, депутат 3 и 4 Государственной думы.

В 1930-е гг. начали работу специалисты в области библиотекосведения, подготовленные в советских вузах. В июле 1933 – декабре 1937 гг. возглавлял Публичную библиотеку Семён Федотович Молодьков. Он родился 16 апреля 1899 г. в деревне Брешковка Орловской области в крестьянской семье, начинал трудовой путь чернорабочим, затем работал кондуктором на железной дороге. В 1918–1924 гг. служил в Красной Армии. В 1919 г. вступил в РКП (б). Демобилизовавшись, поступил в Брянскую губернскую совпартшколу. В 1928–1931 гг. С. Ф. Молодьков, студент Академии коммунистического воспитания имени Крупской, в 1931–1933 гг. учился в аспирантуре НИИ библиотекосведения в Москве. В 1937 г. переведён на работу заведующим сектором библиотек Наркомпроса КАССР, затем стал заместителем директора Карельского НИИ культуры⁸.

Сотрудниками Публичной библиотеки в рассматриваемый период также являлись Л. В. Андрианова, К. И. Ахонен, М. И. Вассиева, А. Г. Гумилёв, Н. К. Гурьева, Е. А. Елпединская, Ф. М. Жахновский, М. Костина, Е. Кренева, С. А. Мартянова, А. С. Мегорская, Е. З. Мудролюбова, М. М. Нименская, З. И. Рясенцева, З. Суханова и др.⁹ Постепенно увеличивается доля женщин среди сотрудников библиотеки. В конце 1930-х гг. директором Публичной библиотеки КАССР была назначена Т. Мартянова – первая женщина на этом посту.

Таблица 1. Структура Карельской публичной библиотеки и её книжный фонд в 1925 году

отделение	количество книг в нём
Общеобразовательное отделение	7068
Детское отделение	6506
Финское отделение	2558
Краеведческое отделение	1946
Отделение искусств	5538
Научно-академическое отделение	Более 50000
Передвижной фонд	4647

В 1920-е годы в библиотеке сформировалась сложная структура, рассчитанная на потребности разных групп пользователей. Поскольку большинство читателей составляла учащая молодёжь, основными считались общеобразовательное и детское отделения. В каждом из них насчитывалось чуть более 6,5–7 тыс. книг. В первой половине 1920-х гг. художественных и детских книг в библиотеку поступало немного. Полиграфическая промышленность России ещё не оправилась от разрухи: в 1924 г. действовала лишь половина довоенных типографских машин, и те были до крайности изношены. Тем не менее, издательства наращивали выпуск произведений советских писателей через серийные издания «Дешёвая библиотека», «Рабоче-

⁷ <http://library.petrstu.ru/activity/nicol/shtml>

⁸ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 690. Оп.13. Д. 15/909.

⁹ Весь Петрозаводск. 1922. С. 43; Т. Мартянова Пройденный путь // Красная Карелия. 1939. 15 февраля.

крестьянская библиотека» и др. В сериях «Библиотека русского романа», «Избранные произведения» выходили сочинения русских классиков. В это время издание художественной литературы занимало главное место в деятельности многих издательств¹⁰.

В КАССР финский язык получил статус государственного, поэтому в библиотеке было создано финское отделение. Его книжный фонд формировался сначала за счёт литературы, поступавшей в дар от финских рабочих организаций Америки. В 1923 г. в Ленинграде было создано кооперативное издательство «Кирия», выпускавшее книги на финском языке. Правительство Карелии стало одним из пайщиков издательства. Доля книг от «Кирии» среди новых поступлений достигала 8 %. В 1925 г. в финском отделении библиотеки насчитывалось около 2,6 тыс. книг. В основном это была общественно-политическая литература, работы участников рабочего движения в Финляндии. Были представлены также сочинения демократических финских писателей А. Киви, М. Лассила и др.¹¹

В 1922–1933 гг. в библиотеке действовало краеведческое отделение. Его создателем стал бывший сотрудник Олонецкого губернского статистического комитета Козьма Филимонович Филимонов. Директор библиотеки И. М. Никольский дал ему такую характеристику: «Сын крестьянина, бывший народный учитель, он беззаветно любил и знал край, много работал в области местной этнографии и фольклора, состоял постоянным корреспондентом Академии Наук по разряду изящной словесности, десятки лет систематически вёл метеорологические наблюдения, имел у себя личную краеведческую библиотечку. Его первым шагом был дар этой библиотечки (свыше 200 названий) новому учреждению. Несмотря на свой преклонный возраст (70 с лишком лет), Козьма Филимонович с энтузиазмом молодого человека принялся за организацию краеведческой библиотеки»¹². Как нередко бывало в истории библиотек, основу краеведческой коллекции составили дары частных лиц. Ряд ценных изданий передали в краеведческий отдел библиотеки А. Ф. Нуортева, М. А. Гудожников, Н. В. Поляков, Н. М. Матвеев, Л. Г. Гершанович и др. Если в 1922 г. в краеведческом отделе насчитывалось две-три сотни книг, то к концу 1920-х гг. – уже более 3 тыс. книг.

Краеведческий отдел поставил перед собой три задачи. Во-первых, требовалось наладить учёт краеведческих публикаций. С 1924 г. по решению Карлита в краеведческий отдел бесплатно передавался экземпляр всех выходящих в Карелии изданий. Во-вторых, предполагалось открыть широкий доступ к краеведческой книге всех заинтересованных читателей, организаций и учреждений, организовать живое общение с читателями. В-третьих, планировалось вести научную работу по сбору и записи «с голоса» эпических, фольклорных произведений.

В 1926 г. И. М. Никольский писал о своей мечте отпечатать систематический каталог краеведческих изданий и выпустить краеведческую хрестоматию¹³. Действительно, через несколько лет им был подготовлен к печати библиографический указатель литературы о Карелии. По просьбе Ленинградского отделения института педагогики был составлен указатель литературы по народному образованию Карелии. Кроме того, библиотекари по заданию КарНИИ подготовили словник для Карельской энциклопедии, работа над которой велась в середине 1930-х гг.⁴⁷

В 1929 г. вышла в свет 1-я часть краеведческой хрестоматии «Карельский край», подготовленная директором Публичной библиотеки И. М. Никольским. В неё были включены отрывки из различных краеведческих сочинений, а также отчётные, статистические материалы о современном развитии республики. Статистические таблицы и литературные фрагменты в каждом разделе предварялись небольшой, на пару страниц, вводной статьей. Особый интерес для нас представляет историческая справка о Карелии, включённая в хрестоматию под заголовком «Хронология». В ней приводятся летописные свидетельства о карелах. Из событий петровской эпохи фиксируются закладка железоделательных заводов, Ништадтский мир. В истории классовой борьбы акцентируется внимание на Кижском восстании и революции 1905 г., ссылке в Карелию М. И. Калинина. В хронологии нашли отражение важнейшие события культурной жизни края, такие, как открытие главного народного училища и гимназии, начало работы губернской типографии, публикация «Калевалы», создание первого кооператива, работа «Общества изучения Олонецкой губернии». Особенно тщательно отобран материал по истории Карелии 1920-х гг. Акцент сделан на экономические достижения края в годы НЭПа и национально-государственное строительство. Последняя выделенная веха – открытие Кондопожской ГЭС⁴⁸.

Самый богатый фонд имело научно-академическое отделение, в котором находилось более 50 тыс. книг, изданных до 1918 г. В этом отделении хранились книги, поступившие после революции из библиотеки духовной семинарии и гимназии. В их числе были редкие книги, старинные издания, исторические сочинения: комплект томов «Актов археографической экспедиции», «Актов исторических», «Сборников русского исторического общества», почти полный комплект «толстых» журналов с 1870-х гг. Гордость библиотеки

¹⁰ Малыгин Н. Г. Очерки по истории книгоиздательского дела в СССР. М., 1965. С. 346.

¹¹ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 44.

¹² Никольский И. Карельская «Книжная палата» // Карело-Мурманский край. 1926. № 21–22. С. 27.

¹³ Там же. С. 28.

⁴⁷ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 69/563. Л. 1–18.

⁴⁸ Справочная книжка АКССР. 1-я часть краеведческой хрестоматии «Карельский край». Петрозаводск, 1929. С. 11–20.

составляли рукописи и старопечатные книги. Имелась хорошая коллекция старопечатных латинских книг XVII столетия, французские книги XVIII в., первое издание французской «Естественной истории» Бюффона. Книги по философии, богословию большинству читателей были недоступны, ими разрешалось пользоваться лишь для научной работы студентам и специалистам. Около 40 тыс. книг научно-академического отделения, т. е. более половины всего книжного фонда Публичной библиотеки, были изъяты из широкого обращения.

С июня 1922 г. действовало Главное управление по делам литературы и издательств, осуществлявшее цензуру произведений печати. В декабре 1922 г. создана соответствующая структура в Карелии – Гублит КТК, в 1923 г. переименованный в Карлит⁴⁹. Он имел право не допускать к читателю сочинения, носящие критический к коммунистической партии и советской власти характер, произведения «враждебной идеологии», формировать списки книг, подлежащих изъятию. Со второй половины 1920-х гг. начался процесс подмены государственной цензуры партийной. Главлит стал полностью подотчётен партийным органам⁵⁰.

Кроме того, специальные цензурные инструкции для библиотек издавал Главполитпросвет. Так, изданная в 1923 г. за подписью Н. К. Крупской инструкция предлагала изъять из библиотек книги философов-идеалистов, религиозную, духовно-нравственную литературу, издания, «восхваляющие» капитализм и др. Зарубежная печать эту инструкцию характеризовала как «культурное варварство». Наркомпрос был вынужден отозвать приложенные к инструкции списки запрещённых книг, однако в переработанном виде инструкция была направлена к исполнению⁵¹. Аналогичные инструкции по очистке книжных фондов от «вредной» литературы издавались в 1924, 1926 гг. Для изъятия книг создавались комиссии из представителей советских и партийных органов, местных отделов Главлита и ГПУ. В январе–июне 1924 г. такая комиссия просмотрела все книги областной библиотеки и выявила неблагонадёжные. В 1928 г. проведена новая «чистка» книжного фонда, в ходе которой было изъято до 4 тыс. книг. Среди них оказались произведения К. Каутского, Г. Гейне, В. Гёте, А. Пушкина, М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского. Были изъяты произведения Г. Гегеля, В. О. Ключевского, «Записки о революции» Н. Суханова, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгарта⁵². Изъятые книги предписывалось хранить в особо запертых шкафах и выдавать по особому разрешению лишь для научных занятий. Так было положено начало организации в библиотеке «спецхрана», где хранилась «литература ограниченного пользования».

В начале 1930-х гг. прошёл новый просмотр книжного фонда, и масштабы этой чистки далеко превзошли размеры всех предыдущих⁵³. В 45 библиотеках республики было изъято 21 437 книг, т. е. в среднем на одну библиотеку изъято 458 книг. Это значительные цифры, если учесть, что в это время на одну библиотеку приходилось в среднем 3 700 книг⁵⁴.

В сентябре 1928 г. научно-академическое отделение Центральной библиотеки вообще закрылось. Его закрытие было вызвано циркуляром о чистке библиотек, требовавшим «чистить наши публичные библиотеки от идейного хлама». На территории книгохранилища научно-академического отделения горноо организавал детскую площадку, а старинные книги были свалены в кучу и содержались без надзора. Несколько воров книг было вывезено. Часть коллекции взяли на хранение Карельский НИИ, Центроархив и другие организации. Много ценных научных книг, рукописей были утрачены для библиотеки⁵⁵. С 1 октября 1933 г. научное отделение возобновило работу, для него было отобрано 40 698 книг, в том числе 5992 иностранных. В состав научного отделения передали краеведческое отделение и 2935 краеведческих изданий.

До середины 1930-х гг. книжный фонд библиотеки пополнялся через местные книжные магазины. В 1934 г. в Карелии организован республиканский библиотечный коллектор, через который развернулось комплектование книжных фондов библиотек с учётом хозяйственных, культурных потребностей республики, интересов читателей. Кроме того, библиотека выписывала обязательный экземпляр литературы по народному образованию, лесному хозяйству и геологии через Московский коллектор научных библиотек. В 1935 г. был организован межбиблиотечный абонемент, охвативший 5 районов республики, причём книги пересылались без взимания платы с читателей. В 1936 г. был создан справочно-библиографический отдел, ставший для читателей надёжным лоцманом в путешествиях по «книжному океану». В 1937 г. в условиях массовых репрессий против финского населения республики было расформировано финское отделение библиотеки. Тогда же научное отделение переименовали в читальный зал взрослых, а общеобразовательное отделение – в абонемент. Таким образом, к 1938 г. структура библиотеки выглядела более упрощённой и включала читальный зал для взрослых, абонемент, справочно-библиографический отдел, детское отделение, передвижной фонд.

С 1929 г. действовал филиал библиотеки на Голиковке, в 1932 г. – в Закаменском районе. Вначале филиалы на окраинах города просто были выдачными пунктами с 1–2 библиотекарями. К концу 1934 г. они выросли в солидные по масштабам Петрозаводска библиотеки со штатом сотрудников 5–6 человек. В 1935 г. оба эти филиала были реорганизованы в районные библиотеки и переданы в ведение городских властей.

⁴⁹ НА РК. Ф. 757. Оп. 3. Д. 1/1. Л. 1–4.

⁵⁰ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 258–261.

⁵¹ Абрамов К. И. Указ. соч. С. 36–37.

⁵² Красная Карелия. 1928. 14 сентября.

⁵³ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/97. Л. 43.

⁵⁴ Там же. Д. 69/559. Л. 32.

⁵⁵ Молодьков С. Карельская республиканская библиотека // Красный библиотекарь. 1939. № 3. С. 64–65.

Уже в середине 1920-х гг. значительное большинство населения Петрозаводска было грамотным. По данным Всесоюзной переписи 1926 г. грамотность жителей города 6 лет и старше составляла 86 %, а грамотность городской молодёжи в возрасте 8–19 лет доходила до 99,6 %⁵⁶. Владение грамотой открывало доступ к богатству книжной культуры. За 1926–1938 гг. число читателей библиотеки увеличилось более чем в 4 раза – с 214 до 16946.⁵⁷

Изменился возрастной и социальный состав читателей. В первой половине 1920-х гг. основную массу посетителей библиотеки (до 80 %) составляли школьники и подростки до 17 лет. К 1938 г. их доля снизилась до 34 %. В то же время число читателей рабочих выросло с 1,3 до 13,8 %, крестьян – с 9 до 13 %. Доля служащих на протяжении всего периода составляла 20 %. В то же время большинство читателей библиотеки продолжали составлять лица с начальным образованием⁵⁸.

Увеличился книжный фонд библиотеки. Если в 1928 г. было зарегистрировано 59 тыс., то в 1934 г. – 112 тыс., а в 1940 г. – 148 тыс. книг⁵⁹. В годы первых пятилеток основное внимание стали уделять изданию массовых книг о социалистическом строительстве. В конце 1930-х гг. 41 % тиража всех изданных в Советском Союзе книг составляла общественно-политическая и социально-экономическая литература. Тиражом более 16 млн экземпляров был издан в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)»⁶⁰. В библиотеку поступали произведения Маркса, Энгельса, Ленина, материалы съездов партии, статьи партийных и хозяйственных работников, пропагандистские брошюры. Около 10 % всех поступлений составляла техническая и сельскохозяйственная литература. Приходило много популярных брошюр об ударничестве, стахановских методах работы, колхозном строительстве.

В годы «социалистического штурма» примерно в 2 раза сократился выпуск художественной литературы. Ситуация изменилась в годы второй пятилетки, когда объём выпуска беллетристики занял второе место после общественно-политической литературы. В целом, по данным А. И. Афанасьевой, художественные книги составляли 40 % новых поступлений в Публичную библиотеку. Примерно четверть книг приходилась на детскую литературу. Важную роль в распространении детских книг сыграли серии Детгиза «Школьная библиотека», «Книга за книгой», «Книжка-малышка» и др. В круг детского чтения вошли произведения А. Гайдара, В. Каверина, Л. Кассиля, В. Катаева и других известных писателей.

Самым большим спросом читателей Публичной библиотеки пользовались беллетристика (54 % всех выдач), научная и учебная литература (31 % выдач).⁶¹ При этом библиотека испытывала острую нехватку именно этих книг. В целом на 1 читателя в год приходилось 0,6 новых книг. Библиотекари жаловались, что «ежечасно приходится слышать замечания от читателей: “ничего у вас нет”». В детском отделении, чтобы поменять книгу, ребята ждали, когда кто-нибудь вернёт книгу, так как библиотечные полки стояли пустыми. Книги для дошкольного возраста были до того зачитаны, что многие «не имели начала и конца».

В 1920–1930-е годы библиотека проводила огромную работу по пропаганде книги. Широко применялись клубные методы работы. Были организованы кружок друзей книги и литературный кружок, проводились лекции о писателях, вечера книги, выставки литературы⁶². К праздникам готовились живые и стенные газеты. Вокруг библиотеки стремились сплотить общественность, прежде всего комсомольцев, кружковцев, делегатов.

В ноябре 1927 г. состоялось первое областное совещание по библиотечной работе. На нём был сделан акцент на необходимость изучения интересов читателей. Прежде всего, следовало вести работу с бедняцкими слоями деревни и молодёжью. Лучшим массовым методом изучения книги признавалась громкая её читка в однородной аудитории. При этом библиотекарь должен был заранее «проработать» это произведение, после читки провести беседу со слушателями по заранее составленному плану-вопроснику. Завершалась читка составлением коллективного отзыва на книгу.⁶³

Большой интерес молодёжи вызвал суд над книгой Ф. Гладкова «Цемент», читательская конференция по книге В. Кетлинской «Натка Мичурина», громкая читка повести А. Гайдара «РВС». Библиотека организовывала встречи с ленинградскими писателями из РАПП, командированными в Карелию. В 1930-е гг. велась пропаганда литературных произведений, воспевающих социалистическое строительство, героизм революционеров. В этой связи особое внимание уделялось «Поднятой целине» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского. При этом интересы читателей не ограничивались произведениями советских авторов. Часто спрашивали книги А. Куприна, Л. Андреева. Осенью 1928 г. праздновался юбилей Л. Н. Толстого. В мае 1929 г. в публичной библиотеке состоялся вечер былинного творчества, на котором читал былины известный сказитель из Шальского района Ф. А. Конышков⁶⁴. В 1937 г. широко отмечалось в Карелии 100-летняя годовщина со дня гибели А. С. Пушкина. Пропаганду творчества поэта вели разные культурные учреждения,

⁵⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М., 1928. С. 208–209.

⁵⁷ Афанасьева А. И. Культурные преобразования... С. 170–171.

⁵⁸ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/98. Л. 137.

⁵⁹ Афанасьева А. И. Культурные преобразования... С. 166–168.

⁶⁰ История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М., 2001. С. 314–315.

⁶¹ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 48/397. Т. 2. Л. 319.

⁶² Там же. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 24–60.

⁶³ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 48/397. Т. 1. Л. 233–244.

⁶⁴ Красная Карелия. 1930. 25 февраля.

работавшие в тесном взаимодействии. В клубе Онегзавода организовывались громкие читки произведений поэта, беседы о его жизни и творчестве, оформлялись литературные выставки. В эти дни сотни рабочих посмотрели в заводском клубе фильмы «Поэт и царь», «Дубровский». Библиотекари подготовили выставку «Онежцы о Пушкине и его произведениях». Редакция заводской газеты поместила высказывания рабочих о творчестве поэта. Пушкинские вечера проводились на квартирах стахановцев⁶⁵.

Немало делал для пропаганды книги среди молодёжи комсомол, организовавший в годы первой пятилетки «библиотечный поход» и массовый смотр библиотек и библиотечного дела в Карелии⁶⁶. В ходе смотра проводилось обследование сети библиотек, сбор литературы, велась пропаганда книги. Большое внимание библиотека уделяла беседам о самообразовании. Организовывались выставки «Как работать с книгой», «Самообразование». В конце 1920-х гг. в библиотеке состоялись 2 диспута о борьбе за нового человека, диспут о семье и браке, «О Есенине и есенинщине».⁶⁷

В 1930-е годы власти провозгласили главной задачей библиотек политическое просвещение населения. В условиях усиления продовольственных трудностей на библиотеку была возложена обязанность проведения вечеров вопросов и ответов, на которых в центре внимания оказывались вопросы снабжения горожан продовольствием, проблемы городского хозяйства. Библиотека стала систематически проводить лекции и доклады о международном положении, об истории социал-демократического и коммунистического движения, о юбилейных датах ВКП(б), о вреде религии, о Сталинской Конституции и др.

Таким образом, в послереволюционный период в Карелии была создана государственная библиотечная сеть, ставшая доступной широким слоям трудящихся. В рассматриваемый период в Петрозаводске впервые в истории города появилась публичная библиотека. В конце 1930-х гг. её читателями являлись 20 % жителей Петрозаводска. В период сталинского режима власти стремились превратить библиотеку в канал формирования господствовавшей идеологии, в опорный пункт агитации и пропаганды. Несмотря на то, что книг не хватало, часть имевшейся литературы была недоступна читателю по цензурным соображениям. Несмотря на сложности и противоречия, библиотека играла важную роль в повышении образования и культуры городского сообщества. Её успешному развитию способствовали финансовая поддержка государства, становление полиграфической промышленности и книгоиздательского дела, возросший уровень образования горожан, подвижническая работа библиотечных сотрудников, общественная инициатива читательского актива.

*Змеевская М. А.,
Национальный архив Республики Карелия*

Состав фонда научно-справочной библиотеки Национального архива Республики Карелия

Наибольшую ценность научно-справочной библиотеки Национального архива Республики Карелия составляют книги дореволюционного периода. Библиотека обладает уникальным фондом особо ценных книг – отечественных старопечатных изданий гражданского шрифта на русском языке 1722–1830 гг. В основном книги были получены из различных дореволюционных учреждений, организаций и обществ г. Петрозаводска, а также из частных книжных собраний. На ряде книг присутствуют владельческие штампы Петрозаводского кафедрального собора, библиотеки Олонецкого Александро-Свирского братства в г. Петрозаводске, а также владельческие надписи Олонецкого губернского правления, Петрозаводского городского магистрата, Петрозаводского Петропавловского собора, библиотеки народного училища, Палеостровского монастыря, Канцелярии Главного горного начальника заводов, Повенецкой нижней расправы, Повенецкого уездного суда, библиотеки Олонецкой губернской гимназии, Правления Олонецких и Кронштадтских заводов, Вальмонстрандской и Фридрихсгамской нижних расправ (Финляндия), частных лиц.

В комплекс особо ценных книг входят прижизненные издания архимандрита Амвросия (А. А. Орнатского), Н. М. Карамзина, Н. Я. Озерецковского, И. И. Фольбигера, И. И. Голикова, П. А. Алексеева, Я. В. Орлова, Екатерины II и др.

Самое раннее издание в комплексе особо ценных книг – часть первая «Регламента о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской и протчих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся»¹ (СПб., 1722).

Для краеведов большой интерес представляет «Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов, и производимого при оных литья пушек и снарядов», составленное членом Государственной Берг-Коллегии Статским Советником Иваном Германом (СПб., 1803). Книга повествует об истории постройки и перестройки

⁶⁵ Там же. 1937. 4 января, 6 февраля.

⁶⁶ Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодёжи (1926–1932). Петрозаводск, 1981. С. 104–105.

⁶⁷ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/100. Л. 56–58.

¹ Здесь и далее в названии изданий сохранена орфография оригинала.

заводов, содержит подробное описание заводов, оборудования и всех производственных процессов, начиная с добычи руды. В издании указан весь штат Петрозаводского и Кончезерского заводов на 1800 г. с указанием жалованья – поимённый список чиновников и список мастеровых. Книга содержит тридцать два рисунка с подробными планами заводов, чертежами машин и печей.

В фонде книг досоветского периода хранятся многотомные издания: более шестидесяти томов «Полного собрания законов Российской империи», изданных с 1830 по 1916 гг.; более двадцати томов «Указов всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской», изданных в последней четверти XVIII века; около двухсот томов «Горного журнала или собрания сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся», изданных с 1825 по 1916 гг.; более сотни томов «Собрания узаконений и распоряжений правительства», изданных в последней четверти XIX – начале XX веков; более шестидесяти томов «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданных с 1890 по 1904 гг.

Среди книг и периодики досоветского периода следует выделить ряд изданий, пользующихся повышенным спросом у исследователей-краеведов: одно из самых полных собраний «Памятных книжек Олонецкой губернии», а также газет «Олонецкие губернские ведомости» и «Олонецкие епархиальные ведомости»; второй и третий выпуски издания «Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края»; «Списки населённых мест Олонецкой губернии» по сведениям за 1873, 1892, 1905 гг.; «Обзоры Олонецкой губернии»; «Известия Общества изучения Олонецкой губернии». Популярны также очерки и исследования об Олонецком крае, его истории, монастырях, фольклоре и промыслах таких авторов, как Н. С. Шайжин, Д. П. Ягодкин, М. Правдин, А. П. Воронов, Е. В. Барсов, И. Благовещенский, Д. В. Островский, А. Иванов, М. А. Круковский и многие другие.

Кроме «Олонецких губернских ведомостей» и «Олонецких епархиальных ведомостей» в фонде НСБ имеются и другие периодические издания досоветского периода, как центральные («Сенатские ведомости», «Вестник правительства», «Церковные ведомости», «Отечественные записки», «Русская старина», «Русский вестник», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Былое», «Живая старина» и др.), так и губернские – «Олонецкая неделя», «Олонецкий край», «Олонецкое утро», «Олонецкое эхо».

Большой массив изданий фонда книг досоветского периода отражает деятельность земства Олонецкой губернии: «Вестник Олонецкого губернского земства», «Журналы Олонецкого губернского земского собрания», «Доклады Олонецкой губернской земской управы губернскому земскому собранию», «Сборники постановлений Олонецкого губернского земского собрания», «Отчёты Олонецкой губернской земской управы», «Отчёты Петрозаводской уездной управы», журналы уездных земских собраний, очерки деятельности земства за определённые периоды и др.

В фонде книг, изданных после 1916 г., немало литературы, долгие годы находившейся на секретном хранении, не доступной для исследователей и рассекреченной в полном объёме лишь в 1988–1990 гг. Преимущественно это политические и историко-политические сочинения 1917 – начала 1930-х гг. таких партийных деятелей, как Г. В. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. Томский, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский, историк М. Н. Покровский и др. Среди книг советского периода немало характерных для политической эпохи 1930-х гг. изданий: «Троцкисты и зиновьевцы враги народа: Сборник материалов» (Л., 1936), Доклад и Заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3–5 марта 1937 г. И. В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (Л., 1937), «Судебный отчёт по делу антисоветского “право-троцкистского блока”, рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда СССР 2–13 марта, по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г. и др.» (М., 1938), «Правотроцкистская банда диверсантов, шпионов и убийц перед судом народа» (Л., 1938), «Троцкисто-бухаринские бандиты – поджигатели войны во всем мире: Сборник статей» (М., 1938), «Шпионы и диверсанты за работой» (М., 1937), «Шпионаж и разведка капиталистических государств» (Л., 1937) и др.

Фонд научно-справочной библиотеки хранит, наряду с более поздними, самую первую в истории Карелии Конституцию 1937 г. – второе издание на карельском языке «Карельской Автономной советской социалистической Республики Конституция (Основной закон)» и третье издание на русском языке «Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики» на русском языке (Петрозаводск, 1938).

Для краеведов представляет интерес первый в истории справочник г. Петрозаводска «Весь Петрозаводск: справочная книга г. Петрозаводска на 1923 год с приложением плана города» (Петрозаводск, 1923). Издание состоит из отделов: справочно-адресного, с указанием адресов и телефонов учреждений и предприятий города; справочно-статистического, с телефонным указателем, списком городских районов, улиц, в том числе и переименованных, площадей, мостов и бульваров, со статистическими данными на 1917, 1920 и 1921 гг. по численности, национальному и возрастному составу населения; отдела общих сведений, с краткой исторической справкой города и статьями «О плате за пользование жилыми помещениями», «О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ» и «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения».

В фонде НСБ немало изданий, подготовленных Национальным архивом РК и составленных на основе документов архива. Среди самых популярных – «Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. В трёх книгах» (Петрозаводск, 2001, 2003), «Олонецкая епархия: Страницы истории» (Петрозаводск, 2001),

«Соборы Петрозаводска» (Петрозаводск, 1999), «История Карелии в документах и материалах (с древнейших времён до начала XX века): Учебное пособие для средней школы» (Петрозаводск, 2000) и др.

В целом фонд книг, изданных после 1916 года, содержит как центральные издания – это преимущественно политическая литература советского периода, книги по истории, архивоведению, народному хозяйству, так и республиканские – по культуре, истории, искусству, экономике, статистике, промышленности и сельскому хозяйству Карелии. Приоритет современного комплектования – книги краеведческого характера.

Среди газет советского периода есть отдельные центральные издания, но основная часть – республиканские: одно из самых полных собраний основной республиканской газеты – «Красная Карелия» («Известия Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», «Олонецкая коммуна», «Коммуна», «Карельская коммуна», «Ленинское знамя», «Ленинская правда»); отдельные подшивки республиканских газет 1920–1930-х гг. – «Красная молодёжь», «Трудовая жизнь», «Петрозаводская правда», «Карельский связист», «Ударник», «Голос лесоруба» и др.; газеты 1930–1940-х гг. – «Сталинская трасса», «Кировская магистраль», «Комсомолец Карелии» («Молодой большевик»), «Онежец»; красноармейские газеты Карельского фронта периода Великой Отечественной войны – «На боевом посту», «В бой за родину», «Боевой путь»; многочисленные районные газеты.

Большой интерес для исследователей представляет газета «Северное слово» 1942–1944 гг., издававшаяся для советских военнопленных на русском языке финскими оккупационными властями, а также коллекция газет 1920-х гг., издававшихся русской эмиграцией на Балканах, в Германии и Франции – «Вера и верность», «Руль», «Русское время».

Среди журналов следует отметить собрание межкраевого научно-популярного и краеведческого журнала «Вестник Карело-Мурманского края» («Вестник Мурманской ж.д.», «Вестник Мурмана»), издававшегося с 1923 по 1935 год.

Отдельный фонд представляет собой литература из личных собраний представителей культуры и науки, чьи документы и книги были переданы в Национальный архив РК: Я. В. Ругоева, А. Л. Витухновского, Э. Патлаенко, Г. Н. Синисало, Д. Я. Гусарова, Ю. Линника, Б. С. Попкова, О. Н. Тихонова и др. Большое количество книг из личных фондов содержат дарственную надпись автора или составителя. Таким образом, книги из личных фондов хранят автографы известных поэтов, писателей, художников, публицистов и учёных XX века, как Карелии, так и России – Р. Рождественского, Д. А. Гранина, Я. В. Ругоева, Д. Я. Гусарова, В. А. Потиевского, В. Г. Базанова, А. М. Линевского, Б. А. Шмидта, Ю. В. Линника, А. И. Авдышева, Г. А. Стронка, В. Чекмасова, М. В. Тарасова, Г. Г. Скворцовой, Ю. И. Дюжева, А. И. Титова и многих других.

Также отдельный фонд представляет собой литература на финском языке (единичные издания на шведском, английском и немецком языках). Это литература, изданная в Финляндии в XIX–XX веках: многочисленные сборники законов Финляндии, документы сессий парламента, статистические сборники, исследования по истории Финляндии, энциклопедии, словари, государственные календари Финляндии и др. Самая ранняя книга – «Свод законов Финляндии» 1817 года издания. В настоящее время ведётся работа по описанию и включению в фонд научно-справочной библиотеки журналов на финском языке 1920 – начала 1940-х гг., которые, вероятно, оказались в Петрозаводске в период оккупации в 1941–1944 гг. В большинстве своём это журналы общественно-политического, религиозного и популярного характера.

Фонд научно-справочной библиотеки Национального архива Республики Карелия несомненно представляет интерес для исследователей, особенно для исследователей-краеведов.

*Николаева Л. С.,
Российская национальная библиотека*

Значение краеведческих библиографических изданий библиотек Европейского Севера в познании края

Современное краеведение не может развиваться динамично и плодотворно без мощной информационной поддержки библиотек, архивов и музеев. По словам известного в России зарайского краеведа В. И. Полянцева, «краевед – тот же первопроходец. И его путь бывает много легче, если помощником ему служит библиографическая информация»¹.

Повышенное внимание учёных и краеведов к изучению разнообразных печатных и архивных источников, раскрывающих различные стороны жизни того или иного края, заставляет библиотеки всех уровней и ведомств обращать серьёзное внимание на создание базовых звеньев системы краеведческих библиографических пособий и использование своих библиотечно-информационных ресурсов. За последнее десятилетие значительно возросло количество изданных сводных краеведческих каталогов, репертуаров местной печати, каталогов книжных выставок, а также календарей знаменательных и памятных дат, персональных

¹ Библиография в моей жизни : учёный, писатель, рабочий, инженер о роли библиографии в их работе и творчестве : сб. очерков. М., 1984. С. 51.

библиографических указателей, которые имеют не только большое историко-культурное значение, но и являются источниковой базой для ведения многогранной библиотечной и исследовательской краеведческой работы в центре и регионах.

Практически повсеместно библиотеки всех уровней активно сотрудничают с научными учреждениями, вузами, архивами, музеями, краеведческими обществами и журналистами в подготовке краеведческих энциклопедий, путеводителей, книг памяти; создают собственные первичные краеведческие документы по истории отдельных местностей и библиотек. Характерной приметой времени стало регулярное издание многими центральными и муниципальными библиотеками историко-краеведческих альманахов, профессиональных журналов и газет, научно-практических сборников, включающих аналитические обзоры деятельности, материалы научных и социологических исследований, региональных конференций и семинаров по различным вопросам краеведения.

Среди них выделяется основательная библиографическая и методическая деятельность центральных библиотек Европейского Севера – Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей, которые являются признанными лидерами в области библиотечного краеведения и краеведческой библиографии. По результатам анализа отечественных библиографических работ за 2001–2004 годы, проведенного нами в 2006 году, по количеству краеведческих библиографических изданий рейтинг библиотек региона достаточно высок. Среди библиотек 81 субъекта Российской Федерации они находятся в первой трети библиотек, а среди центральных библиотек Республика Карелия занимает 6 место, Мурманская область — 7, Архангельская область – 9.²

Хотелось подчеркнуть, что библиотеки Европейского Севера всегда были тесно связаны общностью задач по распространению знаний о самобытной культуре, истории и уникальной природе Поморья. Как точно заметил видный архангельский историк-северовед А. А. Куратов, «Русский Север занимал совершенно исключительное место в народной культуре России. При этом следует отметить, что севернорусская культура была своеобразной и одновременно интернациональной — в силу исторически сложившихся контактов её с культурами других народов Севера. Стихийный характер поморской культуры выступал обратной стороной святости в русском национальном самопознании»³. Исходя из этого, значение краеведческой библиографической деятельности библиотек региона чрезвычайно велика, поскольку она направлена на обеспечение достоверной информацией не только отечественных учёных-североведов и краеведов, но и учёных скандинавских стран.

Как и в других регионах страны, центральные библиотеки Европейского Севера разработали свои долгосрочные программы по выявлению и обеспечению сохранности наиболее ценных местных и краеведческих документов, развитию своей информационно-библиографической деятельности, как составляющей части федеральной национальной программы «Память России».

Уникальны книжные краеведческие фонды старейшей библиотеки региона – Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова (ОНБ), которая широко раскрывает их посредством библиографических пособий и печатных каталогов, регулярно проводимых ею тематических книжных выставок по истории Русского Севера. Среди них можно назвать, например, такие значимые для многих исследователей библиографические работы: «Судостроение Поморского Севера. От истоков до конца XIX века» (1997), «Немцы и Русский Север» (1998), «Голландцы и Русский Север: история и современность» (1999), «...Имеет целью изучать Север России: Архангельское общество краеведения (АКО), 1923–1937 гг.» (2000), «“Учёный центр” северной провинции : к 165-летию со дня основания Архангельского губернского статкомитета» (2002), «Кий-остров — заповедная зона Севера» (2005).

Особенно хочется отметить капитальный библиографический указатель «Почвенные исследования на Европейском Севере России (Архангельская область, Ненецкий автономный округ)», подготовленный ею совместно с Почвенным институтом им. В. В. Докучаева и Архангельским центром Русского географического общества и изданный в 2002 году в печатном виде и на CD-ROM. В него включено более тысячи публикаций, рукописных (с указанием мест хранения) и картографических материалов по широкому кругу вопросов за почти два с половиной века: с 1763 по 2001 годы. Хорошо развитая система вспомогательных указателей помогает легко ориентироваться в поиске нужных материалов.

Кроме библиотек региона, в подготовке библиографических работ, посвящённых Северу, участвуют и отдельные исследователи края. Так, например, ими были изданы интересные библиографические указатели и справочники: «Русский Север на рубеже XIX–XX веков» / Н. И. Решетников (М. ; Париж, 1998), «Северные иконописцы» / Т. М. Кольцова (Архангельск, 1998), «Личные библиотеки Севера России (конец XVIII — начало XX в.)» / А. А. Бровина, Л. П. Рощевская (Сыктывкар, 2000), «Деятели местных обществ изучения Русского Севера» // Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона / М. А. Орешина (М., 2003. С. 229–283), «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы, 1784–1917 гг.» / Н. А. Кораблёв, Т. А. Мошина (Петрозаводск, 2006) и др.

² См. табл. 4 / сост. А. Н. Маслова // Краеведческие библиографические издания Российской Федерации 2001–2004 гг. / РНБ. СПб., 2006. С. 59–62.

³ Куратов А. А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера : учеб. пособие к спецкурсу / Помор. гос. пед. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 1992. С. 13.

В 1965–1992 годах Мурманская областная научная библиотека и Научная библиотека Кольского филиала АН СССР совместно с другими отраслевыми научными учреждениями издавала в двух частях универсальный текущий научно-вспомогательный указатель *«Кольский полуостров»*, обеспечивающий многоаспектный поиск литературы о крае. Такое профессиональное взаимодействие библиотек позволило обеспечить не только полноту ежегодника, но и качество отбора материалов и его структуризации по основным разделам. В каждом выпуске отражалось около трёх с лишним тысяч публикаций и депонированных рукописей. С 1993 года на основе базы данных Научная библиотека Кольского филиала АН РАН ежеквартально выпускает в электронном виде бюллетень *«Кольский край»*.

Интересен опыт Мурманской ГОУНБ издания на электронном оптическом диске (CD-ROM) библиографической базы данных *«Мурманская область: краеведческая книга за 65 лет (1938–2003)»*, который, несомненно, имеет большую информационную значимость для исследователей края и северного региона в целом.

Серьёзная работа была проведена библиографами Мурманской ГОУНБ по составлению библиографического указателя *«Саамская библиография (1776–1996)»* (2005), который включает более двух тысяч публикаций по этнологии, антропологии, медицине, истории, культуре, просвещению и религии саамов, проживающих на территории Лапландии (ныне Мурманской области).

Заметна роль Национальной библиотеки Республики Карелия как крупного информационного центра по обслуживанию читателей, обеспечивающая им широкий доступ как к внутренним, так и внешним ресурсам по новым информационным технологиям. Серьёзное внимание Библиотека уделяет развитию краеведческого движения не только в своём регионе, но и на всём Европейском Севере. В её стенах часто собираются учёные, краеведы, историки, преподаватели вузов, сотрудники библиотек, архивов и музеев страны, чтобы обсудить насущные задачи краеведения, познакомиться с новыми исследованиями по истории, культуре и современной жизни Поморья.

Глубокая проработка, основательность и планомерность присуще долгосрочной национальной программе *«Память Карелии»*, разработанной Национальной библиотекой Республики Карелия в 1996 году и дополненной в 2000 году, что было отмечено многими ведущими специалистами РГБ и РНБ. Программа позволяет Библиотеке чётче определить приоритеты в создании библиографических пособий, скоординировать внутренние и внешние связи с библиотеками, музеями и архивами региона, со специалистами Карельского научного центра РАН и Петрозаводского госуниверситета, чтобы избежать ненужного параллелизма в работе. Содержание Программы и ход её выполнения постоянно находит своё отражение в многочисленных публикациях в профессиональной печати и в выступлениях сотрудников Библиотеки на Всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях и семинарах⁴.

Проводимый нами анализ библиографической деятельности библиотек России на протяжении многих лет, позволяет говорить, что в Республике Карелия чётко и последовательно развивается система краеведческих библиографических пособий, в которую входят регулярно выходящие календари знаменательных и памятных дат, универсальные рекомендательные указатели о городах и районах, отраслевые и тематические указатели, библиографические пособия, летописи печати республики, ретроспективные указатели библиографических пособий.

Сохраняет своё историко-культурное значение фундаментальный библиографический указатель литературы *«Калевала – памятник мировой культуры»*, подготовленный библиографами Национальной библиотеки Республики совместно с Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в 1993 году. Мимо внимания исследователей также не может пройти ценный научно-вспомогательный библиографический указатель *«История, археология, этнография Карелии»* за 1966–1995 годы, изданный в 2002 году, который хронологически дополнил выпуск за 1917–1965 годы (1967). Большое внимание Библиотека уделяет теме сохранения уникальной природы Севера. В 2003 году ею совместно с Национальным парком *«Водлозерский»* и Пудожской центральной районной библиотекой был подготовлен интересный библиографический указатель по истории и научно-просветительской деятельности национального парка *«Водлозерский»*.

Положительным моментом является то, что Национальная библиотека Республики активно использует в составлении краеведческих библиографических указателей архивные фонды библиотек, архивов, научных и общественных организаций, что значительно повышает информационную значимость изданий. Можно смело

⁴ Ретроспективная национальная библиография Российской Федерации: современное состояние, проблемы и перспективы развития / РНБ. СПб., 1999. С. 156–162 ; Новикова Н. П. Программа *«Память Карелии»* как основа краеведческой деятельности библиотек Карелии // Проблемы краеведческой деятельности библиотек : материалы Всерос. науч.-практ. семинара (Великий Новгород, сент. 2002 г.) / РНБ. СПб., 2003. С. 31–34 ; Программа *«Память Карелии»* / разраб. С. В. Алексеева, В. П. Лапичкова, В. А. Ягодкина // Сохранение библиотечных фондов Республики Карелия / НБР Карелия, Библ. ассоц. Респ. Карелия. Петрозаводск, 2004. С. 45–52. (Библиотечный вестник Карелии ; вып. 9) ; Золотухина П. Н. *«Память Карелии»* в *«Памяти России»* : краевед. деятельность Нац. б-ки Респ. Карелия // Культура Поморья: пути сотрудничества / Мурман. ГОУНБ. Мурманск, 2004. С. 13–16 ; Шалагина М. В. Издательская деятельность Национальной библиотеки Республики Карелия // Библиотеки Карелии в 2005 году / НБР Карелия, Библ. ассоц. Респ. Карелия. Петрозаводск, 2006. С. 78–80. (Библиотечный вестник Карелии ; вып. 19).

сказать, что явлением в современной библиографической практике стал её библиографический указатель *«Рукописные ноты карельских композиторов и музыкантов»* (2004), который включил почти 2400 названий неопубликованных музыкальных произведений 1920–1990-х годов на русском и финском языках, хранящихся в библиотеках г. Петрозаводска, Союзе композиторов республики и других организациях. К сожалению, из-за очень небольшого тиража – всего 30 экз. – он изначально стал недоступен многим библиотекам.

Одна из немногих библиотек России Национальная библиотека ведёт последовательную работу с центральными районными библиотеками своей республики. В 1995–2003 годы ими были подготовлены на хорошем профессиональном уровне рекомендательные указатели о Кижях, Лахденпохье, Питкяранте, Суоярви, Сегеже, Петрозаводске, вышедших в серии *«Города и районы Карелии»* (некоторые вышли несколькими выпусками). Как правило, в них включаются не только документы последних десятилетий, но и издания более ранних лет, в том числе и дореволюционные, содержащие ценный фактический материал. Пособия сопровождаются историческими справками и обстоятельными вступительными статьями учёных и краеведов.

Прочное место в изданиях библиотек страны в последнее десятилетие заняли библиографические указатели по региональному книжному и библиотечному делу. Тема изучения истории библиотечного дела – благодатная почва для научно-исследовательской работы культурологов, краеведов, музейных и библиотечных специалистов, поскольку помогает подчеркнуть значимость библиотек в общественной жизни того или иного региона, в развитии отечественной культуры и просвещения.

Среди них выделяется своей фундаментальностью и высоким уровнем издательской культуры указатель Национальной библиотеки Республики *«Библиотеки Олонецкого края XIV – начала XX вв.»* (2003), который даёт широкое представление о многовековой истории становления библиотек Карелии, возникших на основе уникальных и богатейших книжных фондов церковных древлехранилищ Русского Севера. Составители проделали кропотливую работу по выявлению и описанию материалов по теме, просмотрев большой круг источников, хранящихся в РНБ, научных библиотеках Карелии и Национальном архиве республики. Несмотря на обширный массив выявленных материалов (почти 1500 назв.), пользоваться указателем достаточно легко, поскольку тщательно продумана их группировка, в основу которой положен историко-хронологический принцип с учётом типологии библиотек и видов документов. Изданию предшествует большая обзорная вступительная статья. Как известно из программы *«Память Карелии»*, библиографами ведётся работа над следующим выпуском, который будет включать материалы с 1917 года.

В последние годы тему по истории библиотечного дела также активно разрабатывала Мурманская ГОУНБ, которая в 2004 году издала библиографический указатель *«Областная научная библиотека в изданиях и публикациях (1938–1998)»*, посвящённый 60-летию библиотеки (около 1800 назв.). Кроме этого ретроспективного указателя, Библиотека издаёт с 1999 года информационный сборник *«Панорама культурной жизни Мурманской области»*, в который включаются текущие публикации о её многоаспектной современной деятельности.

В краеведческой библиографии особое место принадлежит календарям знаменательных и памятных дат, которые входят в состав обязательных звеньев системы краеведческих рекомендательных пособий и предназначены прежде всего библиотекарям в помощь их разносторонней краеведческой работе, а также широкому кругу потребителей краеведческой информации. «Соединение в одном издании фактографической и библиографической информации, разносторонность содержания, регулярность выхода в свет (как правило, ежегодно и на год вперёд) делает календари ценными источниками краеведческих сведений»⁵. По нашим последним данным, они издаются более чем в 55 регионах Российской Федерации. Регулярно выходят на Европейском Севере: *«Календарь знаменательных дат Карелии»*, *«Из истории Мурманска : календарь дат и событий»*, *«Памятные даты Архангельской области»* (издаёт областной Госархив, списки литературы к датам готовит Архангельская ОНБ). Как правило, для подготовки справок и очерков к юбилейным датам и событиям года библиотеки широко привлекают историков, архивистов, краеведов, что положительно влияет на достоверность информации.

Центральные и муниципальные библиотеки уделяют большое внимание подготовке персональных указателей. За последние четыре года в России только о краеведах, историках, писателях, деятелях науки и культуры вышло около 40 биобиблиографических справочников и более 130 персональных указателей, многие из которых вышли в сериях, например, *«Учёные земли Кольской»*, *«Краеведы земли Кольской»* и *«Писатели земли Кольской»*, издаваемые Мурманской ГОУНБ⁶. Аналогичные биобиблиографические серии издаёт Национальная библиотека Республики Карелия: *«Писатели Карелии»*, *«Художники Карелии»*, *«Композиторы Карелии»*.

В 2006 году Архангельской ОНБ начата биобиблиографическая серия *«Северная библиотека»*, посвящённая видным деятелям культуры, писателям и исследователям Севера. Первый выпуск был посвящён жизни и творчеству замечательного писателя-фольклориста, художника и краеведа, уроженца г. Архангельска

⁵ Составление краеведческих рекомендательных библиографических пособий типа *«Календарь знаменательных и памятных дат»* : метод. рекомендации / [сост. Г. М. Вольберг]. Л., 1989. С. 5.

⁶ Аналитические обзоры изданий / сост. А. Н. Маслова // Краеведческие библиографические издания Российской Федерации, 2000 г. (с доп. за 1996–1999 гг.) / РНБ. СПб., 2003. С. 59–61; [То же], 2001–2004 гг. СПб., 2006. С. 41–44.

Бориса Викторовича Шергина. В персональном указателе учтено около 600 названий его произведений и публикаций о нём за 1924–2006 годы, приведён обстоятельный биографический очерк.

Создание ретроспективных библиографических репертуаров местной печати – одна из самых важных и сложных задач, стоящих перед библиотеками. Такие репертуары относятся к базовым источникам и для краеведческой, и для национальной библиографии.

С советских времён сложилась практика издания республиканскими библиотеками и книжными палатами республик летописей печати, ежегодно регистрирующих все вышедшие местные и краеведческие издания на русском и национальных языках той или иной республики. С 1959 года Национальная библиотека Республики Карелия ежеквартально издаёт государственный библиографический указатель *«Летопись печати Республики Карелия»*, чёткая структура которого позволяет легко выявлять краеведческие материалы из местной, отечественной и зарубежной печати. Кроме него, Библиотека с целью оперативной информации издаёт в последние годы информационно-статистический бюллетень *«Печать Карелии в ... году»*, выходящий в печатном и электронном виде⁷. Данные бюллетеня наглядно демонстрируют рост количества местных печатных изданий, что говорит о востребованности региональной литературы.

В 2003 году Национальной библиотекой Республики Карелия был издан библиографический указатель книг за 1839–1916 годы *«Печать Олонецкой губернии»* (1060 назв.). В него включена информация об изданиях, хранящихся в крупнейших библиотеках республики: Национальной библиотеке, Национальном архиве, Научной библиотеке Карельского научного центра РАН, Научной библиотеке Петрозаводского госуниверситета, Карельского государственного краеведческого музея. Указателю предпослан основательный, представляющий научный интерес очерк «Развитие книгоиздательской деятельности в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.». Исходя из преимущественно краеведческого содержания местной печати и в расчёте на прямое использование его в решении краеведческих поисковых задач, основной корпус библиографических записей построен по систематическим разделам с указанием места хранения описанного издания. Это существенно повышает надёжность и практическую ценность включённых сведений. Тщательно продумана составителями и система вспомогательных указателей. Включён и нетрадиционный, сравнительно редко применяемый в краеведческих пособиях, хронологический указатель выхода изданий. Важен для дальнейшей работы и включённый в издание «Список разыскиваемых изданий» края.

В последнее десятилетие в регионах России ежегодно стали выходить текущие указатели местных изданий, поступивших в государственные универсальные областные научные библиотеки в соответствии с федеральным и местными законами «Об обязательном экземпляре документов»⁸. Архангельские и мурманские указатели данного типа включают все виды печатной продукции края: книги, периодические и продолжающиеся издания, буклеты, препринты, открытки, карты, авторефераты диссертаций, а также официальные, аудиовизуальные и электронные документы.

Уже из этого краткого обзора видно, как много делают для развития краеведения центральные библиотеки Европейского Севера. Но чтобы соответствовать современному уровню информационных потребностей общества, нельзя замыкаться в рамках отдельной территории, отдельной библиотеки. Нужно активно искать точки межрегионального профессионального соприкосновения, глубже изучать опыт краеведческой работы коллег.

Готовясь к своему выступлению, я внимательно просмотрела все публикации о краеведческой библиографической деятельности библиотек Севера, в том числе материалы совещания-семинара работников областных и республиканских (АССР) библиотек Северо-Запада, который проводился в Петрозаводске в 1964 году. На мой взгляд, многие выступления по-прежнему интересны и поучительны. Особенно заинтересовал доклад известного в стране специалиста в области краеведческой библиографии Н. Ф. Горбачевской, которая затронула в нём вопрос о взаимодействии библиотек зоны. Вполне актуально звучат её слова: «По Северо-Западу РСФСР одна из сильных библиотек, Государственная публичная библиотека Карельской АССР, располагающая специальным отделом краеведения, солидным опытом работы по составлению краеведческих пособий, могла бы тоже, как нам думается, объединить вокруг себя силы других библиотек зоны с тем, чтобы создание системы пособий краеведческого содержания стало общим делом всех библиотек Северо-Запада РСФСР»⁹.

Мне посчастливилось от РНБ участвовать в работе Межрегионального семинара библиотечных специалистов Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей *«Культурный потенциал Поморья: поиск путей сотрудничества»*, организованный Мурманской ГОУНБ на базе Терской ЦБС (пос. Умба) при поддержке Совета Министров Северных стран в октябре 2003 года, который произвёл незабываемое впечатление. С большой заинтересованностью его участники обсуждали проблемы создания единого банка данных «Поморье», вопросы сотрудничества библиотек по изучению информационных потребностей

⁷ Петропавловская Н. Книжная палата Национальной библиотеки Карелии: история и современность // Новая б-ка. 2006. № 12. С. 24–26.

⁸ См. анализ текущих указателей местной печати // Краеведческие библиографические издания Российской Федерации, 2001–2004 гг. / РНБ. СПб., 2006. С. 44–48.

⁹ Горбачевская Н. Ф. Краеведческие библиографические пособия библиотек Северо-Запада РСФСР и создание системы этих пособий // Библиографическая работа на современном этапе коммунистического строительства / ГПБ, Гос. публ. б-ка Карел. АССР. Петрозаводск, 1965. С. 55.

пользователей для обеспечения их качественной библиографической информацией по истории и культуре Поморья, а также проект «Руководства по краеведческой деятельности муниципальных публичных библиотек (ЦБС)», разработанный РНБ и РБА. Значение таких профессиональных контактов трудно переоценить, поскольку они дают импульс к совершенствованию библиографической деятельности, помогают формировать корпоративные электронные ресурсы, планировать работу по подготовке краеведческих библиографических пособий о Русском Севере и оптимальному использованию уникальных краеведческих фондов библиотек региона.

Практика тесных и плодотворных контактов различных библиотек была заложена еще 1960-е годы, когда по инициативе старейшего сотрудника Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ), видного отечественного краеведа и библиографа Г. А. Озеровой (1905–1990) была начата работа по подготовке многоотомного библиографического труда *«Библиография краеведческой библиографии РСФСР»* (БКБ). В подготовке региональной (2-й) части БКБ принимали участие все республиканские, краевые и областные библиотеки страны, а также многие библиотеки научных учреждений.

Одним из первых вышел выпуск, посвященный районам Севера России в целом, Европейскому Северу и Северо-Западу¹⁰, в котором структурно были выделены библиографические издания Карельской АССР, Архангельской и Мурманской областей по широкому кругу тем и вопросов. По сей день велико значение этого капитального труда как надежного источника краеведческой информации для выявления ценнейших материалов о крае и подготовки ретроспективных библиографических работ.

После завершения работы над региональной серией БКБ в 1978 году, говоря о перспективах её дальнейшего развития, Г. А. Озерова настоятельно рекомендовала универсальным научным библиотекам работать над хронологическими продолжениями серии, используя методику ГПБ. Одной из первых на этот призыв откликнулась Государственная публичная библиотека Карелии (ныне Национальная библиотека Республики Карелия), подготовив в 1986 году совместно с Научной библиотекой Карельского филиала АН СССР библиографический указатель *«Универсальные и отраслевые библиографические пособия о Карелии (1917–1980 гг.)»*. Благодаря их тесному взаимодействию, в пособии наиболее полно были отражены как отдельно изданные библиографические пособия, так и прикнижная и пристатейная библиография о крае из центральных, академических и местных изданий за указанный период и, как дополнение, материалы за 1981–1985 годы (всего 712 назв.).

Следует отметить, что подготовка такого типа пособий очень сложна, поскольку требует от составителей больших затрат времени, связанных с разысканием библиографических материалов, и особого умения их аннотирования, что, к сожалению, не всегда на практике библиотекам удаётся, о чём мы уже писали¹¹.

Особенно возрастает значение БКБ как составляющей части ретроспективной национальной библиографии России, активно и планомерно развивающейся в последние годы. Заслугой Национальной библиотеки Республики Карелия является то, что она одна из немногих центральных библиотек субъектов Российской Федерации, несмотря на определённые трудности, продолжает работу над вторым выпуском указателя библиографических пособий о Карелии, который будет включать издания за последние 25 лет.

В настоящее время Российская национальная библиотека продолжает работу по раскрытию региональных источников. С начала 1990-х годов ею ведется научно-исследовательская работа по изучению, выявлению памятных книжек губерний и областей Российской империи и раскрытию их содержания (рук., отв. сост. и науч. ред. Н. М. Балацкая). Проект издания был включён в федеральную программу «Сохранение и использование памятников истории и культуры, историко-культурных и природных территорий, музейных и библиотечных фондов ("Наследие")».

Одновременно РНБ был подготовлен в 1994 году сводный предварительный список памятных книжек за 1836–1917 годы, в составлении которого приняли активное участие около 400 научных учреждений, архивов и музеев России, среди которых были и Национальная библиотека Республики Карелия и Архангельская ОНБ, за что им огромная благодарность.

В 2002 году вышел первый том указателя *«Памятные книжки губерний и областей Российской империи»*, в котором раскрыты памятные книжки Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. За высокое качество подготовки первого тома его составители были отмечены Дипломом конкурса РНБ 2003 года как лучшей библиографической работы историко-культурного характера, появление которой связано с ведением в научный оборот социально-значимых документов и опубликованных материалов из фондов РНБ, а также Дипломом лауреата Всероссийского конкурса научных работ по библиотековедению, библиографии и книговедению 2004 года. (В 2003 году вышел 2 том указателя содержания памятных книжек Северо-Запада по Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний. В настоящее время подготовлены к печати 3 и 4 тома по Центральным губерниям).

Активно в последнее время в стране развивается тема по изучению истории политических репрессий. Региональными обществами «Мемориал» и другими правозащитными организациями регулярно издаются

¹⁰ Вып. 1 : Районы Севера РСФСР в целом, Европейский Север и Северо-Запад / ГПБ ; [сост. Г. А. Озерова]. Л., 1966. 413 с.

¹¹ Николаева Л. С. Состояние библиографии краеведческой библиографии в отдельных регионах Российской Федерации // Библиография библиографии на современном этапе : сб. ст. и библиогр. материалов / РНБ. СПб., 1995. С. 32–48.

Книги памяти жертв политических репрессий и павших на фронтах Великой Отечественной войны. С середины 1990-х годов при Отделе библиографии и краеведения РНБ была начата исследовательская работа по подготовке многотомного справочного издания *«Ленинградский мартиролог : Книги памяти жертв политических репрессий 1937–1938 гг.»* (рук., отв. сост. и науч. ред. А. Я. Разумов). С 1995 г. вышло в свет 5 томов этого справочника. В начале 2007 года выйдут из печати 6 и 7 тома, которые, как и предыдущие, включают аннотированные биографические списки расстрелянных политических заключённых, воспоминания их родных и близких, библиографические списки литературы.

В связи с важностью темы, при Редакции «Ленинградского мартиролога» в 2003 году был создан информационный и методический Центр «Возвращённые имена», который координирует подготовку Книг памяти в Северо-Западном федеральном округе России, а также в Костромской, Тверской и Ярославской областях; создаёт электронную базу данных о репрессированных на Северо-Западе; осуществляет обмен информацией и литературой; проводит консультации, конференции, семинары, различные массовые мероприятия; ведёт обширную переписку. Благодаря тесным контактам со многими регионами, в РНБ была сформирована по теме ценнейшая подсобная справочная библиотека, в которой собрана коллекция Книг памяти (в настоящее время лучшая в России). На её основе был издан в 2004 г. аннотированный указатель «Книги памяти жертв политических репрессий в СССР», который является важнейшим источником фактографической информации для исследователей края и библиографов.

В составлении подобных указателей принимают участие и многие государственные и муниципальные библиотеки страны, в особенности Севера, Дальнего Востока, республик Карелия, Коми и Хакасия. Среди изданий библиотек по этой теме выделяются основательные указатели Архангельской ОНБ *«СЛОИ-СТОИ: Соловецкие лагеря и тюрьмы особого назначения (1923–1939)»* (2003) и Национальной библиотеки Республики Карелия и Карельского научного центра РАН *«Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов»* (2005).

В заключении хочу отметить, что Российскую национальную библиотеку и Главную библиотеку Республики Карелия многие годы связывают узы дружбы и творчества, основанные на совместном проведении научных исследований и практической деятельности. Мы благодарны коллегам, что они регулярно присылают в наши фонды свои путеводители, методические и библиографические пособия, сборники трудов, электронные оптические диски с краеведческой информацией, что даёт нам возможность включить их в наши текущие библиографические указатели «Библиотека и краеведение» и «Краеведческие библиографические издания Российской Федерации». Надеемся, что наши связи и в дальнейшем будут плодотворно развиваться и расширяться.

*Терпугова Т. В.,
Национальная библиотека Республики Карелия*

Из истории развития краеведческой библиографии Олонецкой губернии

Изучение России силами научных и общественных организаций определило интерес к краеведческой литературе и библиографии. В различных районах России краеведческая библиография развивалась по-разному. Библиография в Карелии прошла сложный и долгий путь. Во второй половине XIX века, когда по всей стране начинается интенсивное развитие краеведческой библиографии, в Олонецкой губернии делаются только первые шаги в этом направлении.

До настоящего времени история становления краеведческой библиографии края остаётся мало изученной. Существует две публикации, посвящённые этой теме: статья Л. И. Александровой «Развитие краеведческой библиографии в Карелии» (Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970, С. 308–317) и «Краткий аналитический обзор состояния и перспектив краеведческой библиографии Карелии», составленный Т. В. Осиповой в качестве приложения к подпрограмме «Национальная библиография Республики Карелия» (Рукопись. Петрозаводск, 1995). Оба автора в основном анализируют библиографию советского периода, но во вступительной части своих обзоров уделяют внимание и дореволюционной библиографии края.

В 1986 году был подготовлен и издан указатель Е. М. Жадиной «Универсальные и отраслевые библиографические пособия о Карелии», в котором учтена библиографическая продукция разных типов и видов, включая прикнижную и пристатейную библиографию с 1917 по 1980 годы. Подобных изданий, отражающих библиографию Олонецкой губернии, нет. Для отбора дореволюционных библиографических пособий просмотрены электронный и систематический каталоги Национальной библиотеки РК, указатель «Печать Олонецкой губернии» (Петрозаводск, 2003) и рукопись «Библиография о Карелии» И. М. Никольского (Петрозаводск, 193?). По указанным источникам выявлено 160 названий библиографических материалов (список прилагается): отдельно изданные указатели составляют 20 % от общего числа, прикнижная библиография – 40 %, указатели литературы, опубликованные в журналах и сборниках – 24 %, библиография на страницах газет – 16 %. До начала XX века было издано 20 % библиографических пособий, в 1900-е годы – 30 %, с 1910 по 1917 гг. – 50 %.

Русская краеведческая библиография этого периода характеризуется развитием таких видов библиографических пособий, как библиография местных изданий, универсальная, отраслевая и тематическая, биобиблиографические словари, печатные каталоги библиотек. Наибольшее распространение в Олонецкой губернии получили указатели содержания сборников и периодических изданий (с 1868 по 1917 гг. вышло 45 названий), каталоги библиотек (29) и указатели местных изданий (25)).

Указатели содержания сборников и периодических изданий

Первым библиографическим пособием, вышедшим в 1868 году и посвящённым Олонецкой губернии, был «Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографической комиссии». Подготовил его Константин Михайлович Петров, известный краевед, историк, библиограф. В указатель включено около 120 названий документов в 10 разделах, расположение материала внутри разделов хронологическое. В «Библиографии о Карелии» И. М. Никольского находим, что этому же автору принадлежит «Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, опубликованным в изданиях “История государства Российского” Н. Карамзина; “История России с древнейших времён” С. Соловьёва; “Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России” И. Голикова; “История царствования Петра Великого” Н. Устрялова» (Петрозаводск, 1869). К. М. Петров составил и подробный, не теряющий своего значения «Указатель к Олонецким губернским ведомостям за 1838–1880 гг.». Последующие выпуски указателя к Олонецким губернским ведомостям составлялись К. С. Еремеевым, С. А. Левитским, С. И. Благовещенским.

Сергей Анатольевич Левитский – секретарь Олонецкой губернской земской управы, пожизненный член-учредитель Общества изучения Олонецкой губернии. По его инициативе возникает «Вестник Олонецкого губернского земства». С 1907 по 1914 годы С. А. Левитский составлял систематические указатели статей к годовым комплектам Вестника.

Большое значение для развития краеведения имели «Памятные книжки», в которых на протяжении многих лет накапливался ценный исторический, этнографический, статистический и библиографический материал. Не случайно, что «Указатель статей по истории, статистике и этнографии Олонецкой губернии, напечатанных в Памятных книжках» публиковался в Олонецком сборнике (Вып. 1, 1875–1876), в Памятной книжке на 1902 год, перепечатывался отдельным изданием (Петрозаводск, 1902).

Указатели местных изданий

В 1886 году в Олонецких губернских ведомостях опубликован «Список изданий Олонецкого статистического комитета и других учреждений, относящихся к Олонецкой губернии». В списке учтено 46 названий книг за период с 1856 по 1885 год. В Памятной книжке на 1902 год список дополнен новыми изданиями и включает литературу за 1856–1901 годы. С 1901 года Статистическое бюро Олонецкого губернского земства начинает выпускать статистические сборники, на обложках которых регулярно публикуются списки изданий Статистического бюро. В шестнадцатый выпуск «Материалов по текущей статистике» в список вошло 51 название изданий за 1900–1916 годы. Губернские статистические комитеты сыграли значительную роль в развитии краеведческой библиографии. В Олонецкой губернии это единственное учреждение, которое осуществляло ретроспективный и текущий учёт своих изданий. Попытки учёта своей печатной продукции делал и Валаамский монастырь. Например, на обложке книги «Валаамский скит во имя Конеvской Божией Матери» помещён список изданий монастыря из 23 названий за 1885–1904 гг.

Универсальная библиография

В четвёртом выпуске Олонецкого сборника опубликована статья краеведа, статистика, библиографа Ивана Ивановича Благовещенского «Учёные исследователи в Олонецкой губернии». По содержанию и форме статья напоминает библиографический обзор. Автор приводит перечень учёных исследователей и их трудов об Олонецкой губернии с 1828 по 1901 год. Этот обзор можно назвать первым универсальным библиографическим пособием.

Универсальная библиография Олонецкой губернии представлена ещё двумя указателями. Оба были помещены в «Известиях Общества изучения Олонецкой губернии». «Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю» – первая попытка учёта текущей литературы, он включает книги, статьи из сборников, журналов и газет с 1 января 1913 года по 1914. В указателе в трёх разделах учтено 1109 названий, в первом номере Известий за 1915 год помещены вспомогательные указатели: предметный, географический и авторов. По такой же структуре по видам изданий (книги, статьи из сборников и журналов, статьи из газет) сделан и «Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Европейскому Северу», который учитывает литературу с 1 января 1915 года.

Следует назвать ещё два значительных универсальных пособия, содержащих материал о Карелии. Во-первых, «Указатель главнейших источников и пособий по Озерной области», напечатанный в третьем томе многотомного издания «Россия» (СПб., изд-во А. Ф. Девриена, 1900). Прикнижная библиография имеет дробную структуру (11 разделов) и включает около 300 названий различных изданий, в том числе справочники, путеводители, карты и фотографии. Во-вторых, «Указатель русской литературы об Архангельской Карелии»,

составленный секретарём Архангельского губернского статистического комитета Н. А. Голубцовым, помещённый в сборнике «Архангельская Карелия» (Архангельск, 1908). Указатель отражает все стороны жизни народа и включает более 100 названий книг и статей.

В дореволюционных энциклопедиях мы находим подробные статьи об Олонецкой губернии с пристатейной библиографией. Многие написаны Андреем Петровичем Вороновым – историком, архивистом, краеведом. Самая большая статья А. Воронова «Олонецкая губерния» помещена в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, к статье прилагается список литературы из 18 названий.

Тематическая библиография

Тематическая библиография Олонецкой губернии в основном прикижная. Подробный структурированный список помещён в книге Николая Семёновича Шайжина «Олонецкие водопады: Кивач. Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов» (Петрозаводск, 1907). Представляет интерес список «Полезные ископаемые», составленный Петром Алексеевичем Борисовым, для сборника «Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края» (СПб., 1910). В список включена литература за 1782–1908 гг. В первом отделе «Библиографического указателя литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю» помещён небольшой (21 название) список литературы «Каменный уголь (антрацит) в Олонецкой губернии». В списке учтены статьи из сборников и периодических изданий с 1862 по 1910 год.

Библиография составлялась по самым разным темам, в том числе не касающимся Олонецкой губернии. Например, учитель Тимофей Васильевич Леонтьев в «Пособие для лиц устраивающих народные чтения» (Петрозаводск, 1913) включил «Указатель литературы о народных чтениях».

Краеведческий материал по разным отраслям знаний мы находим в общих и отраслевых указателях, посвящённых России в целом. В Памятной книжке на 1909 год под заглавием «Хронологический указатель о карелах» опубликована глава «Карелы» из указателя П. Кеппена, выпущенного в 1861 году. Автор на основе таких изданий, как «Полное собрание русских летописей», «История государства Российского», «Полное собрание законов Российской империи» отразил события из истории карел с 1142 по 1724 год.

Существовало немало библиографий с чётко выделенными краеведческими разделами. Примером могут служить: «Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем» (СПб., Ч. 1, 1890), «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России» Д. К. Зеленина (СПб., 1913), «Указатель литературы по лесной торговле и промышленности» В. В. Фааса (Пг., 1915) и другие.

Каталоги и путеводители по фондам

С 1871 года по 1913 вышло 4 печатных каталога Алексеевской библиотеки, 3 – Повенецкой общественно-земской библиотеки и 1 каталог Пушкинской общественной библиотеки при Олонецкой уездной земской управе. В каталоге Петрозаводской Алексеевской библиотеки 1872 года есть специальный отдел «Сочинения, относящиеся до Олонецкого края», в который вошло 10 названий книг. В каталогах Повенецкой библиотеки такого раздела нет, но литература, посвящённая краю (12 названий) есть во многих разделах. Это и «Памятные книжки Олонецкой губернии», «Причитания Северного края» Е. В. Барсова (М., 1872), «Голос карела» М. Смирнова (СПб., 1890), «Указатель к историческим актам Олонецкой губернии» К. М. Петрова (Петрозаводск, 1868) и другие.

На рубеже веков происходит становление сети библиотек Олонецкой губернии. С конца XIX века начинают публиковаться рекомендательные списки литературы для библиотек. Например, в Олонецких епархиальных ведомостях за 1899 год помещён «Список книг для церковно-приходских библиотек», а в 1900 году «Список книг необходимых для приходской противораскольнической библиотеки». В 900-х годах эта работа приобретает планомерный характер, публикуются примерные каталоги учительской, ученической, школьно-народной, передвижной и районной библиотек. В каждом каталоге мы находим издания о Севере и Олонецкой губернии.

Начиная с 70-х годов XIX века, вышел целый ряд изданий, описывающих рукописные собрания библиотек и монастырей Олонецкой епархии (11 публикаций). Этнограф, археограф, филолог Елпидифор Васильевич Барсов описал рукописные и старопечатные собрания Выголексинской библиотеки (1874) и Клименецкого монастыря (1871). В 1903 и 1905 гг. Всеволод Измайлович Срезневский организовал ряд археографических экспедиций, результатом которых стало библиографическое пособие «Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии Наук в Олонецком крае». С указателем удобно работать, он имеет хорошо продуманную структуру, в приложении помещено два вспомогательных указателя: «Собственных и географических имён и предметов» и «Начальных слов отдельных статей», составленные Алексеем Алексеевичем Шиловым.

Книготорговая библиография

Текущие библиографические списки Статистического бюро Олонецкого губернского земства выполняли две функции: регистрационную и распространительскую. В списках указывалась цена издания и имеется ли оно

в наличии, в некоторых случаях библиографическая запись заканчивалась словами «издание разошлось». К книготорговой библиографии можно отнести, например, списки от книжного склада Александро-Свирского Братства о продаже книг и икон, публикуемые в Олонецких епархиальных ведомостях. Общество изучения Олонецкой губернии с первого выпуска Известий Общества регулярно помещает «Список изданий, которые продаются в Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске».

Подводя итоги, следует сказать, что краеведческая библиография Олонецкой губернии в XIX веке развивалась очень слабо. В основном она представлена прикнижными списками литературы, в редких случаях структурированными. Некоторое развитие получила библиография местной печати. Главным образом составлялись указатели содержания местных периодических изданий, каталоги библиотек, описания монастырских коллекций. Персональная библиография представлена единичными списками, приложенными к некрологам краеведов. В начале XX века была сделана попытка создания универсальной текущей библиографии об Олонецкой губернии. Вместе с тем на страницах периодических изданий активное развитие получила популярная в те годы журнальная библиография. Вестник Олонецкого губернского земства регулярно публикует отзывы о книгах и в разделе «Библиография» печатает краткие аннотации на новые книги.

Краеведческая библиография Олонецкой губернии получила своё развитие благодаря подвижнической деятельности учёных исследователей Европейского Севера и Олонецкого края, а также местной интеллигенции, из среды которой вышли многие краеведы. Большую работу в этом направлении проводило Общество изучения Олонецкой губернии. Можно утверждать, что, несмотря на существенные недостатки, фрагментарный характер, краеведческая библиография этого периода представлена пособиями разных типов. Целый ряд значительных указателей, созданных в XIX – начале XX века, и сегодня не теряют своей актуальности и будут востребованы в будущем.

Приложение 1

Краеведческая библиография Олонецкой губернии по типам и видам изданий

Виды пособий	1860-е	1870-е	1880-е	1890-е	1900-е	1910-е	Всего
1. Универсальные				2	5	4	11
2. Тематические							
2.1. ОПЛ	1		1	4	5	8	19
2.2. Естествознание, медицина				2	2	7	11
2.3. Другие					1	3	4
3. Персональные		1			1	2	4
4. Указатели местных изданий			2	1	11	11	25
5. Указатели содержания	3	2	3	3	16	18	45
6. Каталоги		5		4	7	13	29
7. Книготорговые					1	11	12
Всего	4	8	6	16	49	77	160
Отдельно изданные	4	5	3	4	7	10	33
Прикнижные		1	1	10	21	30	63
Указатели в сборниках и журналах		1	1		8	28	38
Указатели в газетах		1	1	2	13	9	26

Приложение 2

Краеведческая библиография Олонецкой губернии по годам изданий

1861

Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России / сост. под рук. П. Кеппена. – СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1861. – VI, 510 с.

1868

Петров К. М. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографических комиссий («Акты ист.», «Доп. к актам ист.») / К. М. Петров. – Петрозаводск, 1868. – 26 с.

1869

Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографической комиссии: («Акты ист.» и «Доп. к актам ист.») / сост. К. Петров. – Петрозаводск : Губерн. тип., [1869]. – 26, 24 с.

Петров К. М. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, опубликованным в изданиях: «История государства Российского» Н. Карамзина; «История России с древнейших времён» С. Соловьёва; «Деяния Петра Великого – мудрого преобразователя России» И. Голикова; «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова / К. М. Петров. – Петрозаводск, 1869.

1870

Сидоров М. К. Север России / Михаил Константинович Сидоров. – СПб. : Тип. Почтового Департамента, 1870. – XXIII, 557 с. – Книги и статьи Сидорова о Севере России (7 назв.). – С. 557.

1871

Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему Пустынями, царскими и иераршими грамотами / Елпидифор Васильевич Барсов. – М. : Унив. тип., 1871. – 171 с. – Опись древних письменных памятников, находящихся в Климецком монастыре и послуживших материалами для настоящего исследования. – С. 105–121.

1872

Систематический каталог Алексеевской Петрозаводской общественной библиотеки. – Петрозаводск : Губерн. тип., 1872. – 37 с.

1873

Систематический каталог книгам Алексеевской Петрозаводской общественной библиотеки // Олонец. губерн. ведомости. – 1873. – № 97. – С. 11–14.

1874

Барсов Е. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке / Е. Барсов. – СПб., 1874. – 85 с.

1875

Указатель статей по истории, статистике и этнографии Олонецкой губернии (76 назв.) // Олонецкий сборник: материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1 / под ред. А. Иванова. – Петрозаводск, 1875–1876. – С. 3–9 (4-я паг.).

1879

Каталог книг Повенецкой общественно-земской библиотеки. – Петрозаводск : Губерн. тип., 1879. – 77 с.

Систематический каталог Алексеевской Петрозаводской общественной библиотеки, с 1 июля 1871 г. по 1-е окт. 1879 г. – Петрозаводск : Губерн. тип., 1879. – 117 с.

1886

Издания Олонецкого статистического комитета и других учреждений, относящихся к Олонецкой губернии (46 назв.) // Олонецкий сборник: материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2 / под ред. А. Иванова. – Петрозаводск, 1886. – С. 3–8 (4-я паг.).

То же // Олонец. губерн. ведомости. – 1886. – № 12.

1889

Ордин К. Покорение Финляндии: опыт описания по неизданным источникам. Т. 1 / К. Ордин. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – 460, IV, 122 с. – Главнейшие источники: Неизданные (9 назв.). – С. 457; Печатные пособия (66 назв.). – С. 458–460.

1890

Викторов А. Е. Отдел рукописных собраний в книгохранилищах Северной России / А. Е. Викторов. – СПб., 1890. – 379 с. – Рукописи Петрозаводского архиерейского дома. – С. 285–303; Рукописи Петрозаводского собора и музея. – С. 304–310.

[**Материал** для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем]. Ч. 1. Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–65 по 1 июля 1890 год (594 монастыря) / сост. В. В. Зверинский. – Конвюют. – СПб. : Изд. В. В. Зверинского : Тип. В. Безобразова и Ко, 1890. – XVII, 294 с. – Библиогр. в подстроч. примеч. и в тексте.

1891

Иконников В. С. Опыт русской историографии : [В 2 т. В 4 кн.], Т. 1, кн. 1 / В. С. Иконников. – Киев : [Изд. Императ. Киев. Ун-та Св. Владимира] : Тип. Императ. Ун-та Св. Владимира В. Завадского, 1891. – VIII, 882, ССХХII. – Библиогр. в конце гл., в примеч. (также подстроч.)

1892

Выгорецкая или Выговская пустынь // Энциклопедический словарь. Т. 14. Выговский – Гальбан / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1892. – С. 486–487. – Библиогр.: 5 назв.

1896

Белявский П. Ладожское озеро / П. Белявский // Энциклопедический словарь. Т. 33. Култагой – Лед / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1896. – С. 236–243. – Библиогр.: 13 назв.

Валаамский скит во имя святого пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна и жизнеописание тамошнего подвижника схимонаха о. Иоанна (умер 7 августа 1894 г.) / изд. Валаамского монастыря. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1896. – 56 с., 1 л. ил. – Издания Валаамского монастыря (22 назв.). – 2–3 с. обл.

Каталог книг Петрозаводской Алексеевской общественной библиотеки. – Петрозаводск : Тип. Олонец. Губерн. Правления, 1896. – 90 с.

1897

Воронов А. Олонецкая губерния / А. Воронов // Энциклопедический словарь. Т. 42. Нэшвилль – Опацкий / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1897. – С. 898–906. – Библиогр.: 18 назв.

Маноцков В. И. Очерки жизни на Крайнем Севере: Мурман / В. И. Маноцков. – Архангельск : Изд. кн. магазина М. Г. Шашковской, 1897. – 191 с. – Список источников (50 назв.). – С. [207–208].

Устав и каталог книг Повенецкой общественно-земской библиотеки. – Петрозаводск : Губерн. тип., 1897. – 59 с.

Шокальский Ю. Онежское озеро / Ю. Шокальский // Энциклопедический словарь. Т. 42. Нэшвилль – Опацкий / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1897. – С. 947–950. – Библиогр.: 9 назв.

1898

Воронов А. Петрозаводск / А. Воронов // Энциклопедический словарь. Т. 45. Патенты на изобретения – Петропавловский / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1898. – С. 468–470. – Библиогр.: 6 назв.

1899

Список книг для церковно-приходских библиотек // Олонец. епарх. ведомости. – 1899. – № 12, 13.

1900

Валаамского монастыря часовня и подворье в г. Москве / изд. Валаамского монастыря. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1900. – 16 с. – Издания Валаамского монастыря (23 назв.). – 2–3 с. обл.

Зейлигер М. Л. Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска : дис. на степ. д-ра медицины / М. Л. Зейлигер; Цензоры дис.: С. С. Боткин, Н. П. Гундобин, В. А. Левашев. – СПб. : Тип. Штаба Отдельн. Корпуса Жандармов, 1900. – 183, [8] с. – (Сер. докт. дис., допущ. к защите в Императ. Воен.-Мед. Акад. в 1900–1901 учеб. году). – Curriculum vitae. – С. 183. – Литература (48 назв.). – С. 178–180.

От книжного склада Александрo-Свирского Братства. В книжных лавках Александрo-Свирского Братства продаются следующие книги и иконы // Олонец. епарх. ведомости. – 1900. – № 18. – С. 655–656; № 22. – С. 790–791; № 23. – С. 822–824.

Список книг, необходимых для приходской противораскольнической библиотеки (53 назв.) // Олонец. епарх. ведомости. – 1900. – № 22. – С. 759–761.

Указатель главнейших источников и пособий по Озерной области // Россия: полн. геогр. описание нашего Отечества: настол. и дорож. кн. для рус. людей. Т. 3. Озерная область / под ред. В. П. Семёнова. – СПб., 1900. – С. 419–426.

1901

Рукописи Александрo-Свирского монастыря. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1901. – 17 с.

Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии. Вып. 2. Известия о состоянии сельского хозяйства за первую половину лета с начала июня до второй трети июля 1901 года / Стат. Бюро Олонец. Губерн. Земства; предисл. В. Кузнецова. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1901. – I, 9, 20, 66 с. – Издания Статистического Бюро Олонецкого губернского Земства (5 назв.). – 4 с. обл.

Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии. Вып. 3. Известия о состоянии сельского хозяйства за период со второй трети июля до начала сентября 1901 года / Стат. Бюро Олонец. Губерн. Земства; предисл. В. Кузнецова. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1901. – I, 13, 23, 70 с. – Издания Статистического Бюро Олонецкого губернского Земства (6 назв.). – 4 с. обл.

Библейские истории. Ч. 2. История церкви новозаветной: курс 2-го кл. духовных семинарий / сост. Я. Елпидинский. – Изд. 3-е, испр. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1902. – 70 с. – Соч. Я. Елпидинского (3 назв.). – 4 с. обл.

Благовещенский И. Учёные исследования в Олонецкой губернии (обзор) / И. Благовещенский // Олонецкий сборник: материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. – Петрозаводск, 1902. – С. 181–197.

Список изданий Олонецкого губернского статистического комитета, относящихся к Олонецкой губернии (112 назв.) // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1902. – Петрозаводск, 1902. – С. 330–335.

Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии. Вып. 4. Известия о состоянии сельского хозяйства и внеземледельческих промыслов населения за осенне-зимний период (сентябрь–декабрь) 1901 года / Стат. Бюро Олонец. Губерн. Земства; предисл. В. Кузнецова. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1902. – II, 40, 33, 111 с. – Издания Статистического Бюро Олонецкого губернского Земства (12 назв.). – 4 с. обл.

Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии. Вып. 5. Известия о состоянии сельского хозяйства и внеземледельческих промыслов населения за зимне-весенний период (январь–май) 1902 года / Стат. Бюро Олонец. Губерн. Земства; предисл. В. Кузнецова. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1902. – II, 17, 13, 102 с. – Издания Статистического Бюро Олонецкого губернского Земства (13 назв.). – 4 с. обл.

Указатель статей по истории, статистике и этнографии Олонецкой губернии, напечатанных в «Памятных Книжках», изданных с 1858 по 1869 год; Указатель статей, помещённых в Олонецких Сборниках, вып. I, II и III по истории, этнографии, географии и статистике Олонецкой губернии: (Изд. Губерн. Стат. Ком. в 1875–76, 1886 и 1894 гг.). – Петрозаводск : Губерн. тип., 1902. – [14] с.

Указатель статей по истории, статистике и этнографии Олонецкой губернии с 1858 по 1869 гг. (76 назв.) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. – Петрозаводск, 1902. – С. 336–341.

Указатель статей, помещённых в Олонецких сборниках. (Вып. 1, 2, 3 по истории, этнографии, географии и статистике Олонецкой губернии) (82 назв.) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 г. – Петрозаводск, 1902. – С. 341–349.

Мегорский В. Е. Осударева дорога: Библиогр. справка / В. Е. Мегорский. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1903. – 80 с., табл.

Островский Д. Краткое описание музея и древностей, хранящихся в нём / Д. Островский, А. Воскресенский // Олонец. епарх. ведомости. – 1903. – № 9. – С. 323–325. – [Древние книги]. – С. 324–325.

Список книг, имеющих в фундаментальной библиотеке при Каргопольском отделении Александровского Братства / Ф. Никольский // Олонец. епарх. ведомости. – 1903. – № 18. – Прил. – С. 1–29.

Валаамский скит во имя Коневской Божией Матери и краткое сказание о земной жизни и бессмертном успении Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии / изд. Валаамского монастыря. – 2-е изд. – СПб. : Тип. И. Генералова, 1904 – 43 с., 3 л. ил. – Издания Валаамского монастыря (23 назв.). – 2–3 с. обл.

Замечательная жизнь и деятельность настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина и поучительные его слова / изд. Валаамского монастыря. – 2-е изд. – СПб. : Тип. И. Генералова, 1904. – 116 с., 1 л. ил. – Библиогр. – Обл. (23 назв.).

Олонецкая губерния // Большая энциклопедия : слов. общедоступ. сведений по всем отраслям знания. Т. 14. Нерчинский округ – Пенч / под ред. С. Н. Южакова). – СПб., 1904. – С. 386–390. – Библиогр.: 9 назв.

Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии. Вып. 8. Сельскохозяйственный обзор за 1903 год / Стат. Бюро Олонец. Губерн. Земства; предисл. В. Кузнецова. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1904. – I, 61, 208, 105 с. – Издания Статистического Бюро Олонецкого губернского Земства (22 назв.). – 2–3 с. обл.

Издания статистического бюро Олонецкого губернского земства: Список (25 назв.) // Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1905. – С. 332–333.

Олонецкий фольклор: крит.-библиогр. обзор / Н. С. Шайжин // Олонец. губерн. ведомости. – 1905. – № 116, 118, 120, 124, 125, 127, 129.

1907

Шайжин Н. С. Олонецкие водопады: Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описании туристов / Н. С. Шайжин. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1907. – X, 58 с., 14 фот. – (Поэзия сев.-рус. природы). – Литература об Олонецких водопадах (38 назв.). – С. VII–VIII.

1908

Голубцов Н. А. Указатель русской литературы об Архангельской Карелии (106 назв.) / Н. А. Голубцов // Архангельская Карелия. – Архангельск, 1908. – С. 34–39 (2-я паг.).

Примерный каталог ученической библиотеки // Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии, 3–8 июня 1908 г. – Петрозаводск, 1908. – С. 125–143.

Примерный каталог учительской библиотеки // Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии, 3–8 июня 1908 г. – Петрозаводск, 1908. – С. 144–149.

Якушкин Е. И. Обычное право. Вып. 3. Материалы для библиографии обычного права / Е. И. Якушкин. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1908. – IV, 546 с.

1909

Библиографический указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере и опись старых дел Архангельского губернского правления за время с 1710–1725 г. (172 назв.) / сост. А. Ф. Шидловский // Пётр Великий на Севере: Сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / под ред. А. Ф. Шидловского. – Архангельск, 1909. – С. 5–66 (2-я паг.).

Никодим, архимандрит. Несколько слов о пропаганде «Евангелических христиан» среди православных путём своей печати : (библиогр. заметка) / Никодим, архимандрит. – Петрозаводск : Б. и., 1909. – 26 с. – Экз. деф.: без обл. и тит. л.

Никодим, архимандрит. Православно-русская противосектантская литература : (библиогр. заметки) / Никодим, архимандрит. – Петрозаводск : Губерн. тип., 1909. – 10 с.

Труды Комитета для помощи поморам и научно-промысловой экспедиции (128 назв.) // Описание Мурманского Побережья. – СПб., 1909. – С. 259–269.

Хронологический указатель о карелах (1142–1724 гг.) / П. Кеппен // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 г. – Петрозаводск, 1909. – С. 183–187.

1910

Алексеев В. А. Панфинско-лютеранский поход финляндцев на Православную Карелию / В. А. Алексеев. – СПб. : Гос. Тип., 1910. – 105 с. – Ксерокопия. – Список литературы (76 назв.). – 2–4 с. обл.

Благовещенский С. И. К библиографии Олонецкой губернии: (крит. очерк) / С. И. Благовещенский. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1910. – 29 с.

Кузьмин И. Выгорецкая или Выговская пустынь / И. Кузьмин // Новый энциклопедический словарь. Т. 12. Выгорецкая пустынь – Генеральный атторней / изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., [191-?]. – С. 2–6. – Библиогр.: 10 назв.

Петрашень И. В. Мариинская система, 1810–1910. Ч. 1–3: Ч. 1. Исторический очерк Мариинской системы; Ч. 2. Современное её состояние; Ч. 3. Стоимость содержания, её значение и необходимые работы по улучшению / И. В. Петрашень. – СПб. : Книгопечатня Шмидт, 1910. – 216 с., ил. – Материалы (57 назв.). – С. 215–216.

Полезные ископаемые : список лит. (71 назв.) / сост. П. А. Борисов // Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края / изд. Олонец. губерн. земства. – СПб., 1910. – С. 135–141.

Рубель Н. Н. Медико-топографический очерк юго-западной части Ладожского озера и реки Невы / Н. Н. Рубель. – СПб. : Гор. тип., 1910. – 176 с., карт. – Указатель литературы (64 назв.). – С. 173–176.

1911

Горлов Ф. М. Устав и каталог книг Повенецкой общественно-земской библиотеки / Ф. М. Горлов. – Петрозаводск, 1911. – 198 с.

Каталог передвижной библиотеки // Сборник действующих постановлений (руководящего характера) Олонецкого губернского земского собрания по народному образованию до 1911 года / сост. Т. В. Леонтьев. – Петрозаводск, 1911. – С. 1–20 (5-я паг.).

Каталог районных библиотек-читален: практ. сведения по устройству нар. б-к-читален / Олонец. Губерн. Земство. – Петрозаводск : Олонец. губер. тип., 1911. – 43, XXVII с.

Каталог школьно-народной библиотеки / Олонец. губер. Земство. – Петрозаводск : Олонец. губер. тип., 1911. – 21 с.

Перечень главнейших сочинений, послуживших основанием книги «Финляндия, её прошедшее и настоящее» (83 назв.) // Майков П. М. Финляндия: история и культура, её прошедшее и настоящее. – 2-е доп. изд. – СПб., 1911. – С. 538–541.

1912

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: перечень списков, сост. по печ. описаниям рукоп. собраний / В. Г. Дружинин. – СПб. : Изд. Императ. Археогр. комис., 1912. – XIV, [2], 534 с. – Вкл. монастырские библиотеки и другие книгохранилища Олонецкой губернии.

Материалы по текущей статистике. Вып. 9. Зима-весна 1909/10 г. – лето-осень 1910 г. / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. В. И. Бузина. – Конвюлют. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1912. – IX, 57, 82 с. – Издания Оценочно-Статистического Отдела Олонецкой Губернской Земской Управы (28 назв.). – 2–3 с. обл.

Материалы по текущей статистике. Вып. 10. Зима-весна 1910/11 г. – лето-осень 1911 г. / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. В. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1912. – IX, 61, 124 с. – Издания Оценочно-Статистического Бюро Олонецкой Губернской Земской Управы. – 2–3 с. обл.

1913

Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1913. – № 1. – С. 96–100; № 2/3. – С. 201–207; № 4. – С. 268–272; № 5/6. – С. 76–78; № 7/8. – С. 177–182.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (46 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1913. – № 1. – 3–4 с. обл. То же. – № 2/3; № 4.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (17 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1913. – № 5/6. – 4 с. обл. То же. – № 7/8.

Веберман Э. Промысловые богатства Русского Севера и привлекаемые ими иностранные дельцы: крит.-библиогр. очерк / Э. Веберман. – Петрозаводск : Олонец. губер. тип., 1913. – 21 с.

Епархиальное древлехранилище в Валаамском монастыре: крат. описание. – СПб. : Изданием Валаамского монастыря, 1913. – 50 с. – Книги (16 назв.). – С. 17–18; Рукописи (14 назв.). – С. 18–20.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700–1910 гг. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт) : труды / Д. К. Зеленин. – Изд. корректурное. – СПб. : Тип. А. В. Орлова, 1913. – 14 с. – (Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии; Т. 40; вып. 1). – Из содерж.: Олонецкая губерния. – № 1094–1106, 6714–6917; Корелы. – № 1561–1575.

Каталог Пушкинской общественной библиотеки при Олонецкой Земской Управе. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. – 97 с.

Леонтьев Т. В. Народные чтения: Пособие для лиц, устраивающих нар. чтения / Т. В. Леонтьев; Олонец. Губерн. Земство. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. – II, 120 с. – Литература о народных чтениях и справочные издания (37 назв.). – С. 117–119.

Лесная текущая статистика. Вып. 1. 1912 год / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. В. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. – VII, 92 с. + Прил. – Издания Оценочно-статистического Бюро Олонецкой Губернской Земской управы (36 назв.). – 2–3 с. обл.

Материалы по текущей статистике. Вып. 12. (С 1 ноября 1912 г. по 1 апреля 1913 г.) / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. В. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. – VI, 28, 31 с. – Издания Оценочно-Статистического Отдела Олонецкой Губернской Земской Управы (31 назв.). – 2–3 с. обл.

Материалы по текущей статистике. Вып. 13. Весна 1913 г. / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. В. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. – VII, 43, 46 с. – Издания Оценочно-Статистического Отдела Олонецкой Губернской Земской Управы (34 назв.). – 2–3 с. обл.

Обзор деятельности по внешкольному образованию земств Олонецкой губернии за 1912–13 г. / Олонец. Губерн. Земство. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. – 85, 22 с. – Леонтьев Т. В. Список литературы о воскресных школах.

Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого Епархиального Церковного Древлехранилища / Д. Островский // Олонец. епарх. ведомости. – 1913. – № 3. – С. 43–45. – Рукописи. – С. 44–45.

Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого Епархиального Церковного Древлехранилища / Д. Островский // Олонец. епарх. ведомости. – 1913. – № 5. – С. 81–83. – Старинные книги. – С. 81–82.

Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае / В. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1913. – 688 с.

Срезневский В. И. Дополнение к описанию древлехранилища / В. И. Срезневский // Олонец. епарх. ведомости. – 1913. – № 9. – С. 171–173.

Список повременных изданий, поступивших в библиотеку Общества от их редакций, а также периодических изданий и трудов различных учреждений и обществ // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1913. – № 4. – С. 273–276; № 7/8. – С. 189–191.

Яшков А. И. По Русскому Северу: из впечатлений туриста / А. И. Яшков. – Нижний-Новгород : Типолитогр. Нижегород. Печат. Дело З. А. Остафьевой, 1913. – 64 с. : ил. – (Изд-во Нижегородский Ежегодник Г. И. Сергеева и В. Е. Чешихина). – Литература (19 назв.). – С. 63.

1914

Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1914. – № 1/2. – С. 107–110; № 3. – С. 177–182; № 4. – С. 242–244; № 5. – С. 62–64; № 6/7. – С. 126–128; № 8. – С. 171–175.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (19 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1914. – № 1/2. – 4 с. обл.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (21 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1914. – № 3. – 4 с. обл.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (24 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1914. – № 4. – 4 с. обл.

То же. – № 5.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (41 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1914. – № 6/7. – 2–3 с. обл.

То же. – № 8.

Каталог сельскохозяйственной библиотеки при Олонецкой губернской Земской Управе. Вып. 1. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1914. – 112 с.

Лесная текущая статистика. Вып. 2. 1913 год / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. Вл. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1914. – VI, 110 с. + Прил. – Издания Оценочно-статистического Бюро Олонецкой Губернской земской управы – 2–3 с. обл.

Материалы по текущей статистике. Вып. 14. Лето-осень 1913 г. / Оценоч.-стат. Бюро Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. Вл. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1914. – 38, 132 с. – Издания Оценочно-Статистического Отдела Олонецкой Губернской Земской Управы (36 назв.). – 2–3 с. обл.

1915

Балховитинова М. Месторождения свинцовых руд в Олонецкой и Архангельской губерниях / М. Балховитинова; О-во изучения Олонец. губернии. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1915. – 17 с. – Библиогр. в подстроч. примеч. – В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (43 назв.). – 2–3 с. обл.

Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1915. – № 1. – С. 72–79.

Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Европейскому Северу (502 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1915. – № 2/3. – С. 153–158; № 4. – С. 239–245; № 5/8. – С. 127–128.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (43 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1915. – № 1. – 2–3 с. обл. То же. – № 2/3; № 4.

Лесная текущая статистика. Вып. 3. 1914 год / Оценоч.-стат. Отдел Олонец. Губерн. Земской Управы; сост. Б. А. Потапов; предисл. Вл. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1915. – 63 с. – Издания Оценочно-статистического Бюро Олонецкой Губернской Земской управы (45 назв.). – 2–3 с. обл.

Лоция Белого моря, 1913 года / Глав. Гидрограф. Упр. Морского М-ва. – Пг. : Тип. Морского М-ва, 1915. – 1035 с., карт. – Источники (20 назв.). – С. 11–12.

Материалы по текущей статистике. Вып. 15. Зима 1913/14 г., весна, лето-осень 1914 г. / Оценоч.-стат. Отдел Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. Вл. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1915. – 50, 184 с. – Издания Оценочно-Статистического Отдела Олонецкой Губернской Земской Управы (43 назв.). – 2–3 с. обл.

Фаас В. В. Указатель литературы по лесной торговле и промышленности / В. В. Фаас; М-во земледелия. С.-х. ком. по пересмотру торговых договоров. – Пг. : Тип. «Якорь», 1915. – VIII, 207 с. – ([Изд.] Лесной комиссии; [Вып.]13).

Школьная статистика: очерк о состоянии нар. образования в Олонец. губернии за 1914–15 учебный год. Вып. 3 / Оценоч.-стат. Отдел Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. В. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1915. – II, 67, 101 с. – Издания Оценочно-статистического Бюро Олонецкой Губернской Земской Управы (46 назв.). – 2–3 с. обл.

1916

Аршинов В. В. Аллювиальные руды и возможности их нахождения в России / В. В. Аршинов. – Пг. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1916 – 29 с. – (Материалы для изучения естеств. производит. сил России; Вып. 6). – Литература (73 назв.). – С. 27–29.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (48 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1916. – № 1/2. – 3–4 с. обл.

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (59 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1916. – № 5/8. – 3–4 с. обл.

Красовский М. Курс истории архитектуры. Вып. 1. Деревянное зодчество / М. Красовский. – Пг. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1916. – 402 с. – Библиогр.: с. 407–408 и в подстроч. примеч.

Мурманская железная дорога: краткий очерк постройки ж. д. на Мурман с описанием её района / Упр. по постройке Мурман. ж. д. – Пг. : Т-во А. Ф. Маркс, 1916. – 195 с. : ил., карт. – (К открытию сквозного движения от Петрозаводска до Северного Ледовитого океана). – Указатель источников (116 назв.). – С. 183–195.

Крылов В. И. С. А. Левитский (1869–1915 гг.) : [Некролог] / В. И. Крылов. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1916. – 10 с. – Отд. оттиск из Изв. О-ва изучения Олонец. губернии. – 1916. – № 1/2. – Список печат. трудов С. А. Левитского (79 назв.). – С. 6–10.

Крылов В. И. Николай Феофилактович Лесков (1871–1915) : [Некролог] / В. И. Крылов. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1916. – 6 с. : портр. – Отд. оттиск из Изв. О-ва изучения Олонец. губернии. – 1915. – № 5/8. – Список печат. трудов Н. Ф. Лескова (20 назв.). – С. 6.

Материалы по текущей статистике. Вып. 16. Зима 1914/15 г., весна, лето-осень 1915 г. / Оценоч.-стат. Отдел Олонец. Губерн. Земской Управы; предисл. Вл. Бузина. – Петрозаводск : Сев. скоропечатня Р. Г. Кац, 1916. – 184 с. – Издания Оценочно-Статистического Отдела Олонецкой Губернской Земской Управы (51 назв.). – 2–3 с. обл.

1917

В Правлении Общества изучения Олонецкой губернии в г. Петрозаводске продаются следующие издания (57 назв.) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – 1917. – № 3. – 3–4 с. обл.

Жилинский А. А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана / Алексей Александрович Жилинский; М.П.С. Упр. постройки Мурман. ж. д. – Пг. : Тип. Т-ва А. Ф. Маркс, 1917. – 148 с. – (Экон. изыскания). – Указатель источников (57 назв.). – С. 143–148.

Указатели содержания периодических изданий

Указатель к Олонецким Губернским Ведомостям, 1838–1905 / за 1838–1880 гг. сост. К. М. Петров, за 1895–1900 гг. сост. К. С. Еремеев, под ред. С. А. Левитского, за 1901–1905 гг. сост. С. И. Благовещенский. – Петрозаводск : Губерн. Тип., 1871–1908. – 56, 33, 26, 34, 8, 9, 8, 7, 7, 7, 8, 7, 72, 104 с.

Известия Общества изучения Олонецкой губернии. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1913–1917. – Указатели содержания 7 томов журнала за 1913–1916 гг. приложены в начале каждого тома за эти годы.

Вестник Олонецкого губернского земства. – Петрозаводск : Олонец. губерн. тип., 1907–1918. – Систематические указатели статей, напечатанных в журнале, составленные С. А. Левитским приложены к № 24 каждого годового комплекта «Вестника» за 1907–1914 гг.

*¹**Олонецкие** епархиальные ведомости. – Петрозаводск : Губерн. тип., 1898–1917. – Указатели статей, помещённых в неофициальной части «Олонецких епархиальных ведомостей» приложены к № 4 за 1899, 1900, 1902, 1905 гг.; к № 9 за 1901 г.; к № 2 за 1903 г.; к № 5 за 1904, 1906, 1907 гг.; к № 36 за 1910–1915 гг. Наличие указателей за 1907, 1908, 1909, 1916 и 1917 гг. установить не удалось.

*Дианова Е. В.,
Петрозаводский государственный университет*

Учебная краеведческая литература для школьников Карелии

В краеведческом отделе Национальной библиотеки Республики Карелия собираются различные научные, научно-популярные, учебные издания по родному краю. Первые книги об Олонецкой губернии, которые можно было использовать как учебные пособия для школьных занятий по краеведению, появились ещё в XIX веке. В 1838 г. в Санкт-Петербурге была издана книга «Опыт описания Олонецкой губернии», автором которой был учитель Петрозаводской гимназии К. Ф. Бергштрессер. Эта книжка включает 92 небольших по объёму рассказа и очерка о природе, жизни и деятельности населения Олонецкой губернии, например: Положение и границы; Горы; Воды; Сухопутное сообщение; Климат; Пространство; Леса; Лесные промыслы; Доходы с лесов; Звери и птицы; Грибы и ягоды; Рыбная ловля; Железные руды и чугунные заводы и т. д. К. Ф. Бергштрессер в своей книге представил своего рода подробный тематический план для будущих учебных краеведческих изданий, определил их основные разделы и структуру.

Так, изданная в 1855 г. в Санкт-Петербурге книжка А. Андреева «Записки об Олонецкой губернии» была написана почти по этому образцу. В ней краеведческий материал систематизирован по нескольким разделам: Положение и границы; Устройство поверхности. Минеральные произведения; Воды (реки, озёра); Пути сообщения; Почва, климат и естественные произведения: а) царство растений, б) царство животное; Жители; Промышленность; Сельское хозяйство; Скотоводство; Леса, лесная промышленность; Рыбная ловля; Ремёсла; Заводы; Торговля; Народное образование; Вера. Также, как и К. Ф. Бергштрессер, А. Андреев приводит описание городов и других примечательных мест в Олонецкой губернии. По истории края говорится о посещении края Петром I: «К драгоценнейшим воспоминаниям жителей Олонецкой губернии принадлежит время пребывания наших монархов. Благдеяния Петра Великого, оказанные здешнему краю, живут и будут жить в позднейшем потомстве. Рассказы о Петре, о местах, им посещённых, о пребывании его на Марциальных водах и пути его из Архангельска в Повенец с войском и судами, хранятся между народом, как святыни».¹

Во второй половине XIX века в гимназиях был введён курс «отчизноведения», или «отечествоведения» и «родиноведения». Передовые люди России понимали всю значимость введения таких курсов в школе. А. М. Горький, оценивая значение этих курсов, впоследствии писал: «Отечествоведение – вот наука, которую следует преподавать с первых же классов, если мы хотим быть нацией».²

Одним из инициаторов введения такого курса по изучению родного края был известный педагог Д. Д. Семёнов. Он доказывал большое педагогическое, государственное и научное значение приобщения учащихся к всестороннему познанию своей малой родины. Сам Д. Д. Семёнов был составителем учебного пособия для учащихся «Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и учёным исследованиям». Первый том этого учебного пособия, изданный в Санкт-Петербурге в 1873 г., назывался «Северный край и Финляндия». Раздел «Северный край» составлен из таких рассказов, как: Исторический очерк; Тундра; Северное сияние; Белуга; Зыряне; Самоеды; Лапландцы; Пустозерцы; Олончане; Беломорские женщины; Архангельск; Соловки. Исторический очерк был написан на основе сочинений Н. И. Костомарова «Севернорусские народоправства» и «Очерк торговли Московского государства», в нём подробно представлена история северного края в допетровский период. Говорится и о роли Петра в развитии северного края: «Но если Пётр нанёс вред торговле Северного края, зато он поощрял различными льготами морские промыслы... Основав два горных завода – Петровский, на месте нынешнего Петрозаводска, и Кончезерский, в 45 верстах от него, Пётр положил первое начало горному делу в Северном крае». Исторический очерк снабжён небольшим методическим аппаратом. Например, учащимся даётся указание: «Обратите внимание на слова волок, колония, метрополия, монополия»; предлагаются задания: «Сравните способ владения Северным краем Новгородом и Москвою». После изучения всех тем учащиеся должны были выполнить итоговое задание – «написать сравнение всех народов Северного края: а) по образу жизни; б) по характеру; в) по религии; в) по степени умственного развития».³

¹ Сведения взяты из рукописного указателя И. М. Никольского «Библиография о Карелии» (Петрозаводск, 193?).

² Андреев А. Записки об Олонецкой губернии. СПб., 1855. С. 22–23.

³ Горький А. М. Жизнь Климата Самгина (Сорок лет). Ч. 1. М., 1987. С. 162.

³ Семёнов В. Д. Отечествоведение. Северный край и Финляндия. Т. 1. СПб., 1873. С. 17, 90.

К сожалению, в этом учебном пособии Д. Д. Семёнова было мало краеведческого материала по Олонецкой губернии – всего два очерка «Олончане» и «Водопад Кивач» с известным стихотворением Г. Р. Державина, которые были написаны на основе «Памятных книжек Олонецкой губернии» за 1856 и 1866 годы. Со временем появилась необходимость издания нового учебного пособия по Олонецкому краю.

В 1881 г. в Петрозаводске было издано учебное пособие «Краткое описание Олонецкой губернии. Родиноведение». Его автором был инспектор народных училищ Вытегры К. М. Петров. В 1860–1870-е гг. он работал учителем русского языка и истории в Петрозаводской мужской гимназии, затем – в Мариинской женской гимназии. Пособие «Краткое описание Олонецкой губернии» предназначалось для учеников сельских училищ, которые затруднялись в выборе учебного материала по Олонецкой губернии. Пособием могли пользоваться и учителя для организации бесед с детьми на занятиях по родиноведению, или отчизноведению. Пособие «Краткое описание Олонецкой губернии» К. М. Петрова давало сведения о географическом положении, границах и пространстве губернии, устройстве поверхности (рельефе), реках и озерах, водных и сухопутных путях сообщения, о климате, полезных ископаемых, растительном и животном мире, сельском хозяйстве и промышленности, народонаселении, истории Олонецкой губернии.⁴

В конце XIX – начале XX вв. учителя местных школ для изучения родного края могли рекомендовать учащимся те краеведческие материалы, которые печатались на страницах «Олонецких губернских ведомостей», в журнале «Известия Общества изучения Олонецкой губернии» и др. Некоторые центральные издательства также выпускали краеведческую литературу. Например, большой популярностью пользовалось издание А. Ф. Девриена «Россия. Полное описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей». Изданный в 1900 г. третий том «Озёрная область» содержит богатый материал по Олонецкой губернии с фотографиями и рисунками путешественников. Главная задача школьного краеведения состояла в том, чтобы знакомить учащихся с некоторыми доступными для них методами исследований, воспитывать любовь к родному краю.

В 1920-е гг. преподавание многих предметов строилось на основе изучения природы, экономики и истории родного края. Краеведение служило базой для построения комплексных программ обучения школьников 1921 и 1924 гг. Краеведческий материал был обязателен для всех ступеней школьного образования. Главный Учёный Совет (ГУС) определил основное направление краеведческой работы в школе: «Не памятники старины, не архитектурные стили построек, не фольклор должны составлять стержневую ось школьного краеведения. Такой осью должна быть трудовая деятельность людей и её организация».

В Карелии в это время краеведческий материал использовался в школах в соответствии с программами ГУСа в преподавании различных комплексов. Например, в школах республики прорабатывался комплекс «Наш край», который включал следующие темы: 1. Географический обзор Карелии. 2. Сельское хозяйство Карелии. 3. Животноводство. 4. Растительный мир края. 5. Богатства недр земли. 6. Кустарные и отхожие промыслы. 7. Торговля нашего края и пути сообщения. 8. Население края. 9. Управление Карелии. Учащиеся под руководством учителей совершали краеведческие экскурсии на предприятия, в музеи, на природу.⁵

Одним из основных затруднений в организации краеведческой работы в школах было отсутствие литературы по родному краю. В связи с этим в 1927 г. Наркомпрос АКССР принял решение об издании специального школьного краеведческого пособия – хрестоматии «Карелия». Хрестоматия должна была стать подсобным пособием для учителей школ I ступени и учащихся школ повышенного типа. Объём хрестоматии предполагался быть до 480 страниц печатного текста. Сбор материалов для хрестоматии и подготовку пособия к печати должен был осуществлять Кузьма Павлович Герд. Как постоянный сотрудник Наркомпроса АКССР он был назначен редактором хрестоматии. Кроме того, в это время он был аспирантом угро-финской секции НИИ этнических и национальных культур народов Востока. В подготовке хрестоматии принимал участие также А. М. Линеvский.⁶

Хрестоматия «Карелия» должна была включать три отдела. Первый отдел – Естественный – должен был содержать полное географическое описание края и его естественных богатств. Естественный отдел состоял из следующих разделов: I Географическое описание края: геологическое описание Карелии: а) геологические эпохи; б) полезные ископаемые; в) ледниковая эпоха и ее следы; 3) орографическое описание края: возвышенности, низменности, озёра, болота; II Водоносные системы. Разделения бассейнов: а) бассейн Белого моря; б) бассейн Онежского озера; III Климат: влажность, осадки, господствующие ветры, температура, сроки вскрывания и замерзания почв; IV Почвы; V Растительный мир (лес, луг, болото); VI Животный мир: сухопутные обитатели лесов и лугов; морские млекопитающие и рыбы; озёрные и речные рыбы; птицы; лесные, водяные гады и насекомые.

Во втором отделе – Экономическом – предполагалось поместить сведения о степени эксплуатации местных богатств, возможностях и перспективах развития края. Также планировалось дать информацию о таких отраслях, как землеустройство и землепользование; животноводство; лесная промышленность, горная промышленность; рыболовство; охота, кустарная промышленность, отхожие промыслы, электрификация (Кондострой), торговля, пути сообщения.

⁴ См.: Петров К. М. Краткое описание Олонецкой губернии. Родиноведение. Петрозаводск, 1881.

⁵ Вагин А. А. Методика обучения истории в школе. М., 1972. С. 294; Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск, 2003. С. 222–223.

⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 630. Оп. 1. Д. 41/352. Л. 17–18.

Третий отдел – Гуманитарный – включал исторический обзор, этнографию, социально-политическое развитие края. Исторический обзор предполагал изложение материала по следующим темам:

1. История карельских селений и процессы миграции в пределах Карельской АССР.
2. Современное расселение карел в СССР.
3. История карельского народа:
 - а) с начала исторической эпохи до XIII;
 - б) славянская колонизация XIV–XVI вв.;
 - в) период борьбы Москвы со шведами XVII–XVIII вв.;
 - г) период русификации (от Петра I до Октябрьской революции);
 - д) современная Карельская АССР.
4. Население края:
 - а) селения и жилища;
 - б) описание усадьбы;
 - в) пища;
 - г) одежда и украшения.
5. Украшения:
 - а) украшения девушек, молодых женщин и старух;
 - б) украшения молодого парня и пожилых мужчин прежде и теперь.
6. Язык: положение карельского языка в семье финно-угорских народов; особенности карельского языка.
7. Народное образование:
 - а) история проникновения грамоты в карельский народ;
 - б) выдающиеся культурно-общественные деятели местного края.
8. Народная медицина:
 - а) лечение в народе;
 - б) лечение животных;
 - в) лекарственные травы Карелии и их свойства.
9. Остатки карельской веры.
 - Колдовство:
 - а) как создаются колдуны;
 - б) орудия их могущества (глаз, шкура змеи, особые травы);
 - в) что может сделать колдун;
 - г) противодействия от колдунов.
 - Духи (домовые, скотники, банники, оборотни, огненные змеи).
 - Злые силы (леший, водяной и т. д.).
10. Народные праздники, обряды, обычаи и пр.
11. Народное творчество:
 - а) эпос «Калевала»;
 - б) сказки и предания;
 - в) современные рассказы о нашей жизни;
 - г) лирика;
 - д) народная мудрость (поговорки, пословицы).
12. Брак и семейная жизнь:
 - а) полный чин свадьбы;
 - б) права членов семьи в семейной жизни.
13. Общественная жизнь: права общества по отношению к своим членам и наоборот.
14. Классовое расслоение.
15. Общественные организации:
 - а) в царское время;
 - б) деятельность политических ссыльных;
 - в) общественные организации после Октябрьской революции.
16. Партия, ВЛКСМ и пионерское движение.
17. Дореволюционная администрация и современная система управления.
18. Приложения:
 - а) краеведение в карельской школе и его задачи;
 - б) этнографическая карта Карелии.

Уже в 1927 г. К. П. Герд стал вести работу по сбору материалов для хрестоматии «Карелия». Так, С. А. Макарьев предоставил статью «Вепсы», а также 36 рисунков, 27 фотографий, 16 таблиц. Профессор ЛГУ Н. Н. Проппе написал статью «О карельском языке».

Также в подготовке материалов для хрестоматии согласились принять участие такие учёные и краеведы, как А. Я. Брюсов («Неолитическая эпоха в Карелии»), Ю. М. Соколов («Русский фольклор в Карелии»), А. М. Линевский («Праздники и верования карел»), В. И. Крылов «Заметки по истории краеведения» и др. Нарком просвещения Карелии Н. Гаппов должен был предоставить статьи «Народное образование в Карелии»

и «Выдающиеся деятели просвещения».⁷ Однако сбор материалов затянулся. Хрестоматия в том виде, в котором она задумывалась, так и не была издана.

В 1929 г. в Петрозаводске была издана «Справочная книжка Автономной Карельской советской социалистической республики». Наркомпросом АКССР она была представлена как 1-я часть краеведческой хрестоматии «Карельский край», её составителем был И. М. Никольский.

В изданной в 1931 г. брошюре «Краеведение Карелии на новом этапе» было помещено объявление о том, что подготавливаются к печати книги С. А. Макарьева «История Карелии (план, программа, библиография для обществоведов)» и «Учебник по краеведению в Карелии». Однако эти издания так и не вышли в свет. В списке рекомендованной литературы в книге С. А. Макарьева «По Советской Карелии», вышедшей в 1935 г., они не упоминаются.

Новый этап в издании краеведческой литературы начался в 1960-е гг. В январе 1961 г. вышло постановление Министерства просвещения РСФСР «Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школ», в нём, в частности, говорилось о необходимости печатать пособия по истории родного края для учащихся средней школы. В Карелии в 1966 г. был издан учебник «История нашего края» (авторы: А. И. Афанасьева, К. А. Морозов, Е. М. Эпштейн). Впоследствии этот учебник выдержал несколько повторных изданий, стал настольной книгой по истории родного края для многих поколений школьников Карелии. Учебный материал в данном пособии разбит на разделы и главы, соответствующие каждому классу с 7-го по 10-й. Так, для 7 класса выделены такие главы, как «Наш край в древности», «Наш край в период возникновения и развития феодализма», «Карелия в начальный период разложения феодализма в России»; для 8-го класса – главы «Карелия в период разложения и кризиса феодальной системы в России» и «Карелия в эпоху капитализма»; для 9-го класса – главы «Карелия в период буржуазно-демократических революций в России» и «Карелия в период Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в СССР»; для 10-го класса – главы «Карелия в период дальнейшего развития социалистического общества, полной и окончательной победы социализма в СССР (1938–1958 гг.)» и «Карелия в период коммунистического строительства в СССР». Учебное пособие «История нашего края» было снабжено приложением «Основные даты по истории нашего края», рекомендательным списком литературы «Что читать по истории нашего края?», причём каждая указанная в списке книга имела небольшую аннотацию, краткую справку о содержании книги.

В 1967 г. вышло первое издание книги для чтения по краеведению – «Младшим школьникам о Карелии» (авторы: А. Г. Блюдник, Р. И. Котова, Г. П. Огиенко). Она содержала разнообразный материал по природе, истории, народному хозяйству и культуре Карелии. Учащиеся на уроках и дома знакомились с такими разделами книги, как: «Поверхность и полезные ископаемые», «Воды Карелии», «Времена года», «Почвы и растительность», «Животный мир Карелии», «Занятия населения», «Пути сообщения», «Из прошлого нашего края», «Советская Карелия», «Советские люди строят социализм», «Великая Отечественная война», «Советские люди строят коммунизм». Таким образом, учащиеся уже в начальной школе получали полное представление и о природе, и об истории и современном положении своей малой Родины, Карелии. Также в этой книге имеется приложение по краеведческой работе в школе: памятка «Изучай свой край», примерный план школьного краеведческого музея или уголка, шарады, кроссворды по краеведению.

В 1969 г. вышло в свет первое издание учебного пособия «География Карельской АССР» (второе – в 1976 г.) под редакцией доктора педагогических наук, автора монографии «Педагогические основы школьного краеведения» П. В. Иванова. Он же написал и введение. Авторами этого учебного пособия также были Р. Е. Абрикина, Е. В. Андрианова, Н. И. Бабушкин, К. Г. Лаврова, Л. И. Лешакова, Е. М. Перевозчикова, Г. У. Разгуляев, З. Ф. Ракушева. Первое и второе издания учебника «География Карельской АССР» вышли под общей редакцией кандидатов географических наук В. Н. Шульгина и А. С. Донде. Пособие состоит из глав: Строение земной коры. Полезные ископаемые (во втором издании – Геологическое строение и полезные ископаемые); Климат; Воды; Почвы; Территория и географическое положение; Рельеф; Животный мир; Растительность; Охрана природы; Население; Народное хозяйство. Учебное пособие «География Карельской АССР» иллюстрировано рисунками, фотографиями, картами и картосхемами. В каждую главу включены задания по работе с картой, составить таблицу. Учебное пособие содержит рубрику «Что читать о природе и народном хозяйстве Карелии» и приложения.

В 1972 г. в помощь школьникам, изучающим родной край, была издана хрестоматия по литературе «Моя Карелия» (составитель З. М. Упорова). Хрестоматия состоит из пяти частей. Каждая часть соответствует определённому периоду истории. Например, в первой части представлены отрывки из литературных произведений, относящихся к дореволюционной истории, таких, как «Листы каменной книги» А. М. Линевского, «Судьба Шарля Лонсевиля» К. Г. Паустовского и др. Вторая часть посвящена революции и гражданской войне, третья – социалистическому строительству 1920–1930-х гг., четвёртая – Великой Отечественной войне, пятая – мирной жизни советских людей, их созидательному труду, охране природы и памятников истории. В хрестоматии представлены отрывки из произведений как известных русских и советских писателей (М. В. Ломоносов, М. М. Пришвин, М. Горький и др.), так и карельских писателей и поэтов (Д. Гусаров, Н. Лайне, Н. Яркола, Я. Виртанен, В. Морозов и др.). Хрестоматия снабжена краткими биографическими справками.

⁷ Там же. Л. 1–18.

Среди учебных пособий, изданных в 1970-е гг., необходимо отметить сборники исторических документов. В 1972 и 1976 гг. в Карелии было издано учебное пособие для средних школ – хрестоматия в двух частях «История Карелии в документах и материалах» (под редакцией Я. А. Балагурова и Н. Ф. Славина), первая часть была посвящена дореволюционному, вторая – советскому периоду. В предисловии к первой части пособия говорилось: «Непосредственное ознакомление с подлинными документами даёт возможность школьникам в наиболее яркой и конкретной форме ощутить прошлое, так сказать, ощутить аромат истории. При этом наиболее сильное воздействие на учащихся производят те документы, которые так или иначе повествуют об истории их родного села, города или края. Такого рода документы и другие материалы служат в руках учителя истории важным средством воспитания молодёжи в духе патриотизма и уважения к трудовым, боевым и революционным традициям старших поколений».⁸

В 1980-е гг. в соответствии с новыми требованиями к преподаванию истории в школе было переиздано учебное пособие по истории Карелии: в 1984 г. – «История нашего края с древнейших времен до конца XIX века» и в 1987 г. – «История нашего края с начала XX века до построения социализма в СССР» (авторы: А. И. Афанасьева, К. А. Морозов, Е. М. Эпштейн). Данное учебное пособие было составлено в соответствии с новыми программами по истории для средней школы и предназначалось для учащихся общеобразовательных школ Карельской АССР. По программе преподавания истории в школе этот краеведческий материал изучался в 9 классе на базе общего курса истории СССР и в неразрывной связи с ним. При изучении истории нашего края авторы рекомендовали привлекать документы из хрестоматии «История Карелии в документах и материалах».

В конце 1980-х гг. были подготовлены для печати новые краеведческие пособия для учащихся начальной школы. В 1988 г. была издана книга «Младшим школьникам о природе Карелии» (авторы Т. А. Бабакова и А. П. Момотова). Учебное пособие имеет традиционную структуру: Географическое положение. Климат Карелии; Воды Карелии; Почвы; Полезные ископаемые; Растительность Карелии; Животный мир Карелии. Помимо этих разделов появились новые: «Удивительные существа», «Животные в неволе», «Мир увлечений». Детям предлагаются вопросы, загадки в разделе «Знаешь ли ты природу?»

В 1990 г. в издательстве «Карелия» вышла книга «Край, в котором ты живёшь». Её автор – заслуженный учитель КАССР – Л. И. Шитикова. Это учебное пособие для младших школьников содержит рассказы по дореволюционной Карелии. Оно состоит из 4 глав. Глава 1. «Давным давно» рассказывает о том, как жили наши далёкие предки, какие открытия сделали современные учёные и археологи и т. д. Глава 2. «Так рождалась дружба» – о некоторых событиях из истории Карелии XVII–XIX вв.: об обороне крепости Корела, о строительстве «осударевой дороги», об основании Петрозаводска и курорта Марциальные воды, о строительстве Александровского завода. Глава 3. «Край, полный старины» знакомит школьников с культурой Карелии. Глава 4. «Заре навстречу» – о революционных событиях в Карелии в начале XX века.

В 1990 г. вышло третье издание учебника «География Карельской АССР». Перестройка оказала влияние на данное пособие. Так, во введении (автор Е. В. Андрианова) говорится о планах развития в тот период: «В 80-е годы республика вместе со всей страной вступила на путь интенсивного развития, который предполагает ускорение всех сторон нашей жизни. С этой целью разработана региональная комплексная программа «Интенсификация – 90».⁹

Авторами данного пособия были: Е. В. Андрианова (глава «Географическое положение»); К. Г. Лаврова, Г. И. Саричева, А. К. Полин (раздел «Природные условия и ресурсы»); А. К. Полин, Е. В. Андрианова (разделы «Население и трудовые ресурсы», «Народное хозяйство», «Внутренние различия», «Города»). Общая редакция осуществлена кандидатом геолого-минералогических наук А. К. Полиным. Учебное пособие состоит из двух частей «Физическая география» и «Экономическая география», включает в себя приложения и список книг для чтения.

В связи с радикальными изменениями в самом содержании исторического образования возникла потребность в новых документальных материалах и исторических источниках, которые бы объективно отражали все стороны жизни края. В 1992 г. вышло учебное пособие «История Карелии в документах и материалах. Советский период», а в 2000 г. было издано новое учебное пособие для средней школы – «История Карелии в документах и материалах (с древнейших времён до начала XX века)» под редакцией А. И. Афанасьевой. Данное учебное пособие представляет подборки материалов по тематическому и хронологическому принципу. Сборник предназначен для учителей истории. В сборнике содержатся документы, которые могут быть использованы учителем при подготовке к урокам и для работы учащихся на уроках, для домашних заданий и внеклассной работы.

В 1999 г. для общеобразовательных школ и учреждений начального и среднего профессионального образования было издано информационно-справочное пособие «Республика Карелия» (под общей редакцией Е. Г. Емковича и А. С. Кармазина). В основу данного пособия были положены аналитические материалы «Карелия в 1991–1998 гг.», подготовленные учёными Института экономики КНЦ РАН, Петрозаводского государственного университета, сотрудниками Госкомстата РК, а также Концепция социально-экономического развития республики на период 1999–2002–2010 гг.

⁸ История Карелии в документах и материалах : Хрестоматия. Ч. 1. Петрозаводск, 1972. С. 3.

⁹ География Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 4.

Это пособие состоит из 9 глав, в том числе таких, как «Республика Карелия – субъект Российской Федерации», «Институциональные преобразования», «Интеграция Республики Карелия в международное сообщество», «Самоуправляющиеся территории (районы)» и др. Также в пособии имеются методические рекомендации, список литературы и документов, приложение. В приложении опубликован перечень партий, организаций и объединений РК на 01.06.1999 г. Для активизации познавательной деятельности учащихся, закрепления их умений и навыков в 1998 г. была издана «Рабочая тетрадь по географии» (авторы И. В. Копотева, Н. А. Мокеева).

С введением регионального компонента в программы средних школ в различных субъектах Российской Федерации стали выходить новые учебники по истории родного края, написанные как на основе традиционного подхода предоставления учащимся определённой суммы знаний, так и на основе принципов развивающего обучения. Так, в Карелии в 2003 г. в честь 300-летнего юбилея Петрозаводска вышел из печати учебник «История Петрозаводска» (авторы С. Н. Филимончик и М. Л. Гольденберг).

Учебное пособие «История Петрозаводска» посвящено полностью истории одного города и предназначено для учащихся 7–9 классов средней школы. Данное пособие излагает предметное содержание целого учебного курса, обеспечивая большой объём материала на каждый урок и последовательность его изложения. Пособие может быть использовано не только как основа построения отдельных уроков по курсу «История Петрозаводска», но и как вспомогательный краеведческий материал на уроках по истории Отечества или по истории Карелии.

Основное содержание учебника распределено по разделам: I. Слобода Петровского завода; II. Петрозаводск в 1770–1860 гг.; III. Петрозаводск в 1861 – начале 1917 гг.; IV. Петрозаводск в 1917–1991 гг. Каждый раздел разбит на главы, в которых материал излагается по тематическому и хронологическому принципу. Главы представлены отдельными параграфами по основным проблемам: городская экономика, население города, социальные отношения, общество и власть, образование, здравоохранение, культура города, повседневная жизнь горожан.

Ко всем разделам пособия под рубрикой «О чём говорят документы» напечатаны разнообразные документальные источники: выдержки из походных журналов Петра I, указы Екатерины II, отрывки из писем ссыльного декабриста Ф. Глинки и др. В тексте учебника можно встретить биографические справки о выдающихся исторических деятелях, и наиболее известных жителях Петрозаводска, таких, как Г. Р. Державин, Фаддей Блаженный, Э. А. Гюллинг и др.

Большой интерес у школьников вызывает работа над заданиями из рубрик «Как ты объяснишь?», «Подумай и обсуди». Данное пособие предоставляет широкие возможности для проведения различных конкурсов и викторин, поскольку в каждом параграфе встречаются короткие исторические справки с пометкой «Впервые». Например, «Впервые в январе 1704 года на Петровском заводе отлита пушка», «В 1785 году впервые открылись городская больница и аптека», «21 января 1916 года в Петрозаводск впервые прибыл поезд», «В 1961 году появился первый троллейбус» и т. д.

Учебник по истории Петрозаводска богат иллюстрирован. Здесь мы найдём и репродукции картин известных мастеров, старинные и современные фотографии, рисунки, портреты исторических деятелей. Пособие содержит материал по условно-графической наглядности – карты, картосхемы, планы города. В учебнике имеется приложение под названием «Мастерская юного городоведа». В этом приложении помещены различные памятки для работы с городскими газетами, как источником изучения истории Петрозаводска, в том числе: «Как написать рецензию на статью или заметку, имеющих историческую значимость?», «Как составить краткую аннотацию на газетную статью?», «Как систематизировать статьи в указатели и каталоги?»; также дана памятка для работы с фотографией, как историческим источником. Учащимся предлагаются различные планы для работы по характеристике городской улицы, площади, проспекта, по описанию историко-архитектурного памятника, подготовке и написанию реферата по теме «Моя семья в истории Петрозаводска». В приложении приводится более 100 тем рефератов для учащихся по истории Петрозаводска. Под заголовком «Твоя книжная полка» предлагается рекомендательный список дополнительной литературы, куда входят документы, учебные пособия, исследования, библиографические указатели, фотоальбомы. Также помещена информация «История Петрозаводска в Интернете».

В 2005 г. было издано учебно-методическое пособие «Страницы истории Петрозаводска» (авторы В. В. Волохова, Е. В. Дианова, С. Н. Филимончик), которое содержит методические рекомендации и разработки целого ряда уроков. Это пособие вместе с учебником «История Петрозаводска» составляет основу одного из учебно-методических комплексов по краеведению Карелии.

В 2003 г. было издано пробное учебное пособие «Культура Карелии» (автор В. М. Пивоев). Эта учебная книга рассказывает о характерных особенностях культуры нашего края, истоках духовной культуры, обычаях, обрядах народов республики, основных формах культуры (устное народное творчество, литература, зодчество, живопись, музыкальное искусство, театр).

В 2004 г. было издано новое учебное пособие по краеведению – практикум для самостоятельной работы учащихся общеобразовательных учреждений Республики Карелия «Край, в котором мы живём» (авторы Т. И. Агаркова и А. А. Кожанов). Он предназначен для выполнения заданий по курсу истории Карелии с древности до XX века включительно.

В 2005 г. вышло пробное учебное пособие по истории родного края для общеобразовательных учреждений Республики Карелия «Карелия в прошлом и настоящем: Страницы истории» (авторы М. И. Шумилов, А. Ю.

Жуков, Н. А. Кораблёв, В. Г. Макуров, М. А. Мишенев). Данное пособие проходило апробацию в 17 школах Карелии. Учителя вели специальные дневники, куда заносили необходимые замечания и вопросы, возникавшие в ходе работы с учащимися по этой книге. На основе этого пособия будет издан новый учебник по истории родного края для профильных гуманитарных классов.

В настоящее время разрабатываются новые учебные пособия по краеведению для интегративных курсов «Моя Карелия» в 5–9 классах. Для их подготовки привлечены известные краеведы, учителя, учёные и вузовские преподаватели. Идет плодотворный поиск новых форм и способов подачи учебного материала для учащихся разных классов.

Подводя итог, можно сказать, что в Республике Карелия на протяжении ряда лет сложилась база учебных пособий по историческому краеведению, которые рассматривают историю всего края и города Петрозаводска. В то же время еще предстоит работа по созданию учебно-методических рекомендаций или каких-либо пособий по истории отдельных городов и районов республики. Для школьников учебные пособия по родному краю являются зачастую главными источниками историко-краеведческих знаний.

Важной составной частью средств обучения по истории нашего края являются учебники и учебные пособия. Учебник объединяет другие текстовые средства обучения: книги для чтения, хрестоматии, наглядность.

*Евстюхина В. А.,
Центральная городская библиотека им. Д. Я. Гусарова*

Гусаровские чтения в МУ «ЦБС» г. Петрозаводска: опыт краеведческой и исследовательской деятельности

В 2000 году Центральной городской библиотеке было присвоено имя народного писателя Карелии Дмитрия Яковлевича Гусарова. Идея присвоения имени Д. Я. Гусарова принадлежала фотохудожнику Владимиру Дмитриевичу Петухову. Его предложение нашло горячий отклик среди ветеранов, работников культуры, читателей. И с этого времени ежегодно в конце апреля в муниципальных библиотеках города Петрозаводска проходят Гусаровские чтения.

Цель проведения чтений – сохранить и донести до читателя творчество писателя, участника Великой Отечественной войны, нашего земляка.

Д. Я. Гусаров – лауреат Государственной премии Карелии, многие годы был главным редактором журнала «Север», автор книг о войне: «Боевой призыв», «За чертой милосердия», «Партизанская музыка», «Пропавший отряд». Он по праву является гордостью карельской литературы, книги его востребованы, по ним молодое поколение изучает историю Карелии в годы военного лихолетья, узнаёт правду о том времени, и в этом, на мой взгляд, их ценность. Именно в произведениях этого писателя можно найти примеры мужества, верности, равнодушия ко всему происходящему.

Прошло уже семь Гусаровских чтений. Активное участие в их подготовке и проведении принимают дочери писателя – Анна Дмитриевна и Наталья Дмитриевна, друзья, однополчане и все те, кому небезразлично творчество Дмитрия Яковлевича. Много тёплых слов и сердечных воспоминаний о Дмитрии Яковлевиче звучат на этих чтениях.

При подготовке первой большой экспозиции, отразившей жизненный путь и творчество писателя, мы использовали материалы не только из архива семьи Гусарова, но и документы из Национального архива Республики Карелия, из Архива общественно-политических движений и формирований, уникальные находки, обнаруженные поисковиками клуба «Север» средней школы № 3 г. Петрозаводска.

Сохранить и донести до читателя память о событиях военного прошлого, научить его оценивать и размышлять помогают встречи с ветеранами, участниками Великой Отечественной войны, обсуждения книг Гусарова, которые ежегодно проходят в рамках Чтений в муниципальных библиотеках города.

Чтобы жители города знали о проведении Гусаровских чтений, мы размещаем информацию на сайтах «Администрация Петрозаводска», «Панорама культуры» Петрозаводска, на сайте МУ «ЦБС», в средствах массовой информации (газеты «Карелия», «Курьер Карелии», «Петрозаводск», «Молодёжная газета», «ТВР-Панорама», телекомпании ГТРК «Карелия», ТНТ-Петронет, Ника-Плюс).

В 2003 году в Центральной городской библиотеке состоялись очередные Гусаровские чтения по теме «Эту память не переступить» (Д. Я. Гусаров и журнал «Север»). В числе приглашённых были сотрудники этого журнала. Дмитрий Яковлевич тридцать шесть лет являлся главным редактором журнала «Север». Гости поделились воспоминаниями о совместной работе с писателем, о традициях, о современном положении журнала.

В ходе подготовки мероприятия был собран большой материал. Он включал в себя фрагменты периодических изданий, фотографии, сценарии мероприятий, военные реликвии читателей библиотеки. Сотрудничество с редакцией журнала оказалось интересным, и мы надеемся на его продолжение.

Когда республика отмечала шестидесятилетие освобождения Петрозаводска и Карелии от фашистских захватчиков, по просьбе читателей Гусаровские чтения были посвящены этой дате. На встречу были приглашены ветераны Великой Отечественной войны – читатели библиотеки. Своими воспоминаниями поделилась Михайлова Александра Егоровна – разведчица, которая за героизм и мужество была награждена одиннадцатью правительственными наградами. О своём военном детстве рассказала бывшая малолетняя узница концлагеря, находившегося на территории Петрозаводска, Банкет Людмила Александровна. Председатель Карельского отделения Российского фонда мира Власов Юрий Петрович представил свою книгу «Писатель – патриот» (о встречах с Дмитрием Гусаровым). Председатель Совета ветеранов внутренних войск и внутренних дел РК Барсуков Василий Егорович рассказал о своих однополчанах, освобождавших Орзегу. А Семёнов Александр Анатольевич – инспектор Управления кадров МВД по РК, исполнил песни военных лет.

Особенно приятно, что на Чтениях наши молодые читатели – это учащиеся школ и колледжей Полисистемного округа «Октябрьский» – принимают активное участие в подготовке и проведении Гусаровских чтений. В частности, учащиеся Университетского лицея, участники Республиканской конференции юных исследователей истории «Во славу Отечества» Соловьёва Наталья и Никитина Юлия выступили со своими докладами «Партизанское движение в Карелии» и «Город Петрозаводск в годы Великой Отечественной войны».

В последние годы Чтения стали проходить в течение нескольких дней и не только в библиотеке. Для читателей были проведены интересные экскурсии в Музей Карельского фронта, Краеведческий музей, организованы концерты Хора ветеранов Великой Отечественной войны Дома офицеров.

Гусаровские чтения – это уникальная возможность для молодёжи пообщаться с ветеранами, это средство формирования гражданской зрелости, любви к своему краю.

В 2006 году VI Гусаровские чтения прошли как литературная конференция по творчеству Дмитрия Яковлевича. В рамках Конференции был организован конкурс исследовательских работ, на который были представлены творческие работы учащихся школ № 6 и № 29, лицея № 40, Университетского лицея и Машиностроительного колледжа. Членами жюри были преподаватели-филологи ВУЗов города – Минеева Инна Николаевна, Захарченко Светлана Олеговна, методист Центра развития образования Николаевская Галина Евгеньевна. Сочинения, написанные молодыми читателями, – дань памяти и уважения писателю, который прошёл всю войну и в любых ситуациях оставался «человеком долга».

Победителем конкурса стал учащийся школы № 29 Алексей Баранов с темой «Смысл названия романа Д. Я. Гусарова “За чертой милосердия”». Алексей не только провёл большую исследовательскую работу, но и попытался поразмышлять над значимостью этой книги. Он пишет: «По-моему, в наше жестокое и непростое время это произведение является очень актуальным, потому что часто, в погоне за прибылью, властью и популярностью мы забываем о таких важных понятиях, как нравственность, милосердие и доброта».

А Юрий Аккерман, студент Машиностроительного колледжа, получивший «приз читательских симпатий», написал: «Я бы с гордостью назвал Дмитрия Яковлевича Гусарова – Великим писателем-документалистом неслыханного, поистине свободного и мужественного народа Карелии!»

Одной из лучших была признана работа Марии Кобылиной из Университетского лицея: «Уроки нравственности в романе Гусарова “Партизанская музыка”». Мария пишет, что «Д. Гусаров нашёл средства наиболее глубокого раскрытия духовного мира людей, смог показать войну с нравственной стороны... Ему важны ценностные ориентиры героев, их понятия о добре и зле, о справедливости и подлости. Для автора, побывавшего за чертой милосердия, на первый план выходит “партизанская музыка” светлых и чистых чувств, которые объединяли людей в их подвижническом служении Отчизне».

Поэтесса, литератор Светлана Захарченко, сказала после подведения итогов: «Узнавать жизнь и творчество таких людей, как Дмитрий Гусаров, примерять его мысли к своим – значит расти. Это трудно, но важно. Ребята, которые стали участниками Гусаровских чтений, сделали шаг в этом направлении. Я им желаю, чтоб их черта милосердия проходила по меркам требования в первую очередь к себе».

В этом году VII Гусаровские чтения мы провели в форме читательской конференции по теме «Урок нравственности: Роман Д. Я. Гусарова “За чертой милосердия”». Мы считаем, что эта форма работы с книгой незаслуженно забыта библиотеками. Конечно, она требует не только большой организационной подготовки, но и подготовки самих читателей.

В романе «За чертой милосердия» был увековечен подвиг первой партизанской бригады под командованием майора Ивана Антоновича Григорьева. Этот роман, снискавший огромную популярность, стал печатным памятником павшим и мужеству выживших партизан.

Своим мнением о книге пришли поделиться Ветераны Великой Отечественной войны, люди, близко знавшие Дмитрия Яковлевича:

Комиссаров Иван Александрович, ветеран Великой Отечественной войны, разведчик, участник летнего похода 1-й партизанской бригады И. А. Григорьева, комиссар отряда «Боевые друзья». Награждён двумя Орденами Красной Звезды, Орденом Отечественной войны I степени, Медалью «Партизан Отечественной войны I степени» и другими боевыми наградами.

Гордиенко Анатолий Алексеевич – известный в Карелии журналист, писатель, лауреат Государственной премии Республики Карелия. Его размышления о походе 1942 года вошли в сборник «Партизанская война в Карелии», изданный Военно-историческим обществом в 2005 году в петрозаводском издательстве «РИФ». Заслуженный работник культуры Карелии.

Кузьмина Полина Михайловна – бывший научный сотрудник Партийного архива, «партизанская мама» – так называл её Дмитрий Гусаров. Занималась документами по военной теме, в том числе партизанским движением. Первый организатор Слётов партизан, воевавших в Карелии. Собрала сведения, документы, материалы на 3000 партизан.

Были приглашены также:

Канаева Валентина Ивановна – не смогла приехать. Участник похода. Военный фельдшер. Почётный гражданин города Подпорожья. Валентина Ивановна была прототипом Вали Коневой, героини первого романа Дмитрия Яковлевича «Боевой призыв». За годы войны она получила три ранения. В 1942 году после похода награждение участников прошло в г. Сегеже. Сам Юрий Владимирович Андропов вручил Валентине Ивановне Орден Боевого Красного Знамени, единственной среди женщин-участниц похода. Много раз она встречалась с Гусаровым.

Симонян Сергей Михайлович (Суккозеро) – именно он создал первый в послевоенной Карелии юношеский отряд, который стал профессиональным поисковиком, изучающим войну не по картам, а на местности. Член Военно-исторического общества, недавно созданного в Карелии. О нём рассказала Ильина Вера Ивановна, известный в городе краевед, бывший научный сотрудник Краеведческого музея.

О писательской судьбе Дмитрия Гусарова была подготовлена и показана презентация библиографом Информационно-библиографического отдела ЦГБ Семёновой Еленой Фёдоровной.

На конференции участникам была предоставлена возможность услышать живой голос Д. Я. Гусарова. Дмитрий Яковлевич выступал на одной из читательских конференций по книге «За чертой милосердия» в 1978 году. Эту запись нам предоставил А. И. Валентик.

Читатели библиотеки, участники Великой Отечественной войны, члены литературных клубов «Душегрейка», «Библиосинтон», учащиеся школ № 6, 29, 35, Университетского лицея, студенты Машиностроительного колледжа, – никто не остался равнодушным, слушая взволнованный рассказ Ивана Александровича Комиссарова, участника того легендарного похода. Партизаны, обессиленные голодом и усталостью, находившиеся в кольце карателей, в сотнях километров от своих, сохранили в душе человеческое тепло, трогательно заботились о слабых, жили и действовали по совести.

Суров и не случаен заголовок романа. Кто определит границы нравственного поведения на войне, когда встаёт дилемма – как быть, что делать с десятками тяжелораненых, если нужно прорываться из окружения, чтобы не погибла вся бригада? Кто определит, где кончаются границы воздействия приказа и вступает в силу даже перед лицом смерти закон человеческой совести? Над этими вопросами размышляли участники литературной конференции.

Молодёжь часто упрекают в том, что они не читают книг о войне. Но выступление учащихся школы № 29 доказало обратное. Они показали презентацию «Минувших лет святая память», высказали своё отношение к книгам о войне, порекомендовали их читать своим сверстникам. Молодёжь размышляет об истории своей страны, о славе и трагедии своего народа, значимости конкретной человеческой жизни, о чести и достоинстве, о патриотизме и гражданском долге.

Семёнов Александр Анатольевич – капитан милиции, инспектор Управления кадров МВД по Республике Карелия, постоянный активный участник «Гусаровских чтений» исполнил песню «Офицерская честь».

Узнавать жизнь и творчество таких людей, как Дмитрий Гусаров, примерять его мысли к своим – значит расти. Это трудно, но важно. Молодые читатели, которые стали участниками Гусаровских чтений, сделали шаг в этом направлении. И пусть черта милосердия каждого проходит по меркам предельного требования в первую очередь к самим себе.

Книга Д. Я. Гусарова учит честности, верности, мужеству и порядочности, ведь всеми этими качествами в полной мере обладал сам писатель и хотел их видеть в молодых. Такие люди, как Дмитрий Гусаров не умирают. Они уходят в бессмертие.

В заключение конференции всем гостям и участникам была подарена книга Юрия Петровича Власова «Писатель-патриот» и буклет Центральной городской библиотеки имени Д. Я. Гусарова о VII Гусаровских чтениях.

В следующем году наша библиотека в рамках Гусаровских чтений планирует провести творческую встречу с Паданской библиотекой, которая тоже носит имя Д. Я. Гусарова, поделиться опытом проведения Чтений, опытом поисковой, исследовательской деятельности.

Сейчас ведётся работа по оформлению постоянно действующей экспозиции, посвящённой жизни и творчеству Д. Я. Гусарова. Собран большой материал: фрагменты периодических изданий, неопубликованные документы, фотографии, аудио-видео записи, материалы из Интернета. В перспективе надеемся открыть музей писателя в нашей библиотеке, издать сборник материалов, диск. Участники Гусаровских чтений неоднократно высказывались о том, что обязательно в Карелии должно быть издано полное собрание сочинений писателя, в которое вошли бы и ранее неопубликованные произведения.

Участники литературной конференции отметили, что проведение подобных мероприятий привлекает молодого читателя к произведениям не только Гусарова, но и к творчеству карельских писателей. Такие мероприятия активизируют научно-исследовательскую работу в области краеведения и литературы.

В заключении хотелось бы отметить, что проведение Гусаровских чтений способствует сохранению и приумножению историко-культурного наследия. Сотрудникам нашей библиотеки необходимо и впредь

находить наиболее эффективные подходы к проведению таких чтений, с внедрением инновационных форм, творческого подхода, которые бы находили отклик особенно среди молодых читателей.

А вас, уважаемые коллеги, мы будем рады видеть в апреле 2008 года на наших, теперь уже VIII Гусаровских чтениях!

*Некрасова Н. В.,
МУ «ЦБС» г. Петрозаводска*

Муниципальные библиотеки в контексте истории города Петрозаводска

Известный исторический политик, философ и социолог библиотечного дела Петер Карштедт рассматривает библиотеки «как своего рода резервуар, в котором сохраняется и постоянно воспроизводится специфический общественный дух, характерный для данного социального образования». Действительно, ни одно учреждение не связано так с историей своей страны, как библиотека. Общество и государство отводят библиотекам важную роль в становлении граждан своей страны, решению серьёзных социальных задач.

Большая часть муниципальных библиотек Петрозаводска открылись в военные и послевоенные годы.

Центральная городская библиотека г. Петрозаводска была открыта 24 июля 1944 года, спустя месяц после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Город ещё лежал в руинах, были взорваны городские мосты и электростанция, не работали предприятия, однако одним из первых приказов народного комиссара просвещения был приказ о восстановлении учреждений культуры, что убедительно свидетельствует об огромной роли библиотек в жизни города.

Основными задачами библиотек в военные и послевоенные годы является формирование политической грамотности горожан, приобщение их к чтению.

Неслучайно, основными формами работы библиотек в те годы были читки, они проводились по различным темам: по международному положению, о военных событиях, по разъяснению решений партии и правительства.

Обслуживание читателей в те годы было организовано не только в стенах библиотек, но и в передвижках. В 40–50-е годы в городе работало 13 передвижек: в Доме инвалидов Отечественной войны, на Лесопильном заводе «Северная точка», в аэропорту, воинской части и других учреждениях. На летний сезон в парке культуры и отдыха работал павильон-читальня, услугами которой пользовались около 20 тысяч горожан.

Несомненно, библиотеки в годы советской власти претерпевали идеологическое давление со стороны государства, которое выражалось в отборе литературы, в подходах к комплектованию фондов, организации доступа. Библиотеки выполняли государственный заказ на организацию библиотечного обслуживания, стабильно финансировались и поддерживались государством.

При тотальном дефиците, в том числе и на книжную продукцию (купить хорошую книгу в магазине считалось большой удачей), библиотеки комплектовались достаточно прилично, работал хорошо отрегулированный механизм распределения книготорговой продукции в государственные учреждения.

О времени рождения и становления городских библиотек, о книгах и журналах, которыми они комплектовались, о формах работы библиотек тех лет специалистами МУ «ЦБС» собраны и собираются документальные и фотоматериалы, которые представляют то время. В планах МУ «ЦБС» – открытие музея Истории городских библиотек.

В 2004 году в год 60-летия Центральной городской библиотеки специалистами библиотеки был подготовлен Библиотечный вестник Карелии о Центральной городской библиотеке им. Д. Я. Гусарова, который выпустила Национальная библиотека Республики Карелия.

После крушения Советского Союза государственная поддержка библиотек значительно ослабла. Изменилась идеология государства, о роли книги в формировании личности и общественных ценностей на время забыли. Меняется отношение к культуре в обществе.

«Основной нерв культурной революции XX столетия состоит в постепенном переосмыслении культуры как системы самоочевидных и самодостаточных образцов по направлению к её инструментальности, т. е. способности оказывать направленное и прогнозируемое влияние на все ареалы человеческой практики и жизнедеятельности».¹ В этих условиях муниципальные библиотеки сегодня выстраивают свои отношения с социумом, ищут свою нишу в городском социокультурном пространстве.

В МУ «ЦБС» в 1999 году разработана программа «Библиотека, горожане: грани взаимодействия», по этой программе библиотеки работали 5 лет, с 2000 по 2005 годы. Не всё из запланированного удалось реализовать, однако работа по программе имеет положительный результат:

- Сохранена сеть библиотек-филиалов МУ «ЦБС», слияние ряда филиалов практически не отразилось на качестве обслуживания пользователей, библиотечное обслуживание организовано во всех микрорайонах города.

¹ Зуев С. Э. Новые социальные технологии в сфере культуры (Культурологическое основание профессиональной деятельности современного менеджера). [on-line]. [Цит. от 05.02.02].

- Финансировались программы «Подписка», «Комплектование», «Информатизация». Активно работали программы «Летние чтения» и «Читающая молодёжь». Работа по программе позволила нам выйти на новые рубежи, разработаны новые программы и проекты, по которым мы сегодня активно работаем.
- Реализация на базе муниципальных библиотек проекта «Электронный Петрозаводск» программы «Наркотики: знания против миражей», «Библиотека. Книга. Экология».

В рамках работы по этим программам активно используются инновационные формы работы, в том числе и издательская деятельность. Дайджесты «За мир без наркотиков» и «Экология и человек» предлагают горожанам лучшие материалы и публикации по этим темам, а также дают адреса и координаты организаций города, занимающихся решением этих проблем.

Одно из основных направлений в деятельности городских библиотек сегодня – продвижение творчества писателей Карелии. Центральным библиотекам Муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» г. Петрозаводска присвоены имена писателей Карелии – Д. Я. Гусарова и В. М. Данилова. Материалы о жизни и творчестве писателей размещены на сайте МУ «ЦБС». О Гусаровских чтениях подробно расскажет заведующая отделом обслуживания ЦГБ Евстюхина В. А., я же поподробнее остановлюсь на работе ЦГДБ над именем В. М. Данилова.

Имя Владимира Михайловича Данилова присвоено Центральной городской детской библиотеке в 2005 году. С этого времени в библиотеке проводится работа по популяризации творчества писателя: собирается и систематизируется материал о его творчестве, установлены связи с родными Владимира Михайловича, с писателями и журналистами, лично знавшими писателя. В 2006 году были организованы Первые Даниловские чтения, основой которых стал конкурс творческих работ детей и подростков о природе «Широко раскрыв глаза». В конкурсе приняло участие более 200 ребят не только из города, но и из республики.

Специалистами ЦГДБ разработан проект «Аллея В. М. Данилова». Суть проекта – вовлечение детей и подростков в формирование экологически привлекательного имиджа города через создание и благоустройство экологической аллеи им. Данилова В. М. в пойме реки Лососинки.

Это очень многоплановый проект, включающий в себя популяризацию творчества Данилова и писателей, пишущих о природе, экологическое просвещение подростков. Важен также его социальный аспект – вовлечение подростков в процесс обустройства аллеи, посадки деревьев и кустов. В библиотеке начал работать детский литературно-экологический клуб «Лесной дозор», участники клуба в частности будут заниматься оформлением аллеи имени писателя.

В 2005–2006 году муниципальными и школьными библиотеками разработан электронный предметный указатель «Эта книга мне понравилась». Цель указателя – привлечение детей и подростков к чтению. Рекомендации на книги писали сами дети, в течение года школьникам предлагалось заполнить анкету «Эта книга мне понравилась», в электронном указателе книги распределены по рубрикам, одна из рубрик – книги писателей Карелии. С 1 марта мы планируем разместить указатель на сайте, все желающие смогут познакомиться с рекомендациями петрозаводских школьников на книги писателей Карелии.

2. Вовлечение горожан в социокультурную, общественную жизнь города.

Сегодня для библиотек важно увидеть свою роль в организации социально-общественной жизни города, микрорайона.

Поводом для этого часто служат юбилеи и значительные даты в жизни города. Так, в 60-летие освобождения Петрозаводска от немецко-фашистских захватчиков и 60-летие празднования Великой Победы библиотеки обращались к теме войны. Нередко в средствах массовой информации, во время профессиональных встреч библиотекарей звучит мысль о том, что современные дети и подростки не знают историю Великой Отечественной войны, не читают книги о войне, эта тема им не интересна. Изучать историю страны можно по-разному – школьные уроки, военные и исторические кинофильмы, документальные и художественные книги. А можно попытаться осмыслить уроки истории, расспросив бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, что они помнят о днях войны.

В 2004–2005 году муниципальные и школьные библиотеки организовали конкурс «Подвиги отцов глазами юных», посвящённый 60-летию Победы. Лучшие конкурсные работы оформлены в сборник «Расскажи мне о войне». Этот сборник – вклад подрастающего поколения нашего города в сохранение памяти о войне – осмысление детьми событий тех лет через восприятие их родных, которые в те годы были их ровесниками.

Празднование 300-летнего юбилея нашего города в 2003 году побудило горожан обратиться к истории города. Не остались в стороне и муниципальные библиотеки. Отвечая на запросы горожан по истории улиц, зданий, учреждений, городских праздников и традиций, библиотеки собрали материалы по истории и культуре микрорайонов города, которые представляют город намного шире и многообразнее, чем традиционное представление о Петрозаводске как ровеснике «Северной Пальмиры», детище Петра.

Материалы оформлены на нашем сайте на страничках библиотек-филиалов и доступны всем, заинтересованным в данной информации горожанам.

Библиотеки удалённых от центра микрорайонов Соломенное и Сулажгора работают по собственным программам развития «Моя малая родина – Соломенное» и «Сулажгора – мой дом родной». Соломенное и Сулажгора – совершенно особые в историческом и географическом плане районы нашего города. Неповторимый ландшафт Соломенного привлекает в край художников, поэтов, писателей. Микрорайон

Сулажгора интересен своей историей, знаменитые сулажгорские высоты дважды в истории города сыграли важную роль в обороне города – в годы Гражданской и Великой Отечественной войны, в микрорайоне до сегодняшнего дня сохранились здания исторической застройки.

Цель программ – приобщение жителей микрорайонов к изучению, сохранению и продвижению истории и культуры своей малой родины, вовлечение жителей в социокультурную жизнь микрорайона. В традициях этих библиотек – организация фольклорных праздников, встречи с писателями, поэтами, конкурсы на знание истории микрорайонов, привлечение горожан к исследовательской деятельности по изучению истории микрорайона. И, конечно, формирование фонда библиотек опубликованными и неопубликованными материалами о родном крае, исследовательскими работами школьников по истории, геологии, культуре края.

Также к 300-летию города был издан сборник стихов и рисунков детей «Мой город детства» по итогам конкурса юных поэтов и художников, который проходил в городе в течение 7 лет.

Библиотека – социальный институт, занимающийся вопросами исследования читательских интересов, продвижения чтения, повышения престижа чтения в городской среде. Мы живём в такое время, когда, к сожалению, проблема чтения становится в стране национальной проблемой, от решения которой зависит будущее народа. Роль библиотек в решении проблемы чтения мы видим в:

- привлечении общественности к проблемам чтения;
- создании партнёрских проектов по продвижению чтения;
- исследовании читательских интересов горожан.

Проектом, который объединил в себе практически все приоритеты, стал Общегородской день чтения, который позволил нам исследовать читательские пристрастия горожан, собрать интересные материалы по итогам двух конкурсов для горожан «Книга в моей жизни» и «Книга и я – друзья», организовать значимое для города культурное событие. Мы надеемся, что Общегородской день чтения не только войдёт в историю города, но и станет доброй традицией.

Полагаем, что и в будущем городские библиотеки будут играть значимую роль в жизни города, а развитие новых информационных технологий (оцифровка опубликованных и неопубликованных краеведческих документов) поможет в значительной степени решить проблему доступности краеведческих знаний любому горожанину.

*Сергеева Н. К.,
Центральная районная библиотека МУК «Беломорская ЦБС»*

Инновации в библиотечном краеведении

Инновации – это целенаправленные изменения в деятельности уже сложившейся системы. «В фокусе» инновационного библиотечного краеведения происходит переход из одного состояния в другое, а основным предметом управления нововведениями – обеспечение этого перехода как инициируемого и контролируемого процесса.

Все нововведения делятся на три группы:

1. Техничко-технологические (новая материально-техническая база, изменения в производственном процессе – развитие информационных технологий, новые краеведческие продукты и услуги).
2. Организационные преобразования имеют отношение к изменениям в общей системе организации библиотечного краеведения: изменение целей и способов их достижения, новые краеведческие общественные органы и т. п.
3. Социальные нововведения в библиотечном краеведении касаются особенностей поведения библиотекарей-краеведов, мотивов их трудовой деятельности. К числу социальных преобразований относятся и изменения в поведении пользователей краеведческой информации, в их отношении к самой библиотеке.

Эти три группы имеют разную материальную и финансовую составляющую. Наибольшие материальные и финансовые расходы требуются для новой материально-технической базы. Расходы ресурсов при организационных и социальных преобразованиях небольшие, что создаёт иллюзию их дешевизны. Между тем платить приходится. Очень часто при внедрении таких нововведений обнаруживаются «стрессовые точки» – задеваются интересы смежных учреждений: музеев, школ, домов культуры, туристских организаций и фирм. «Издержки» и трудности инновационного процесса побуждают к поиску способов их преодоления. Когда краеведы районной библиотеки становятся инициаторами городских культурных событий, всегда важно, чтобы сопротивление смежных учреждений перешло в сотрудничество, взаимодействие. Во-первых, важна поддержка администрации. Во-вторых, – поддержка общественности. В «глубинке» есть общественные силы, которые многократно возрастают, если речь идёт о переменах к лучшему. Например, библиотека является организатором общественных проектов: сбор подписей в защиту историко-культурного наследия Беломорья, возрождение народных игр и забав (Парады снеговиков), добровольческие программы по экологии и археологии («Чистая тропа» на петроглифы) и т. п. Библиотека является информационным спонсором для делегаций – гостей города. Нам доверяют организацию культурных программ и сопровождение делегаций

городов-побратимов из России, Финляндии, Норвегии. Краеведы библиотеки являются авторами и инициаторами ярких событий – ландшафтного музыкального перформанса в защиту петроглифов (при поддержке Министерства культуры РК и Ассоциации менеджеров культуры), ежегодного городского праздника – туристической визитной карточки Беломорска – «Петроглифы белых ночей». При поддержке администрации этот праздник в День независимости России, 12 июня, объединяет несколько десятков организаций города под девизом: «Только в Белом городе есть Белое море, белые ночи, белые петроглифы – это город Беломорск!».

Широкая сфера применения социальных и организационных преобразований в библиотечном краеведении Беломорска признана на самом высоком уровне: дипломы лауреатов первой и второй степени во Всероссийской школе библиотечной инноватики (Белгород), участие в дискуссии «Творческие города России» на Московском международном форуме «Культура плюс» (проект Евросоюза), участие в Международной конференции волонтеров Северной Норвегии (Альта). Краеведы Беломорской районной библиотеки выиграли грант (конкурс «Молодёжь и гражданское общество» фонда Лихачёва), участвуют в проекте сотрудничества волонтеров-краеведов Беломорска и молодёжи Берлевога (грант Баренцсекретариата – 2006). Активисты общественных краеведческих организаций библиотеки пользуются бесплатным Интернетом. Это стало возможно благодаря поддержке Международной общественной организации «Норвежская народная помощь».

Каковы критерии успешных инноваций в библиотечном краеведении? Главное условие успеха заключается в том, чтобы импульс к введению нового был вызван внутри самой библиотечной системы. А это возможно лишь тогда, когда освоение нововведений является условием сохранения организации. Сегодня остро стоит задача сохранения культуры как отрасли. Какова роль библиотечного краеведения в решении задачи сохранения и развития библиотечной системы на новом этапе? Путь один – это изменение профессиограммы библиотекаря в контексте развития краеведческой деятельности (так называется один из докладов, опубликованный в сборнике Всероссийской школы библиотечной инноватики¹). Изменение менталитета библиотекаря-краеведа характеризуется следующими особенностями:

1. Меняются формы и методы работы: систематическая научно-поисковая и исследовательская деятельность, музейные практики, участие в международных, российских, республиканских конкурсах на финансирование проектов.
2. «Выход из стен здания». Инициация внедрения в культурную среду масштабных событий с созданием сложной социально-ориентированной сети партнёров: фонды, администрация, образовательные, научные, производственные, туристические, финансовые организации и учреждения различных форм собственности.
3. «Выход в мировое пространство». Виртуальный: сайты², электронные базы данных, Интернет-конференции и т. п. Реальный: поездки, встречи делегаций, участие в принятии решений о сохранении и использовании историко-культурного наследия на всех уровнях власти: местном, республиканском, российском, международном.
4. Рост практической составляющей: экспедиции, экскурсии, компьютерные технологии, публикации, создание коллекций, экспозиций, участие в научно-практических конференциях и семинарах и т. п.

Радикальные нововведения приводят к принципиально новым технологиям библиотечного краеведения. Научно-практические экспедиции с каждым годом становятся разнообразнее: археология, геология, этнография, экология – все практические навыки беломорские краеведы получают благодаря сотрудничеству с научными центрами Карелии (КНИЦ, КГКМ, ПетрГУ), России (Государственный Эрмитаж, Всесоюзный геологический институт, Институт историко-культурного наследия, Институт развития города и т. п.), Чехии (Пражский музей камня), Норвегии (Осло, Тромсе, Киркинес).

Активные формы библиотечного краеведения способствуют социализации и развитию института партнёрства и общественной консолидации. Целям актуализации, сохранения, интерпретации культурного и исторического наследия служат общественные музеи (на базе Беломорской централизованной библиотечной системы в районной библиотеке и в филиалах сельских библиотек семь лет действует общественный Сорокский музей изобразительных искусств) и волонтерское движение (на базе районной библиотеки работает общественная организация Волонтер-центр «Петроглиф»). Однако осуществление общественно значимых форм краеведения связано с усилением риска и повышением ответственности профессионального библиотечного сообщества, поэтому нововведения нуждаются в механизмах общественной поддержки. Только благодаря общественной поддержке стали возможны многочисленные «северные» поездки краеведов (в 2006 году – Кемь, Соловки, Ловозеро, Ревда, Мурманск, Берлевог, Киркинес). «...чем может быть традиционная библиотека. Библиотека, которая становится воистину полистилистическим институтом, сочетая библиотечные, музейные, экскурсионно-познавательные, театральные, художественно-выставочные, клубные и другие формы деятельности; которая создаёт новую концентрированную культурную среду, силовое гуманитарное поле притяжения» (С. Г. Матлина)³. Вопрос остаётся открытым: жизнеспособны ли интегрированные модели

¹ Захарова, Г. Н. Изменение профессиограммы библиотекаря в контексте развития краеведческой деятельности // Всероссийская школа библиотечной инноватики: Материалы образ. программы. – Белгород : Белгор. универс. науч. б-ка, 2002. С. 55–69.

² <http://www.Volunt-Petrogyth~DeviantART>

³ Матлина, С. Мемурии сохраняют историю // Библиополе. 2006. № 11. С. 19.

краеведческой деятельности библиотек для развития, с одной стороны, самих библиотек, а с другой стороны, развития местных сообществ?

*Журавлёва Е. В.,
Толвуйская сельская библиотека Медвежьегорской ЦБС № 1*

«Чтобы в душе жила Надия»: заонежский диалект русского языка

Заонежье на карте Карелии найти несложно – оно выделяется особенностью своего месторасположения и представляет собой территорию Заонежского полуострова с прилегающими к нему островами в Онежском озере. Здесь особенный благоприятный климат, плодородные уникальные шунгитовые почвы, леса и озёра, богатые флорой и фауной.

Толвуйский погост – одно из самых старых заонежских поселений. Первое упоминание о нём относится к 1375 году. Здесь находилась в изгнании старица Марфа Иоановна, мать царя Михаила Фёдоровича из рода Романовых. В память о её пребывании назван родник – «Царицын ключ». В Толвуде в 1805 г., одной из первых в уезде, была открыта сельская приходская школа, в 1909 году – земская библиотека.

Жители отличались зажиточностью, достигли успехов в сельском хозяйстве: поставляли домашнее масло в Петрозаводск по артельному заказу, вывели особую породу лошадей – тяжеловозов. Шили лодки. Многие были связаны с Санкт-Петербургом, где занимались торговлей, строительством.

Вокруг Толвуды много деревень и каждая чем-то знаменита. Деревня Загубье, что в 5 км от Толвуды – родина преподобного Зосимы, одного из основателей Соловецкого монастыря. Деревня Кузаранда – родина И. А. Федосовой, знаменитой вопленицы, которой в апреле этого года исполняется 180 лет со дня рождения. С Юсовой горы, где похоронена Ирина Андреевна, видна озёрная ширь Онега.

На одном из островов рядом с Толвудой сохранились остатки монастырских строений. Это Палеостровский монастырь, история которого насчитывает несколько веков.

Много в Толвуде и её окрестностях красивых удивительных мест. Одно из них – Клим-гора и обширные песчаные пляжи, а ещё чистые сосновые боры. Кроме этого богата Толвудя своим славным прошлым, людьми и всё это отражается в краеведческой работе Толвудской сельской библиотеки.

В Краеведческом уголке библиотеки представлены папки с собранными материалами по истории села, школы, библиотеки: «Толвудяне – из мастеров мастера», «И. А. Федосова», «Из прошлого Заонежья» и др. На основе собранных материалов библиотекой разработан проект «Чтобы жила в душе Надия», цель которого – сохранение местных традиций, фольклора, заонежского диалекта, привлечение молодёжи к изучению прошлого края. На заонежском диалекте говорило не одно поколение жителей Заонежского полуострова. Вроде бы и речь-то русская, а не всякий заезжий горожанин или житель другой местности сразу понимали, о чём идёт речь. Автор проекта Скворцова Л. М. озабочена тем, что сегодня почти не слышно в заонежских сёлах заонежских слов. Уйдёт из жизни старшее поколение, которое ещё помнит заонежские выражения и, возможно, никогда больше не зазвучит самобытная речь Заонежья.

В 2006 году Толвудская библиотека совместно с Государственным комитетом по делам национальной политики и КРОО «Заонежье» объявили конкурс «Напишу-ка я письмо» (на заонежском наречии русского языка). Темы конкурса «Лето в деревне», «Детство далёкое моё» и др. В конкурсе приняли участие от 12 до 80 лет. Жители Заонежья называли себя «заонежана» и славились своим гостеприимством. Все запасы вытаскивались на стол при появлении гостей. Да и самовар с пылу-жару был обязательным элементом стола. Любили чаёвничать, чай «пофырандаты». Да за разговорами по несколько самоваров выпивали. А за столом лилась своеобразная речь скороговоркой, где ударение, как правило, ставилось на первом слоге. Здесь можно было услышать такой разговор:

«Вот дельниц, носков навязала. Надобно дочери отвезти. Вот и билет на паром купила.

– Слушай, кума. А как твоя дочка-то поживает? Она в девках-то была солодая (непоседливая), теперяча небось утихомирилась. Долго они с Иваном женихались. Да и как она с таким мугачем (молчуном) живёт?

– Не говори кума.

Как мы внуков будем тешить? Подзабыли всё досюльне. Нонешне мне не понраву. Ой, и страшно мне за внуков. Как божоны жить-то будут? Дай им, Господи, удачу.»

В житейских делах частенько заонежских мужиков выручала смекалка, шутка. В каждой деревне был свой шутник.

«В деревне Устьрека – Маныло, всё врал. Как-то раз бяжит Маныло мимо мужиков (тыя избу рубили). Мужики ещё и говорят: “Маныло, наври-то чего-нибудь!”. А тот и говорит: “Наврал бы да некогда, баржа с мукой тонет!” Ну, тыя побросали топоры да и за им следом. Наврал всё-таки им Маныло!»

Длинные зимние вечерами собирались жители на посиделки, здесь обсуждались деревенские новости. Здесь же и любовные страдания:

«Люди добры! Помогите! Полюбила без ответу!

На край света за им пошла, только краю свету нету!

Люди добры! На земь паду, буду вопеть, опристану.

Откуль возьму, куды кладу, отвопевши едва стану!»

Эти строки принадлежат Росликовой Валентине Ивановне, жительнице пос. Ламбасручей, землячке учёного и поэта Вячеслава Алексеевича Агапитова, который много сделал для сохранения заонежского говора. Так что у него есть последователи, не скудеет заонежская земля талантами.

Конкурс показал, что коренные жители Заонежья, где бы они не проживали в данный момент, помнят и любят свои места, с которыми столько связано. Об этом и повесть Любови Герасевой «Лето длиною в детство», опубликованная в «Севере» №1/2 2006 г. Об этом и конкурсная работа Нины Владимировны Красовской «Камешки».

Чтобы сохранить заонежский говор, мы записываем заонежские слова, пополняя словарики Ивана Алексеевича Костина, К. В. Чистова, Л. Герасевой.

В повести Л. Герасевой отражена память о небольшой заонежской деревне Фоймогуба. А сколько таких деревень было вокруг Толвуи! Расстояние между деревнями было не больше 1 км. Поэтому в рамках проекта мы запланировали акцию «Поставим памятник деревне», предусматривающую установление памятных знаков на месте исчезнувших деревень Толвуйского погоста. Проведена работа по сбору географических названий деревень, исчезнувших и ещё живущих, составлена картотека «Родные сердцу имена». В школьном краеведческом музее хранится карта Толвуйского погоста с указанием деревень.

«Надия» – по-заонежски «надежда». Мы надеемся, что заонежский диалект станет неотъемлемой частью большой краеведческой мозаики. И хотя наш проект не получил поддержку Министерства культуры РК, наша библиотека будет продолжать работу по сохранению истории и культуры Заонежья.

Раздел 3

Историческая секция

*Мошина Т. А.,
Карельский государственный краеведческий музей*

Олонецкие губернаторы: коллективный портрет

В последние годы появилось много региональных изданий справочного характера: энциклопедий, биографических справочников.

Особое место в этом ряду занимают издания, посвящённые первым лицам – губернаторам. Их насчитывается уже более сорока, причём, в некоторых регионах изданы объёмистые тома с приложением уникальных архивных материалов. А в Харькове, Пскове уже появились и вторые, гораздо дополненные издания. В журнале «Библиография» (2005, № 5) были опубликованы библиографии «Властные структуры регионов России» и «Книги о губернаторах».⁶⁹

Многочисленные издания, посвящённые губернаторам – это знаковое явление на гребне новой волны отечественного краеведения. В 2006 году вышла в свет и небольшая книга, посвящённая первым лицам Олонецкой губернии, авторами которой были Н. А. Кораблёв, кандидат исторических наук, сотрудник Карельского научного центра Российской академии наук, и Т. А. Мошина, заместитель директора Карельского государственного краеведческого музея.⁷⁰ Подготовка биографического справочника «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы» была актуальной потому, что наш музей, во-первых, расположен в том здании на Круглой площади, где губернаторы не только осуществляли свои властные полномочия, но и жили, а во-вторых, в скором времени откроется новая постоянная экспозиция, где будут представлены и первые лица губернии.

В книге освящены биографии 5 генерал-губернаторов и 28 губернаторов, управлявших губернией с 1784 до 1917 г.

При всей разнице их характеров, отношения к жизни, долгу, карьере, они имели много общих черт. Попытаемся обобщить данные по происхождению, образованию, семейному положению, опыту, возрасту и срокам пребывания в должности, а также по дальнейшей карьере и вкладу в науку и культуру.

Происхождение

Из 33 губернаторов дворянами были – 30. Из обер-офицерских детей происходил В. Ф. Мертенс. Голландские купеческие корни имел Т. Е. Фан-дер-Флит. Российское дворянство он получил только в ноябре 1828 г.

Г. Г. Григорьев, побочный сын графа Г. В. Орлова, стал губернатором, числясь купцом третьей гильдии, а дворянство получил только в 1873 г., когда уже третий год был на посту олонецкого губернатора.

Титулованными дворянами были двое: барон И. Р. Ливен и князь Ю. А. Долгоруков.

Видными сановниками были отцы лишь нескольких губернаторов: А. А. Долгоруков был сенатором, министром юстиции, Н. Н. Муравьев – статс-секретарём императора Александра Первого, сенатором. Отцы М. М. Весёлкина и Х. Х. Повало-Швейковского занимали посты вице-губернаторов. Ф. А. Клокачёв, отец губернатора А. Ф. Клокачёва, был прославленным вице-адмиралом, основателем Севастополя и первым командующим Черноморского флота. К. И. Арсеньев, отец Ю. А. Арсеньева, происходил из священнических детей, и дворянство получил за заслуги: он был воспитателем Великих князей, позже известным учёным, академиком.

Пока неизвестно, чем занимались отцы семи губернаторов, но уже сегодня можно сказать, что почти все они служили в армии, а затем занимали выборные должности (губернские, уездные предводители дворянства, депутаты, мировые посредники и судьи).

Важно отметить и то, что большинство губернаторов происходили из многодетных семей. Зачастую в наследство им практически ничего не доставалось, и приходилось рассчитывать только на службу и выгодный брак. Среди жен губернаторов было немало представительниц знатных родов: Арсеньевых, Вердеревских, Родзянко, Хвостовых, Сухотиных, Дмитриевых-Мамоновых, Энгельгардт, Давыдовых, Кротковых, Одоевских, Столыпиных, Брянчаниновых и др.

Наиболее состоятельными были А. В. Дашков, Ю. А. Долгоруков, Н. Э. Писарев, Х. Х. Повало-Швейковский, П. П. Шиловский.

⁶⁹ Орешина М. А. «Властные структуры регионов России». Библиография. Г. А. Мельничук. «Книги о губернаторах». Библиография // «Русская библиография» 2005. № 5.

⁷⁰ Кораблёв Н. А., Мошина Т. А. «Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы». Петрозаводск, 2006. Все данные, приведённые в данной статье, взяты из этой книги и личного архива Т. А. Мошиной.

Некоторые из губернаторов не имели имений, и их вдовы нередко вынуждены были вести довольно скромный образ жизни. Только семь губернаторов имели придворное звание, дававшее дополнительное денежное содержание.

Образование

Образование у губернаторов также весьма различалось. Сведений об образовании 3 губернаторов пока нет. У троих было домашнее образование. Г. Р. Державин учился у частных педагогов и в Казанской гимназии. Большинство губернаторов (13) имели военное образование: четверо закончили Морской кадетский корпус, четверо закончили кадетские корпуса, четверо получили образование в военных училищах (училище гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, артиллерийское училище, кавалерийское училище). В. Н. Муравьев закончил Пажеский корпус.

Два губернатора (Ю. А. Долгоруков, В. А. Левашов) закончили Московский университет, двое воспитывались в Благородном пансионе при этом же университете. В Санкт-Петербургском университете учились двое (М. И. Zubовский, М. Д. Демидов, последний не закончил).

Царскосельский (Александровский) Лицей закончили Ю. К. Арсеньев и М. М. Веселкин.

Два губернатора (Н. В. Протасьев, П. П. Шиловский) получили образование в Императорском училище правоведения.

Г. Г. Григорьев закончил Императорскую военно-медицинскую академию и начинал службу простым ординатором в больнице для бедных.

Семейное положение

Из 33 губернаторов не были женаты и не имели детей только двое – И. Р. Ливен и А. Ф. Клокачев. Все остальные были женаты, в том числе шестеро – дважды. Не было детей у Г. Р. Державина, у Х. Х. Повалов-Швейковского сын умер в младенчестве. У С. И. Миницкого и А. Ф. Шидловского своих детей не было, но они воспитывали падчериц. Неизвестно, были ли дети у И. В. Боувера и М. И. Zubовского.

Одного сына имел П. П. Коновницын. По двое детей имели шесть губернаторов. Остальные губернаторы были многодетными даже по понятиям того времени: по трое детей имели пять губернаторов. Шесть губернаторов имели по четыре ребенка, двое – по 5, двое – по 6. Самые большие семейства имели губернаторы А. И. Чириков (семь детей), Ю. К. Арсеньев (девять детей) и А. М. Окулов (десять).

Опыт

Свой опыт будущие губернаторы приобретали во время длительной службы в армии и на флоте, позже – в системе министерства юстиции, министерства внутренних дел.

Для большинства карьера чиновника начиналась после выхода в отставку. «Карьеру можно было составить себе почти исключительно служа в войсках. Все высшие государственные должности министров, сенаторов, губернаторов давались военным, которые были более на виду у государя... Военная дисциплинарная закладка... считалась необходимым качеством каждого высокопоставленного лица», – так считал отставной генерал Г. Д. Щербачев.⁷¹

Большинство олонекских губернаторов (17) были участниками войн, сражений, заграничных походов. С солдатской службы в гвардейских полках начали своё восхождение Г. Р. Державин, В. Ф. Мертенс, с сержантской – И. Р. Ливен, А. Ф. Клокачев.

А. И. Яковлев и А. В. Дашков были участниками войны с Наполеоном и дошли до Парижа. Четверо были Георгиевскими кавалерами (Т. И. Тутолмин, А. Ф. Клокачев, С. И. Миницкий, И. В. Боувер). А юнкер Н. П. Волков получил Знак ордена за отличие в польской кампании 1830–1831 гг.

У большинства губернаторов уже был административный опыт. Для некоторых это был первый губернаторский пост после вице-губернаторского или после перехода с военной службы. Для П. П. Коновницына пост в малонаселенной Олонекской губернии, после восьми лет губернаторства в Петербурге, был равносителен ссылке. П. П. Шиловский был переведён из Костромы в Петрозаводск из-за интриги с чиновниками МВД (его добровольная отставка с поста олонекского губернатора вызвала громкий резонанс в прессе тех лет).

Надо заметить и то, что почти все губернаторы приезжали к месту службы через несколько месяцев после назначения.

Сроки пребывания в должности

Пост олонекского губернатора для многих был промежуточным этапом в карьерном росте и относительно недолгим по продолжительности. Около года или чуть больше служили в Петрозаводске 4 губернатора. 2–3 года служили 15 губернаторов, 4–8 лет – 9 губернаторов. Более 10 лет служили только трое: Т. И. Тутолмин – 10 лет, В. Ф. Мертенс – 17 лет, Г. Г. Григорьев – 20 лет.

⁷¹ Щербачев Г. Д. Двенадцать лет молодости // Русский архив. 1890. № 1–4. С. 87.

Для некоторых губернаторов этот пост был конечной точкой и в карьере, и в жизни. На посту генерал-губернатора закончили свой жизненный путь двое: П. П. Коновницын в Петрозаводске и А. Ф. Клокачёв в Вологде, на посту губернатора также двое: Х. Х. Повало-Швейковский и М. Д. Демидов.

Возраст

Возраст у губернаторов во время их приезда в Петрозаводск в основном не превышал 50 лет. Самыми молодыми губернаторами были: П. А. Лачинов – 35 лет, А. М. Окулов – 36 лет, А. И. Рыхлевский – 38 лет. В возрасте от 40 до 50 лет прибыли в город 19 губернаторов, в возрасте от 51 до 55 лет – четверо, в возрасте от 56 до 60 лет – двое. Самыми возрастными были И. Р. Ливен (61 год) и Чириков (67 лет).

В целом возраст олонецких губернаторов был близок к статистике по Псковской и Самарской губернии и общероссийским данным.⁷²

Дальнейшая карьера олонецких губернаторов

Карьера большинства губернаторов складывалась довольно успешно, но не без драматических событий. Так, Т. И. Тутолмин после смерти Екатерины II попал в опалу и полтора года провел под арестом, а при Александре I стал московским главнокомандующим (1806–1809) и сенатором. Ещё семь губернаторов также стали сенаторами (И. В. Боувер, Г. Р. Державин, А. В. Дашков, Ю. А. Долгоруков, В. Ф. Мертенс, В. Н. Муравьев, В. А. Левашов). Г. Р. Державин вошёл в историю как первый министр юстиции. Восемь продолжали служить губернаторами в других регионах, четверо завершили свою службу в Министерствах (финансов, МВД).

Восемь губернаторов по разным причинам вышли в отставку после службы в Петрозаводске (причём, Н. Э. Писарев вынужден был уйти в отставку из-за скандального случая с пощёчиной, нанесённой ему в Кафедральном соборе чиновником Матвеевым).

Неизвестно, как сложилась судьба у М. И. Зубовского, вышедшего в отставку в 1916 году, и Н. Д. Грязева, который до 1917 года был ковенским губернатором и на этом посту встретил мировую войну.

Вклад олонецких губернаторов в науку и культуру

Наиболее известны на этом поприще губернаторы Г. Р. Державин, Ю. К. Арсеньев и Г. Г. Григорьев. Г. Р. Державин собрал обширную и ценную коллекцию материалов о крае. Его дневник «Подённая записка», составленный на основе путешествия по Олонецкой губернии, до сих пор интересен краеведам.

Ю. К. Арсеньев вошёл в историю культуры тем, что оказал активное содействие П. Н. Рыбникову в издании в Петрозаводске третьего тома его фольклорного собрания (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым в 4-х томах; тома 1-й, 2-й и 4-й вышли в Москве).

В годы правления Г. Г. Григорьева в губернии побывало около 100 учёных-исследователей (среди них Е. В. Барсов, Д. П. Европеус, А. А. Иностранцев, А. А. Шахматов и др.). Г. Г. Григорьев стоял у истоков создания Императорского Географического общества и представлял его в Лондоне. При нём был установлен памятник Петру I, учреждён Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей (ныне Карельский государственный краеведческий музей), возобновлена деятельность публичной библиотеки и др.

Г. Г. Григорьев – автор нескольких работ: «О сущности власти губернатора...» (Петрозаводск, 1875), «Об устройстве между Белым морем и Онежским озером усовершенствованного соединённого пути (Петрозаводск, 1875). Он писал и стихи.

Библиофилами, собирателями книг и старинных рукописей были Т. И. Тутолмин, С. И. Миницкий, Н. Э. Писарев. Тутолминым также была собрана коллекция портретов представителей императорской фамилии, русских деятелей.

П. П. Коновницын был членом Вольного экономического общества, А. Ф. Клокачёв – членом Московского общества сельского хозяйства. Интересен и тот факт, что в доме, принадлежавшем А. Ф. Клокачёву в Петербурге (ныне: Фонтанка, 185) прошли юношеские годы А. С. Пушкина.

А. М. Окулов ещё во время учёбы в Московском университете занимался исследовательской работой, он автор работы «О свойстве и силе воздуха», изданной в Москве в 1783 году.

А. И. Рыхлевский был знаком с А. С. Грибоедовым. Несколько писем из их переписки опубликованы.

А. В. Дашков содействовал изданию первой губернской газеты – «Олонецкие губернские ведомости». При нём в августе 1839 г. в Петрозаводске состоялась первая выставка изделий местной промышленности, на основе которой при Александровском заводе был открыт горный музей.

Ю. А. Долгоруков, знаток древних языков, Священного писания, религиозных течений, был дружен с митрополитом Филаретом. В воронежский период службы он оказывал поддержку поэту Ивану Никитину.

М. М. Весёлкин был автором работы «О суде присяжных во Франции» (СПб., 1862). Он пытался привлечь внимание общественности к вопросу возрождения основанного Петром Первым курорта «Марциальные Воды».

Н. В. Протасьев подготовил и опубликовал брошюру «Проект соединения Екатерининской гавани на Мурмане с сетью русских железных дорог» (Петрозаводск, 1910).

⁷² Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. Спб. 1995.

А. Ф. Шидловский был одним из самых образованнейших губернаторов. Он вошёл в историю как видный краевед Русского Севера, учёный-библиограф. По инициативе Шидловского было основано Архангельское Общество Изучения Русского Севера, «Общество изучения Олонецкой губернии».

Он опубликовал ряд трудов по истории и библиографии Архангельского Севера. Участвовал в организации научных экспедиций по исследованию Печорского края, Шпицбергена, Кольского полуострова, нефтяных и угольных месторождений Крайнего Севера.

В 1914 г. за библиографические труды был удостоен большой серебряной медали Русского географического общества.

Н. Д. Грязев был одним из инициаторов издания первого в губернии неофициального печатного органа – еженедельной газеты «Олонецкая неделя» (редактором был ректор Олонецкой духовной семинарии Н. К. Чуков). Он добился выделения пособия на её издание из средств Министерства внутренних дел. При Н. Д. Грязеве в Петрозаводске появились первые кинотеатры, а в 1912 г. открылся Летний театр в городском парке.

П. П. Шиловский был автором брошюр и статей на юридические темы. Несколько публикаций он посвятил проблемам российско-финляндских отношений: «Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии» (СПб., 1903), «Что такое автономия?» (СПб., 1905), «О судебной системе Финляндии» (СПб., 1912). Документы, собранные П. П. Шиловским в разных хранилищах, были переизданы Ю. И. Семёновым в книге «Национальная политика в императорской России». Т. 1. Цивилизованные окраины. (М., 1997).

П. П. Шиловский вошёл в историю как изобретатель первого в мире гироскопического двухколесного автомобиля (гирокара), автор конструкции устойчивого при качке гироскопического орудия, успокоителя качки корабля, гироскопического прожектора и указателя курса (ортоскопа).

По его проекту в 1919 г. была построена однорельсовая железная дорога Петербург – Гатчина (12 км).

В 1924 г. в Лондоне была издана книга Шиловского о гироскопе: «The Gyroscope: Its Practical Construction and Its Applications» (London. 1924). Эта книга представлена в крупнейших библиотеках, в т. ч. в библиотеке Конгресса США.

Идея использовать гироскоп для стабилизации различных технических устройств нашла применение на земле, в море, в небе. Его имя, как изобретателя гиромобиля упоминается в технической литературе.

В заключении хочется процитировать московских библиографов Г. А. Мельничук и М. А. Орешину («Библиография», 2005, № 5), которые вполне обоснованно считают, что «пристальное изучение персоналий местной истории представляется необходимым для развития современного краеведения».⁷³

*Бабалык М. Г.,
епархиальный духовно-просветительский православный центр им. А. Свирского*

Древнерусский апокриф «Беседа трёх святителей» в рукописях, хранящихся в Петрозаводске

Древнерусский апокриф «Беседа трёх святителей» (далее – Беседа), несмотря на церковный запрет чтения апокрифической литературы, пользовался на Руси большой популярностью. Беседа возникла предположительно в V–VI вв. в византийской письменности и прошла несколько стадий развития текста.¹ На русской территории Беседа появилась в домонгольский период.² В поздних своих списках апокриф сохранился в большом числе вариантов. Беседа состоит из вопросов и ответов на библейскую тематику, содержит вопросы и ответы, заимствованные из других апокрифов, а также из фольклора. Часто вопросы и ответы Беседы изложены от имени трёх иерархов Православной Церкви, живших в IV веке – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. По этой причине за апокрифом и закрепилось его заглавие. Апокрифическая Беседа не имеет ничего общего с трудами этих святителей. Использование их имён в тексте должно было сделать произведение авторитетным и достоверным.³ Вариативность памятника не позволяет до сих пор дать его удовлетворительное текстологическое описание. К исследованию текста Беседы учёные обращались многократно, но есть лишь две работы, посвящённые проблемам текстологии данного апокрифа –

⁷³ Орешина М. А., Мельничук Г. А. «Властные структуры регионов России» // «Русская библиография» 2005. № 5.

¹ Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 170–172.

² Мильков В. В., Смольникова Л. Н. Апокрифическая «Беседа трёх святителей» в Древней Руси и её идейно-мировоззренческое содержание // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1993. Вып. 3. С. 149–164.

³ Лурье Я. С. Беседа трёх святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 89–93; Бучилина Е. А. Апокриф «Беседа трёх святителей» как памятник средневековой русской литературы // Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 1994. С. 10–11.

это труд учёного XIX века В. Н. Мочульского «Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности» 1893 года и работа исследовательницы XX века Е. А. Бучилиной «Апокриф “Беседа трёх святителей” как памятник средневековой русской литературы» 1994 года. Несмотря на подробное описание древних списков памятника – латинских, греческих, южно-славянских и русских, судьба поздних русских списков Беседы остаётся невыясненной, как остаётся невыясненным соотношение древних списков и редакций памятника с поздними. На территории русского Севера Беседа также была весьма популярна и распространялась, в основном, благодаря стараниям старообрядцев различных толков вплоть до XX века.

Наш доклад посвящён спискам Беседы, хранящимся в городе Петрозаводске. Всего нами найдено четыре списка. Самый ранний список Беседы находится в рукописи конца XV века из НАРК, шифр: фонд 889, опись 1, инв. № 17. Рукопись представляет собой вторую часть Псалтыри с воследованием, писанную полууставом, на 386 листах, форматом в 4-ю долю листа. На обороте 62-го листа находится следующий текст: «Въпрос. На колико сребренник продаде Иуда Господа Иисуса Христа. Ответ. На 30 сребренник. Есть же състояние единому сребреннику литр 12, всех же литр 300 и 60, и литра же стоит 60 рублей». Сказать наверняка, что это список Беседы, нельзя, так как вопросы подобного содержания, по мнению В. Н. Мочульского, проникли в Беседу из русских статей, приписываемых преподобному Нилу, и составленных по принципу греческих статей Епифания.⁴ Учёный ссылается на сборник XVI века Александро-Невской Лавры (№ 99/1176, л. 159), а также на примечания перевода творений Епифания в «Творениях Святых Отцов» (1885 г. Кн. 2. С. 261–262).

Два списка Беседы хранятся в КГКМ. Это рукопись второй половины XVIII века, шифр: КГМ-20841 и рукопись конца XVIII века, шифр: КГМ-26861. Обе рукописи являются сборниками различного состава, списки Беседы неполноценны из-за утраченных листов и отсутствия начала апокрифа. Список второй половины XVIII века состоит из 13 вопросов и 14 ответов, без заглавия, которые находятся на листах 186.2–189 и примыкают к апокрифу «Сказание о двенадцати пятницах»; в списке конца XVIII века – 34 вопроса и ответа, также без заглавия, которые находятся на листах 79–84 и примыкают к апокрифу «Повесть Иеронима об Иуде Предателе». Из-за утраты листов нельзя с точностью установить первоначальный текст списков, определить количество вопросов и ответов, даже путём текстологического сличения с другими подобными им списками. Вариативность памятника проявляется не только на уровне текста вопросов и ответов, но и в объёме списков, композиции блоков вопросов и ответов и их составе.

Самый интересный список находится на хранении в музее-заповеднике «Кижи». Это рукопись начала XX века из коллекции крестьян Корниловых, шифр: КП-4261/4. Данная рукопись представляет собой небольшой сборник, писанный полууставом, на 52 листах, форматом в 4-ю долю листа, в картонно-кожаном переплёте.⁵ Кроме Беседы, в состав сборника входят другие апокрифы: Слово Климента папы Римского о 12 пятницах, Сон Богородицы и Свиток Иерусалимского знамения. Здесь же находится молитва Кресту («Да воскреснет Бог...»). Беседа в этом сборнике имеет название «Краткия вопросы и ответы, избранные от святого писания», находится на листах 1–37 и состоит из 94 вопросов и ответов. Последние 8 вопросов имеют подзаголовок: «Вопросы нравоучительные». Тематика вопросов и ответов кижского списка весьма разнообразна. Здесь встречаются не только вопросы о ветхозаветной и новозаветной истории (как, например, вопрос 37 «Сколько лет Адам жил на земле?») и вопрос 28 «Кто сниде в рай прежде Христа?»), но и блоки вопросов об устройении храма (вопрос 14 «Что суть престол в церкви святей? То есть гроб Господень»), о символическом смысле служения священника и дьякона (вопрос 20 «Что суть диакон на аббоне ектению провозглашает? Тогда проповедает ангел Господень о вопрошении слове Божии» и вопрос 21 «Что суть священник в церкви? То есть апостол Мелхиседек и служитель престолу Христову и святым тайнам его»), а также вопросы об облачении клириков (вопрос 22 «Что суть скуфия священническая? То есть терновый венец»). Имеются вопросы, разъясняющие символику икон, очень популярные в народной среде (вопросы № 1, 2, 4, 5 – «Что суть у Богородицы надпись словами МРФУ? То есть: М – Мария, Р – родив, Ф – фарисеям, У – учителя»), а также вопросы-загадки (№ 87–93, например вопрос 90 «Что есть: не стукнет, не брякнет, ко всякому подойдет? То есть ночь»). Есть в кижском списке Беседы вопросы-притчи. Например, вопрос 56: «Некий человек имел у себя едину жену, двадцать дочерей, 150 сынов, и при том же имел у себя горнее место. Ис того же места истекали два источника. Теми источниками очищал грехи своя». (Ответ: царь Давид, его псалтырь, в которой 20 кафизм и 150 псалмов, источники – слёзы покаяния). Вопрос этот в качестве более распространённой притчи под заголовком «Притча премудрая» опубликован с рукописного оригинала XVIII века в сборнике Н. И. Прокофьева и Л. И. Алёхиной «Древнерусская притча».⁶

Особенно интересен в кижском списке последний вопрос, представляющий собой известное древнерусской книжности и фольклору «Сказание о рукописании Адамовом», которое оформлено как вопрос и ответ: «Святой апостол Варфоломей вопроси святого апостола Андрея Первозванного, како и киим образом праотец наш Каин родися, и како рукописание прадед наш Адам даде диаволу?». Апокрифическая традиция знает несколько версий сюжета о рукописании Адама. Наиболее распространённой из них является та,

⁴ Мочульский В. Н. Следы народной Библии... С. 152.

⁵ Сборник описан: Шилов Н. И. Архив и библиотека заонежских крестьян Корниловых в собрании музея-заповедника «Кижи» // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения – 95»: сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 310.

⁶ Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алёхина. М., 1991. С. 394–395.

в которой расписка даётся Адамом с целью получить от дьявола возможность возделывать землю после изгнания прародителей из рая, так как дьявол обманывает Адама и говорит, что Богу принадлежит небо, а ему, дьяволу, земля. Но Адам в свою очередь оказывается хитрее дьявола, он пишет: «Чья есть земля, того и аз и чада моя», зная, что земля Божья.⁷ Реже встречается вариант, где после изгнания из рая Адам увидел ночь (в раю ночи не было) и испугался. Дьявол обещает после подписания с ним договора вернуть Адаму свет, зная о предстоящем рассвете, но Адаму вновь удаётся перехитрить дьявола.⁸ Существует вариант, в котором Адам даёт дьяволу рукописание, желая исцелить своего сына Каина от струпьев.⁹ Кижский список Беседы содержит также интересный вариант – здесь Каин страдает, но не от струпьев, а от двенадцати змеиных голов: «Прадед наш Каин сквернав родися: глава на нём, яко и на протчих человецех, на персех и на челе его дванадесять глав змииных име». Эти головы жалят Каина и мать его Еву, когда она кормит ребёнка, причина страдания, ради избавления от которых и соглашается Адам на сделку с дьяволом. Такой вариант тоже известен как апокрифической литературе,¹⁰ так и народной легенде. Согласно одной из легенд, младенец Евы со змеиными головами – это детёныш Сатаны, которым он подменил её первенца.¹¹

Вопросы и ответы Беседы часто образуют тематические циклы. Списки Беседы, хранящиеся в Петрозаводске, интересны для изучения тематического цикла вопросов и ответов об Иуде – предателе Христа. Так, если в рукописи НАРК XV века находится выписка неясного происхождения о 30 сребренниках, то в рукописи конца XVIII века КГМ-26861 это уже блок из 5 вопросов и ответов (с 3 по 7 вопросы): «Вопрос: На коликох сребреницх предаде Июда Господа нашего Иисуса Христа? Ответ: На тридесятих сребреницх. Вопрос: В одном сребренике колко литр? Ответ: В сребренике стоит 12 литр. Вопрос: Что одна литра держит? Ответ: Шестьдесят рублёв. Вопрос: Что в 30 сребреницх всех литр? Ответ: В 30 сребреницх литр 366. Вопрос: Что всего в литрах денежнаго счёту? Ответ: В литрах по нашему по рускому 128 тысящ рублей, а весом тянет сто пуд». В конце этого списка (вопрос 29) появляется ещё один вопрос об Иуде: «Вопрос: Кто отца уби, а мать за себе поят в жену? Ответ: Июда Искаротский уби отца своего, а материю оженися». Вопрос это восходит к апокрифическому «Сказанию Иеронима об Иуде Предателе», которое вместе с Повестью о папе Григории и Повестью об Андрее Критском входит в группу повестей о кровосмесителе. Объединяет эти произведения эдипов сюжет, приписывающий главному герою биографию греческого царя Эдипа. По мнению исследовательницы «Сказания Иеронима об Иуде Предателе» М. Н. Климовой, Сказание появляется в русской книжности на рубеже XVI–XVII веков. Когда именно проник в Беседу этот вопрос об Иуде, пока не известно, но точно не ранее указанного периода времени. Иногда Беседа в сборниках соседствует со «Сказанием Иеронима об Иуде Предателе» (список ИРЛИ, собрание Отдельных поступлений, опись 24, № 48, 1839 г.). В составе рукописи КГМ-26861, о которой идёт речь, также есть текст об Иуде Предателе, предшествующий Беседе. В списке музея Кижи начала XX века блок вопросов об Иуде состоит уже из 6 вопросов и ответов. Вопрос с эдиповым сюжетом присоединяется здесь к вопросам о сребренниках и составляет с ними единый блок.

Списки Беседы, хранящиеся в Петрозаводске, представляют большой интерес для изучения круга чтения северно-русских крестьян в XVIII–XX вв.

*Намятова Е. С.,
Национальный архив Республики Карелия*

Из истории благотворительности в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.

Благотворительность занимала важное место в жизни общества Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв. За указанный период возросло количество организаций, большую часть капитала которых составляли пожертвования частных лиц. В губернии существовало множество обществ, находившихся в ведении различных ведомств, таких как Министерство внутренних дел, Совет епархиального начальства, городские управы, Ведомство учреждений Императрицы Марии, Российское общество Красного Креста. Большая их часть действовала, конечно же, в г. Петрозаводске.

В уездных городах Олонецкой губернии существовали благотворительные общества и кружки, целью которых было «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных». Первое

⁷ Журавель О. Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996. С. 89.

⁸ Там же. С. 89–90.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 41.

¹¹ «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и комментарии О. В. Беловой. М., 2004. С. 254.

такое общество было создано в г. Петрозаводске, устав которого был утвержден министром внутренних дел 7 июля 1865 г. Первым председателем совета общества была супруга губернатора Ю. К. Арсеньева Софья Дмитриевна. В общество входили крупные чиновники, купцы, богатые крестьяне, священники, представители местной интеллигенции. При обществе существовал фонд для вспомоществования бедным учащимся Олонецкой гимназии. В пользу этого фонда проводились музыкальные вечера и концерты¹. «Заботясь о прекращении нищенства в городе, которое за последнее время приняло громадные размеры»², общество в 1892 г. создало столовую для бедных. Она находилась около Заводской церкви в доме А. Н. Кошелева, который бесплатно предложил свой дом для столовой благотворительному обществу. Столовую ежедневно посещали от 200 до 600 человек. При ней действовал ночлежный приют, услугами которого в зимнее время пользовались до 60 человек. Столовая существовала до 15 июня 1893 г.³

В Петрозаводском уезде активно проявляло себя благотворительное общество с. Ладва, основанное 24 сентября 1874 г.⁴ Оно выдавало пособие, а также содержало столовую при Ладвинском двухклассном сельском училище, которой пользовались бедные учащиеся местных училищ⁵.

Каргопольское благотворительное общество, основанное в ознаменование двадцатипятилетнего царствования императора Александра II, было открыто 17 января 1884 года и действовало по уставу, утверждённому 23 декабря 1881 года. Согласно уставу, цель общества – «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных г. Каргополя, а именно: а) доставление одежды, пищи и крова не могущим приобретать их собственными трудами; б) содействие в приискании занятия или службы, в приобретении для работ материала и в выгодном сбыте изделий бедных тружеников; в) облегчение и доставление способов для призрения и воспитания детей не имущих родителей; г) снабжение бедных медицинскими пособиями»⁶. В Каргопольском уезде в начале XX века также действовали учебная столярно-токарная мастерская (открыта 1 августа 1904 г.), приходское попечительство при Святодуховской церкви г. Каргополя (открыта в 1880 г.), Тельнихинская общественная богадельня (открыта 1 февраля 1862 г.), Александровский детский приют (открыт 30 августа 1880 г.), Каргопольское благотворительное общество⁷ и другие.

В 1890 г. основано Вытегорское благотворительное общество, которое находилось в ведении Министерства внутренних дел.⁸ У общества была столовая, выдававшая обеды взрослым, малолетним и приходящим за предъявленные билеты. Обеды состояли из «порции мясных шей, ухи, или гороху; порции пшённой каши с маслом коровьим или постным и из порции хлеба (взрослым по 2 фунта, а малолетним по 1 ½ фунта)»⁹. Общество также выдавало ежемесячные денежные пособия бедным, которые не могли пользоваться столовой. Пожертвованные деньги общество расходовало также на обувь и одежду для призреваемых. В 1898 г. «с целью оградить призреваемых малолетних от дурного влияния среды и с целью подчинить их правильному за ними надзору, совет общества, открыл подписку на устройство приюта для призреваемых малолетних, лишённых надзора родителей»¹⁰. Детский приют имени Евдокии Ивановны Матвеевой был открыт в 1901 г. В Вытегорском уезде в начале XX века также действовали Вытегорское общество для пособия бедным учащимся (открыто в 1876 г.), богадельня для призрения престарелых и увечных бедных к труду не способных жителей города Вытегра (открыта в 1884 г.), благотворительное общество для вспомоществования бедным и столовая благотворительного общества, богадельня в селе Девятины (открыта в 1904 г.)¹¹ и другие.

Олонецкий дамский благотворительный кружок был основан в 1894 г. и действовал по уставу, утверждённому 23 декабря 1893 г.¹² Первой его председательницей была Е. К. Бондаровская. В Олонецком уезде в начале XX века действовали богадельня (открыта в 1854 г.), общество вспомоществования Олонецкого уезда (открыто в 1898 г.)¹³ и другие.

Повенецкое благотворительное общество было открыто 25 августа 1894 г. Его деятельность выражалась в выдаче единовременных пособий нуждающимся «одеждою, обувью, съестными продуктами и частью деньгами».¹⁴ В Повенецком уезде в начале XX века также действовали Повенецкая земская богадельня, Церковная Николаевская богадельня в с. Шуныге (открыта в 1909 г.)¹⁵ и другие.

¹ Дианова Е. В. Женщины в истории Петрозаводска: XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 2003. С. 21.

² Олонецкие губернские ведомости. 1892. 16 декабря.

³ Дианова Е. В. Указ. соч. С. 23.

⁴ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46/5. Л. 3.

⁵ ОГВ. 1905. 19 февраля.

⁶ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 31/4. Л. 8.

⁷ Там же, ф. 27, оп. 1, д. 46/5, л. 11 об., 12.

⁸ Там же, ф. 27, оп. 1, д. 44/6, л. 48.

⁹ ОГВ. 1899. 24 марта.

¹⁰ Там же.

¹¹ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46/5. Л. 9.

¹² Там же, ф. 27, оп. 1, д. 44/6, л. 63.

¹³ Там же, ф. 27, оп. 1, д. 46/5, л. 5.

¹⁴ Там же, ф. 27, оп. 1, д. 31/4, л. 25.

¹⁵ Там же, ф. 27, оп. 1, д. 46/5, л. 16.

В Пудожском уезде в начале XX века действовали Пудожское благотворительное общество (открыто в 1909 г.), Пудожский Ольгинский детский приют трудолюбия (открыт 1902 г.), богадельня, содержащая на капитал купцов братьев Малокрошечных (открыта в 1867 г.)¹⁶ и другие.

В Лодейном Поле благотворительного общества создано не было, однако здесь действовало Общество вспомоществования бедным семействам, (открыто в 1899 г.), в уезде же существовало Оштинское общество вспомоществования бедным и сирым (открыто в 1898 г.)¹⁷.

Таким образом, можно отметить не только большое количество различных благотворительных организаций, действовавших в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв., но рост их числа.

*Сподобаев А. В.,
общеобразовательная школа № 33 г. Петрозаводска*

Марк Пименович Пименов – один из виднейших предпринимателей Олонецкой губернии первой половины XIX века

В настоящей статье предполагается осветить некоторые аспекты деятельности одного из русских купцов-меценатов в такой необычной для России губернии, как Олонецкая. Одной из главных особенностей Русского Севера является то, что новгородская демократия и свобода деятельности в экономической и не только областях оказывается весьма поучительной и актуальной в наше время, начала XXI века.

Проблема благотворительности и заботы деловых людей о простом народе всегда оказывались в центре внимания в самые разные исторические периоды, а тем более – во времена определения и поисков национальной идеи и цели существования русского народа.

Особое внимание в этом смысле привлекает личность М. П. Пименова.

Марк Пименович Пименов (1801–1865) – купец первой гильдии, коммерции советник, потомственный почётный гражданин, благотворитель.

Родился Марк Пименович в селе Шокша Петрозаводского уезда в семье крестьянина-вепса. Начиная карьеру в качестве приказчика и доверенного лица шокшинского торгующего крестьянина П. Варапайкина, занимавшегося каменными подрядами в Петрозаводске и Санкт-Петербурге и нанимавшего для этой цели на родине артели из местных крестьян-каменотёсов.¹

Именно в Санкт-Петербурге раскрылся предпринимательский талант Пименова, в котором он жил с 1820-х годов. В 1836 году он заслужил высшее звание купца I гильдии. Зарекомендовал себя как организатор подрядных операций по строительству каменных зданий, мостов и набережных в Санкт-Петербурге и крепостных сооружений в Кронштадте.

Успеху деятельности купца свидетельствует тот факт, что в 1841 году он был единственным предпринимателем, взявшимся по личному распоряжению императора Николая I организовать строительство Аничкого моста, и успешно справился с подрядом.²

Предпринимательская деятельность Пименова по масштабам охватывала несколько регионов Российской империи: Олонецкая губерния, Санкт-Петербург, Кронштадт и Рыбинск.³

В начале 1850-х годов Пименов переезжает из Петербурга в Петрозаводск. Именно у себя на родине Пименов с полной активностью зарекомендовал себя как благотворитель. Это подтверждают следующие факты.

В 1842 году на деньги Пименова была построена церковь в его родном селе Шокша.⁴

В январе 1848 года Марк Пименов пожертвовал в пользу Петрозаводска деньги для строительства помещения пожарной охраны и пожарной трубы⁵. 21 апреля 1849 года он пожертвовал капитал для строительства и содержания детского приюта в Петрозаводске, который был назван Пименовским.⁶

В декабре 1853 года почётный гражданин М. Пименов пожертвовал средства на освещение города Петрозаводска.⁷

¹⁶ Там же, л. 14.

¹⁷ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46/5. Л. 7.

¹ В. Г. Богданов, Н. А. Короблёв, А. Ю. Жуков. История экономики Карелии. Кн. 1. Петрозаводск, 2005. С. 84.

² Там же.

³ История Карелии в документах и материалах (с древнейших времён до начала XX в.) : учеб. пособие для ср. шк. Петрозаводск, 2000. С. 134.

⁴ См. сн. 1.

⁵ Петрозаводск: 300 лет истории : документы и материалы. Кн. 2. 1803–1903 / науч. ред.: О. П. Илюха, Н. А. Короблёв, Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. С. 144.

⁶ Там же, с. 325.

⁷ См. сн. 3, с. 105.

В 1854 году при участии Пименова был построен новый деревянный корпус для Петрозаводской богадельни.⁸

Известен Пименов и как организатор мостостроения в Петрозаводске. В частности, по данному источнику 5 октября 1859 года Пименов использовал личный капитал для строительства моста через реку Лососинку в Заречной части города.⁹

Известен М. Пименов и как общественно-административный деятель. В 1853–1854 годах – городской голова Петрозаводска. Государство по достоинству оценило заслуги Пименова в предпринимательской и благотворительной деятельности, представив его к ордену Св. Анны III-й степени, ордену Св. Станислава II-й степени, несколько серебряных и золотых медалей.¹⁰

В конце XVIII – первой половине XIX веков (на фоне общероссийского) в Олонецкой губернии, как и в Российской империи в целом, наблюдается экономический подъём, связанный с развитием предпринимательства и рыночных отношений.

Купеческие династии XVIII – первой половины XIX века по изученным источникам представлены следующими фамилиями: Антоновы, Базегские, Захарьевы, Пименовы, Серебряковы. В этой связи огромный интерес представляет купеческое сословие, законодательно оформленное «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам») от 21.04.1785 года как торгово-промышленное сословие, пользовавшееся личными и хозяйственными привилегиями, обязанное уплатой налогов в казну,¹¹ что оказывается весьма актуальным в наш период, характеризующийся поиском соединения деловой и духовной национальной идеи русского народа.

*Пашков А. М.,
Петрозаводский государственный университет*

П. Н. Рыбников и переписи населения Петрозаводска 1863 и 1866 годов

В марте 1859 года в Петрозаводск был сослан участник студенческого движения Павел Николаевич Рыбников (1831–1885). Вскоре он стал известен как выдающийся русский фольклорист и этнограф, записавший в Олонецкой губернии уникальное собрание былин, изданное им в сборнике «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Т. 1–4. М., Петрозаводск, СПб., 1861–1867)¹. П. Н. Рыбников покинул Петрозаводск в декабре 1866 года. Его жизнь и научная деятельность во время пребывания в Петрозаводске неоднократно были предметом глубокого научного изучения². Но практически все авторы писали о нём как о фольклористе и этнографе, либо как о ссыльном революционере. Поэтому многие другие эпизоды его научной деятельности оказались забытыми. В данной статье будет сделана попытка дать характеристику проведённым под руководством П. Н. Рыбникова подворным переписям населения Петрозаводска в 1863 и 1866 годах.

В 1860-е годы, в связи с ростом городского населения и изменениями в социальном составе жителей городов, вызванными возросшей миграцией в города и изменениями социального статуса жителей городов из-за перехода из одного сословия в другое, стали проходить переписи населения отдельных городов России. Инициатором проведения этих городских переписей был Центральный статистический комитет, который в 1864 году возглавил выдающийся географ П. П. Семёнов. В 1862–1897 годах по России прошло 98 городских переписей³.

Первая перепись населения Петрозаводска в основном была проведена 21–25 апреля 1863 года. Ей предшествовала серьёзная подготовка: «Для исчисления населения в городе Петрозаводске город был предварительно разделён на 12 участков по 40–80 домов. Для каждого дома был заготовлен особый печатный

⁸ Петрозаводск: Хроника трёх столетий. 1703–2003 / под ред. Н. А. Кораблёва, В. Г. Макурова, М. А. Мишиной, Ю. А. Саватеева. Петрозаводск, 2002. С. 79.

⁹ См. сн. 5, с. 148.

¹⁰ См. сн. 8, с. 80.

¹¹ Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Том 3 «К–М». М., 2000. С. 212.

¹ Новейшее издание: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1–3. Петрозаводск, 1989–1991.

² Биографию П. Н. Рыбникова и библиографию работ о нём см.: Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. М. 1. М., 1909. С. VII–XLIX; Яковлев Н. Рыбников Павел Николаевич // РБС. Т. «Романова–Ряговский». Пг., 1918. С. 650–655; Чистов К. В. Рыбников Павел Николаевич // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 296–297. Подробнее о краеведческой деятельности П. Н. Рыбникова в годы петрозаводской ссылки см.: Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М., Л., 1954. С. 43–74; Разумова И. А. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск, 1989. С. 9–43; Она же. Научно-общественная деятельность П. Н. Рыбникова в Олонецкой губернии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 46–54.

³ Плошко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики. М., 1990. С. 102.

бланк с названиями сословий и фамилиями домовладельцев, о которых сведения были заблаговременно собраны из полиции... Таким образом, была подготовлена возможность поверить данные о населении каждого дома и каждого участка». Готовились к переписи и сами переписчики: «Самое собрание сведений было возложено на некоторых членов местного статистического комитета и чиновников канцелярии начальника губернии, которые условились между собою в способах собирания данных и причислении известных классов общества к известным сословиям и согласились на первый раз ограничиться исчислением жителей по сословиям, вероисповеданиям и грамотности».

По итогам переписи было создано три больших сводных таблицы. В первой таблице «О числе жителей Петрозаводска по сословиям» население было разделено по сословиям на 21 категорию. Больше всего оказалось мещан (1339 муж. и 1267 жен.), мастеровых Александровского завода с семьями (730 муж. и 909 жен.), крестьян разных сословий (379 муж. и 379 жен.), нижних чинов с семьями (1593 муж. и 300 жен.), отставных и бессрочноотпускных нижних чинов (219 муж. и 283 жен.) и солдатских детей (240 муж. и 267 жен.). Потомственных и личных дворян в городе насчитали 554 муж. и 506 жен., потомственных и личных почётных граждан и купцов 277 муж. и 287 жен. и представителей духовенства 82 муж. и 59 жен. Многих жителей не могли приписать к какой-то категории, поэтому лиц, не принадлежащих ни к одному из разрядов, оказалось 515 муж. и 317 жен. Общее население Петрозаводска по апрельской переписи 1863 года составило 5937 муж. и 4579 жен.

Организаторы переписи столкнулись с рядом трудностей. В 1862 году мастеровые Александровского завода были причислены к мещанам по мере выслуги лет, поэтому часть из них уже стала юридически мещанами, а другие продолжали числиться мастеровыми. Собственно мещан оказалось 918 муж. и 952 жен. Принадлежность же части мастеровых к мещанству пришлось уточнять по именным спискам мещан в городской думе. К неопределённой категории жителей пришлось причислить 109 учащихся духовной семинарии и 135 учеников уездного духовного училища, а также 81 выходца из Финляндии.

Много вопросов вызвала разница о подсчётах населения между полицейскими данными по состоянию на 1 января (11657 чел.) и данными переписи 21–25 апреля (10516 чел.). Чиновники ОГСК объясняли это тем, что зимой в Петрозаводске постоянно работает «значительное число государственных и горнозаводских крестьян, которые к весне расходятся по домам». Поэтому в апреле численность этих крестьянских сословий уменьшилась на 719 мужчин и 800 женщин.

Апрельская перепись также выявила конфессиональный состав петрозаводчан. Подавляющее большинство жителей считались православными (5399 муж. и 4263 жен.). За ними с большим отрывом следовали иудеи (в таблице – «евреи») (151 муж. и 168 жен.), лютеране (150 муж. и 121 жен.), католики (203 муж. и 18 жен.). Завершали список конфессий магометане (30 муж. и 2 жен.) и «раскольники» (старообрядцы) (4 муж. и 7 жен.). Интересна также третья таблица переписи 1863 года, посвящённая уровню грамотности жителей Петрозаводска. По собранным данным среди мужчин грамотных было 2380 чел. и неграмотных – 3557 чел., а среди женщин соответственно 768 и 3811⁴.

Перепись 1863 года собрала интересную информацию по социальному, конфессиональному составу и уровню грамотности жителей Петрозаводска. Собранные данные позволяют с разных сторон рассмотреть состояние городского населения. Одновременно с проведением переписи совершенствовалась и текущая статистика населения Петрозаводска. По итогам 1863 года были собраны сведения о населении города по 16 сословиям и сословным группам и 6 конфессиям, рождаемости, смертности и брачности в сравнении с 1862 годом, а также о смертности по полу и возрасту⁵. В отчёте о деятельности Географического общества за 1863 год отмечалось оживление деятельности статистических комитетов в ряде губерний, включая и Олонецкую, выразившееся в проведении «переписи народонаселения»⁶. Таким образом, деятельность ОГСК в области демографической статистики в 1863 году была замечена даже таким ведущим научным учреждением того времени, как Русское географическое общество.

В отчёте ОГСК за 1863 год П. Н. Рыбников отметил, что «членами комитета и чиновниками канцелярии губернатора народонаселение Петрозаводска было перечислено подворно по сословиям, вероисповеданиям и грамотности, и результаты исчисления напечатаны в ОГВ и “Памятной книжке” губернии на 1864 год». Но результаты переписи 1863 года вскоре перестали устраивать членов ОГСК. Во-первых, были собраны сведения только по трём показателям, а, во-вторых, в условиях проводимых в 1860-х годах реформ и эти сведения быстро устарели.

Поэтому ОГСК не ограничился проведением переписи в 1863 году. В то время в России вводился новый принцип учёта населения – одномоментная всеобщая перепись по европейскому образцу. Возможно, поэтому было решено провести новую однодневную «общую перепись жителей Петрозаводска» 24 апреля 1866 года. Накануне этой переписи город был разбит на 72 квартала и дома в каждом квартале были внесены в печатные списки. О ходе и результатах переписи П. Н. Рыбников отчитался на заседании ОГСК 10 мая 1866 года: «Списки... были распределены между членами комитета, согласно принятому ими между собою соглашению. 24... апреля... совершилась самая перепись без особых затруднений, и в начале мая списки поступили в комитет

⁴ Исчисление народонаселения города Петрозаводска. От Олонецкого губернского статистического комитета // ОГВ. 1863. № 22 (от 8 июня).

⁵ Олонецкая летопись // ОГВ. 1865. № 2 (от 16 января).

⁶ Статистические комитеты // ОГВ. 1864. № 13 (от 28 марта).

полным количеством. По проверке их не оказалось особых ошибок и упущений против форм... Данные по графам о возрасте, вероисповедании, образовании и семейном положении обывателей были собраны без затруднения. Но зато встретились некоторые недоумения при распределении некоторых сведений о жителях по сословиям и занятиям...» По итогам переписи выяснилось, что в Петрозаводске в 851 доме проживает 6079 мужчин и 5129 женщин. Из 851 дома казённых домов было 34, общественных – 6, церковных и монастырских – 7 и частных – 804. В итоговых данных население по возрасту было распределено на 4 группы: моложе 5 лет (1454 чел.), от 5 до 17 лет (2644 чел.), от 17 до 55 лет (6328 чел.) и «старее 55 лет» (732 чел.). По сословиям больше всего в Петрозаводске было:

дворян потомственных	361 чел.
дворян личных	765 чел.
лиц духовного звания	254 чел.
личных почётных граждан	329 чел.
мещан	1516 чел.
крестьян	1311 чел.
нижних военных чинов на службе	1024 чел.
нижних военных чинов отставных	406 чел.
солдатских детей	547 чел.
лиц, не входящих в предыдущие разряды	1044 чел.
Но больше всего в Петрозаводске было мастеровых:	
мещан из бывших мастеровых	2365 чел.
отставных мастеровых Александровского завода	500 чел.
мастеровых, дослуживающих сроки	60 чел.

По вероисповеданию в Петрозаводске среди жителей преобладали православные (10374 чел.), но имелись и «раскольники» (21 чел.), католики (175 чел.), протестанты (485 чел.) и иудеи (144 чел.). Перепись позволила собрать сведения и об уровне образования петрозаводчан. Оказалось, высшее образование получили или получали 81 чел., среднее – 477 чел., в училищах учились или учатся 908 чел., умеющих читать и писать было ещё 2892 чел., а неграмотных было 6931 чел. Эти сведения представляют большой интерес для понимания того, каким был Петрозаводск в 1860-е годы, во время пребывания там П. Н. Рыбникова.

Кроме статистических таблиц П. Н. Рыбников подготовил текстовый анализ некоторых показателей. Так, по поводу распределения жителей по возрастам он писал: «Преобладание населения взрослых мужчин от 17 до 55 лет (3617 чел.) над населением женщин (2711 чел.) объясняется тем, что в числе обывателей города Петрозаводска много пришедших мужчин, например, одних служилых людей 1381, из которых многие холостые и совсем бессемейные». Также в числе мастеровых и рабочих (1168 чел.) находится часть из 718 чел. пришедшего крестьянского сословия, между которыми есть тоже бессемейные или, по крайней мере, проживающие в городе без жен, что видно из того, что при 718 крестьянах крестьянок только 593. Не менее любопытны его рассуждения о распределении жителей по вероисповеданию: «Число женщин католического исповедания (17) относительно мужчин (158) ничтожно и объясняется тем, что большая часть сих последних принадлежит к нижним военным чинам, между которыми женатых вообще немного (при 911 солдатах на службе только 113 душ женского пола). Евреи в огромном большинстве (за исключением 3–4 человек) тоже из нижних военных чинов. Магометане – сосланные с Кавказа горцы. Протестанты принадлежат: 1) к служилому гражданскому сословию и 2) в числе 108 мужчин и 94 женщин к пришедшим на работу финляндским уроженцам». Интересны и сведения о семейно-брачном состоянии жителей Петрозаводска. По данным П. Н. Рыбникова из 3933 мужчин в возрасте от 17 до 55 лет женатых было 2116 чел. (53,8 %), холостых 1703 чел. (43,3 %) и «вдовых» 114 (2,9 %), а из 3127 женщин замужних было 1791 чел. (57 %), «девушек» 624 чел. и вдов 712 чел. По уровню образования в материалах переписи выделены пять групп: имеющие или получающие высшее образование (1,2 % мужчин и 0,15 % женщин), имеющие или получающие среднее образование (6,63 % муж. и 1,72 % жен.), окончившие или учащиеся в училищах (14 % муж. и 1,11 % жен.), грамотные (30,8 % муж. и 17,2 % жен.) и неграмотные (47,1 % муж. и 79 % жен.).

По поводу занятости населения П. Н. Рыбников писал: «Из числа 3617 мужчин с действительно определёнными занятиями оказывается только 2992 чел., то есть 82,7 %... Чтобы объяснить разность между 3617 и 2992 следует припомнить, что в городе числится, во-первых, 157 лиц духовного звания, 239 отставных мастеровых и 192 воспитанника семинарии и духовного училища. Из числа этих 588 многие лица старше 17 и моложе 55 лет, а между тем отнесены к последней категории без определённых занятий. Из 2992 человек в военной службе показано 905... и в гражданской 476, то есть, вообще в службе 1381 чел., что составит немного менее 46,2 % трудящихся. Одна эта цифра объясняет прозрачность городской деятельности Петрозаводска и указывает, что он центр деятельности административной... Из 2117 способных к труду женщин с определёнными занятиями показаны только 572, то есть 24,1 %... По отношению к 572 торговли составляют 7 %, ремесленницы 2 %, прислуга 89 %, прочие менее 3 %».

Уже приведённые сведения позволяют сделать вывод, что проведённая под руководством П. Н. Рыбникова перепись 24 апреля 1866 года прошла вполне успешно и впервые в истории города удалось получить уникальную и разностороннюю информацию о его жителях.

К участию в переписи П. Н. Рыбников привлёк горнозаводских чиновников во главе с начальником Олонецких горных заводов генерал-майором Н. А. Фелькнером. Им была поручена перепись рабочих окраин Петрозаводска Голиковки и Древлянки (тогда Древлянкой назывался район современной улицы Гоголя, в XIX веке – Древлянской), населённых, в основном, мастеровыми Александровского завода. Результаты этой работы П. Н. Рыбников в своём докладе выделил особо: «...были собраны и обработаны сведения о населении 23 кварталов Голиковской и Древлянской части и к тому ещё присоединены данные о домовладении и количестве у обывателей скота и домашней птицы. К сожалению, последнего рода сведения были собраны не по всем кварталам, так что общего вывода сделать нельзя. В 23-х кварталах Древлянки и Голиковки 343 дома, 1931 душа мужского пола и 1799 женского пола. Скота в этих частях: в Голиковской, при 233 домах и 2706 душах населения: лошадей 62, коров 276, овец 66, коз 49, свиней 6, кур 1209, уток 3; в Древлянской: при 110 домах и 1024 душах населения: лошадей 47, коров 103, овец 8, коз 12, свиней 2, кур 431». Исходя из этих уникальных данных о населении рабочих окраин Петрозаводска, можно сделать вывод о том, что в 1860-е годы эти предместья носили не городской, а сельский характер.

П. Н. Рыбников планировал провести ещё более глубокую обработку анкет, чтобы получить ещё более разносторонние выводы. В докладе он отметил: «Но впереди предстоят ещё довольно любопытные исследования о распределении жителей по частям города и кварталам: какие сословия, возрасты и занятия по преимуществу сосредоточились в известной местности, каково в них распределение, образование и проч., например, при распределении болезней и падежа возможно было бы отметить местности, наиболее поражаемые и изучить причины появления и усиления эпидемий». К сожалению, каких-либо данных о дальнейших работах П. Н. Рыбникова по демографической статистике Петрозаводска обнаружить не удалось, вероятно, из-за отъезда учёного в конце 1866 года. А в дальнейшем ОГСК вообще отказался от проведения городских переписей и перепись 24 апреля 1866 года оказалась единственной до 1897 года. Доклад же П. Н. Рыбникова о подворной переписи Петрозаводска был опубликован в ОГВ⁷ и ПКОГ⁸.

Таким образом, можно сказать, что П. Н. Рыбников стоял у истоков демографической статистики Петрозаводска. О значении его деятельности в этой области говорит тот факт, что после его отъезда из Петрозаводска эта деятельность прекратилась и следующая перепись населения Петрозаводска прошла только в 1897 году, в рамках Первой Всероссийской переписи населения.

*Калинина Е. А.,
Эсsoйльская средняя школа*

Из истории народных библиотек Карелии в конце XIX начале XX века: Эсsoйльской (Сямозерской) сельской библиотеке 100 лет

В 2007 г. Эсsoйльской сельской библиотеке Пряжинского района исполняется 100 лет. Библиотека в Эсsoйле – одна из старейших библиотек республики, создана в 1907 г. В ней 2 200 читателей, 13 000 книг в фонде. Сельская библиотека.... Уютная, хранящая мир великих писателей и поэтов, художников и учёных, философов и литературоведов. В настоящее время библиотека живёт активной творческой жизнью. Литературная гостиная, элитарный клуб, читательские конференции, творческие мастерские, клубы по интересам, курсы карельского языка, встречи с карельскими поэтами и писателями – все эти формы работы стали популярными среди населения.

История развития библиотеки в Эсsoйле тесно связана с историей народного просвещения в Олонецком крае. Первые библиотеки в российской провинции появились при вновь открываемых школах в сельской местности. Подобными школьно-народными библиотеками могли пользоваться не только учащиеся школы, но и взрослое местное население согласно постановлению, утверждённому руководством Министерства просвещения. Так, министр народного просвещения 23 января 1871 г. уведомил попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, что «не встречает препятствий к допущению крестьян к бесплатному пользованию библиотеками сельских двух и одноклассных училищ»¹. Таким образом, первые библиотеки в Сямозерской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии появились при земских школах и руководили ими учителя, работающие в этих школах.

В середине XIX в. в Сямозерской волости находилось три земских одноклассных училища в селениях Сямозеро, Салменицы и Вешкелицы. Именно там впервые открылись школьно-народные библиотеки для учащихся школ и жителей села. Земские училищные библиотеки не располагали отдельными помещениями. Обычно книги находились прямо в классах, где для их хранения выделялся специальный шкаф или просто книжная полка. Книжные фонды были небольшими. В отчёте председателя Петрозаводского уездного совета

⁷ Журнал ОГСК 10 мая 1866 года // ОГВ. 1866. № 16 (от 14 мая).

⁸ Рыбников П. Н. Подворное народоисчисление Петрозаводска (24-го апреля 1866 года) // ПКОГ на 1867 год. Петрозаводск. 1867. Паг. 2. С. 195–203.

¹ НА РК. Ф. 1: Канцелярия Олонецкого губернатора. Оп. 1. Д. 114а/41. Л. 10.

И. Я. Закаменного в 1870 г. отмечалось, что фонд Сямозерской библиотеки составлял 19 томов (9 названий) книг, которые «приобретены на счёт 10 рублей, высланных из сумм Министерства Народного просвещения за 1869 г.».² Такими же фондами (от 15 до 25 книг) располагали и другие земские училищные библиотеки.

В начале 1880-х гг. существовавшие в Сямозерской волости школы были преобразованы в Министерские образцовые одноклассные сельские училища. С переходом школы в ведение МНП полностью изменилось финансирование школы. Материальное положение её значительно улучшилось. Министерство народного просвещения лучше финансировало школы своего ведомства, кроме того, дополнительное финансирование школ поступало из средств уездного земства. Училища снабдили учебными материалами, писчими принадлежностями. В училищные библиотеки поступили новые книги и учебные пособия. В отчёте учителя Вешкельской училища Михаила Никольского за 1878 г. указывалось, что в «библиотеке находится 104 книги»³. По данным таких же отчётов за 1878 г. в Сямозерской школе было 98 книг, в Салменижской школе – 116. Библиотекарями были учителя местных школ, не имея за это никакой дополнительной платы. Они выдавали учащимся книги и учебные пособия, следили за сохранностью книг, занимались переплётom ветхих изданий. Пользовались книгами в основном учащиеся и выпускники школ, реже – взрослое население. Книги были разного содержания. Больше всего – религиозной литературы, имелись также книги по воспитанию детей, культуре поведения, произведения И. А. Крылова и А. С. Пушкина.

В отчёте учителя Сямозерской школы П. И. Скворцова на имя инспектора народных училищ за 1892 г. указывалось, что дети «особенно охотно читают “Жития святых” П. Виноградова, “Соловецкий монастырь” С. Максимова, “Сказание о царь-граде” А. Погоского, “Рассказы о севастопольской обороне” Л. Толстого, “Геройская смерть Данилова и коханский бунт в 1875 г.” Иванова, “А. В. Кольцов и его песни” Парунова, “Роковой клад” А. Ситковой, “О Святых Московских митрополитах Петре и Алексее” и “О славном Мамаевом побоище” А. Майкова»⁴.

Благодаря меценатству и благотворительной деятельности предпринимателей – уроженцев сёл Сямозерской волости фонды школьных библиотек постоянно увеличивались. Купцы Мирон Смирнов из г. Йёэнсуу Великого княжества Финляндского, Иван Тимофеевич Акимов и его сын Василий из г. Выборга ежегодно, в качестве пожертвования, отправляли Сямозерской школе значительное количество книг. Так, в марте 1896 г. в Сямозерскую училищную библиотеку купцом В. И. Акимовым было направлено 100 книг, в 1906 г. И. Т. Акимовым «пожертвовано в фонд библиотеки полные собрания сочинений А. Загоскина и Н. В. Гоголя в золочёных переплётax»⁵.

Помогали библиотекам и сами жители сёл. Староста Сямозерского сельского общества Д. Фомин приобрёл на собственные средства несколько экземпляров книг для Сямозерской библиотеки, а житель села Салменицы Василий Станиславов – выделял деньги на покупку книг. Делали пожертвования и местные священники. Так, священники Сямозерской церкви Иван Моисеевич Скворцов, Вешкельской церкви Василий Блинов, Салменижской церкви Филипп Ефимович Семёнов подарили школьным библиотекам книги духовного содержания. Таким образом, фонды училищных библиотек к 1896 г. насчитывали уже от 500 до 700 экземпляров.

В начале XX в. правительство и Министерство народного просвещения приступили к разработке законопроекта о введении всеобщего обучения в России. В Олонецком губернском земстве вопрос о введении всеобщего обучения впервые обсуждался на губернском земском собрании в 1895 г. В то время Директором народных губернских училищ был Д. П. Мартынов. Именно он выступил с этой инициативой. На земском собрании была создана специальная комиссия по разработке плана всеобщего обучения, в состав которой «входили представители земства, министерства и духовного ведомства».⁶ Комиссией был разработан проект, согласно которому «предположено открыть 90 новых земских училищ, устроить ночлежные приюты..., принять меры к устройству школьных зданий».⁷ В проекте было намечено, в каких деревнях необходимо открыть школы. К осуществлению данного проекта приступили уже в 1896 г. 23 января этого года на очередном собрании Олонецкого губернского земства принято решение о выделении денежных сумм на вновь открываемые училища. При низших народных училищах намечалось учреждение школьных библиотек, конечно, из книг, дозволенных правительством. Так начался количественный рост земских и церковно-приходских школ в Сямозерской волости.

В 1896 г. были открыты школы в селениях Угмойле и Чалкосельке, в 1897 г. в Проккойле, Лахте, Миккелицах и Нинисельге, в 1902 г. в Улялеге, в 1905 г. в Чуйнаволоке, в 1907 г. в Курмойле и Савиладче, в 1911 г. в Корзе и Руге, в 1912 г. в Ламбисельге. Во всех этих школах были сразу же открыты училищные библиотеки. Библиотеками разрешалось пользоваться учащимся и местным жителям. Земские училищные библиотеки постепенно становились распространителями полезных знаний не только среди обучающихся в школе детей, но среди взрослого населения. Каждая школа в Сямозерской волости имела ученическую и учительскую библиотеку. Учительская библиотека состояла из учебных пособий, справочников и методических

² НА РК. Ф. 42: Олонецкий губернский епархиальный совет. Оп. 1. Д. 5/18. Л. 154.

³ НА РК. Ф. 17: Директор народных училищ. Оп. 1. Д. 13/118. Л. 61.

⁴ НА РК. Ф. 78. Оп. 6. Д. 1/2. Л. 31.

⁵ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 59/659. Л. 6.

⁶ Еремеев К. С. Земская и церковная школа в Олонецком крае // Русская мысль. 1903. Кн. 10. С. 106.

⁷ Там же.

материалов для проведения уроков в начальной школе. Так, например, в Сямозерской библиотеке в 1892 г. находились руководства для учителя по проведению различных уроков. По закону Божьему – Д. Соколова «Начальное наставление в православной и христианской вере», по правописанию – Д. А. Мартынова «Русский грамотей», по арифметике – С. Евтушевского «Учительский задачник», Д. А. Мартынова «Сборник задач» и «Учительский задачник по арифметике» и другие. Учителя в отчётах указывали, что они постоянно пользуются учебными пособиями, составленными директором народных училищ Олонецкой губернии Д. А. Мартыновым.

Большое значение в развитии внешкольного народного образования играли земства. Земские учреждения на своих заседаниях рассматривали вопросы об открытии библиотек в сельской местности, выделяя на эти цели немало средств из своего бюджета, поднимали проблемы организации всей системы внешкольного образования народа. Земские деятели выступали за общедоступное и бесплатное посещение библиотек-читален. Известный земский деятель В. П. Вахтеров в своих работах по организации внешкольного образования в сельской местности отмечал: «Нужно планомерное проведение общедоступности и бесплатности пользования книгами. Принцип бесплатности требует, чтобы за пользование книгами, как читальнями, так и на дому не взымалось никакой платы, никаких залогов. А принцип общедоступности требует, чтобы создана была организация библиотек для всего населения, без всяких исключений»⁸. Серьёзной проблемой оставался вопрос о том, книги какого содержания должны быть в народных библиотеках. Здесь мнения земских деятелей и официальных властей расходились. Министерство народного просвещения обязывало библиотеки пользоваться только теми книгами, которые значились в каталоге МНП, а также книгами и журналами, издаваемыми с разрешения духовной цензуры. Земские деятели поднимали вопрос о «нецелесообразности существующей системы допущения и о необходимости отмены ограничительного каталога»⁹.

Олонецкое губернское земство, как и другие земства Российской империи, много времени уделяло решению вопросов развития внешкольного образования в крае. Так, в декабре 1906 г. на заседании Олонецкого губернского земского собрания ставился вопрос об организации «особого бюро по народному образованию, которое в широкой степени разработало бы и руководило делом внешкольного образования»¹⁰, а именно составило бы каталог книг для земских библиотек-читален, разрабатывало бы план организации книжных складов губернского земства, составляло бы доклады губернскому земскому собранию по вопросам внешкольного образования. В 1907 г. на содержание «особого бюро» было выделено 2500 рублей.

В ноябре 1907 г. Петрозаводская земская управа внесла предложения по улучшению положения внешкольного образования на рассмотрение Олонецкого губернского собрания. В ходатайстве уездной управы говорилось о снабжении всех земских школ ученическими и учительскими библиотеками, организации центральных библиотек в селениях, где находятся волостные правления, а «для наиболее глухих местностей ввести функционирование двух сумочных библиотек»¹¹.

В 1908 г. на заседании Петрозаводского уездного земства заведующий отделом народного образования Ф. Суханов представил доклад «О задачах деятельности земства по народному образованию в Олонецкой губернии. Он, в частности сказал: «По намеченной управой сети в первую очередь предполагалось открыть бы библиотеки-читальни в 500 рублей (такая сумма выделялась земством на содержание библиотеки) в 17 пунктах, а именно ...Шуе, Сямозере, Ладве...»¹².

В 1904–1907 гг. в Сямозерской волости начинают открываться народные библиотеки (в большинстве избы-читальни). Инициаторами открытия сельских библиотек выступило земство, которое брало на себя все расходы по содержанию народных изб-читален в сельской местности. Основное содержание народных библиотек составляло 500 рублей в год, в эту сумму входила оплата труда заведующего библиотекой – 380 рублей в год и содержание самого учреждения. Если же библиотека открывалось по инициативе частных лиц, то тогда существование библиотеки полностью зависело от сумм пожертвований этих меценатов.

Статус народной библиотеки отличался от училищной. Народные избы-читальни были самостоятельными учреждениями. Располагались они обычно в отдельных зданиях и имели в своём штате одного библиотекаря, которому вменялось в обязанность выдавать книги посетителям и следить за порядком в библиотеке. Если же не удавалось найти отдельное здание для устройства избы-читальни (обычно это был крестьянский дом), то тогда библиотека располагалась при училище, в отдельной комнате. Для работы в таких библиотеках требовался грамотный и «благонадёжный» человек. Выбор таковых специалистов в деревне был невелик, поэтому библиотекарями обычно становились учителя местных школ или их жёны, а также супруги сельских фельдшеров. Судя по архивным данным, на территории Сямозерья в 1907 г. действовало три народных библиотеки: в селениях Лахта, Сямозеро, и Вешкелицы. Все эти библиотеки были открыты по инициативе почётных блюстителей школ, которые получили на это разрешение от Петрозаводского уездного училищного совета.

⁸ Там же, с. 112.

⁹ Сырополко С. О. Ученические библиотеки // Народное образование в земствах (основы организации и практика дела). М., 1914. С. 202.

¹⁰ Сборник действующих постановлений и инструкций Олонецкого губернского собрания сессии 1901–1909 гг., Петрозаводск, 1910. С. 495.

¹¹ НА РК. Ф. 78: Инспектор народных училищ. Оп. 1. Д. 60/703. Л. 26.

¹² Суханов Ф. Грамотность и образование по всеобщей переписи 28 января 1897 г. и задачи деятельности земства по внешкольному образованию в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1908. С. 44.

Первая народная библиотека-читальня для местного населения была открыта в деревне Вешкелицы. «В 1904 году возникла в Вешкелице бесплатная библиотека-читальня. В основу библиотеки легли книги, пожертвованные разными лицами из местных обывателей»¹³ – сообщал в журнале «Вестник Олонецкого губернского земства» об открытии библиотеки в Вешкелицах её читатель. Уже в момент открытия фонд библиотеки насчитывал 300 книг. Все эти книги были приобретены на средства «инспектора народных училищ С. А. Лосева, преподавателя И. И. Скворцова, преподавателя Санкт-Петербургского Археологического института А. П. Воронова и жены профессора Санкт-Петербургского университета В. В. Веселовской»¹⁴. Петербургская либеральная профессура в 1890–1900-х гг. активно занималась просвещением народа. Бесплатно или за символическую плату читались лекции в так называемом «Народном университете» (на заводах), профессор Г. В. Форстен, его брат и ученики содержали народную школу в Новгородской губернии. В 1906 г. за счёт средств купца из Великого княжества Финляндского М. Я. Смирнова фонд библиотеки значительно пополнился.

Вскоре, в 1905 г. на благотворительные средства была открыта бесплатная народная библиотека при Лахтинском земском училище. Идя навстречу этому полезному делу, земское собрание текущего года ассигновало на Лахтинскую библиотеку пособие «в размере 25 рублей»¹⁵. Народная библиотека в Лахте была открыта благодаря заботам почётного блюстителя Лахтинского училища П. А. Федотова, бывшего жителя села Лахта, который переехал в Санкт-Петербург. На средства попечителя и по его инициативе в селе Лахта стала работать народная библиотека. Заведующим народной библиотекой-читальней стал учитель Лахтинского земского училища И. Печёрин, который получил утверждение в должности библиотекаря от Олонецкого губернатора в 1905 г.

Сямозерская изба-читальня начала работу в 1907 г. Её инициатором выступил бывший житель села Сямозера, выпускник Сямозерской школы купец И. П. Пезаев из г. Выборга. На его личные средства приобретены книги, выписаны газеты и журналы в количестве 474 экземпляров. В своём письме на имя инспектора народных училищ в 1907 г. И. П. Пезаев писал: «Я подумал посредством журналов развить библиотеку и читальню... и решил отправить для начала маленькую библиотеку. Я вполне знаю наше село, довольно крупное, грамотностью оно страдает»¹⁶. Просьба И. П. Пезаева рассматривалась в апреле 1907 г. на заседании Петрозаводского училищного совета, на котором было принято решение «об открытии в селении Сямозеро при училище бесплатной народной библиотеки»¹⁷. Заведовать библиотекой стал учитель Сямозерского училища П. И. Скворцов, который получил официальное разрешение на работу библиотекарем. Рапорты на утверждение П. И. Скворцова в новой должности, где указано: «поведение хорошее, образ жизни ведёт трезвый, в политическом отношении благонадежен»¹⁸, подписали: Петрозаводский уездный исправник, начальник Олонецкого жандармского управления, директор и инспектор народных училищ Олонецкой губернии, а также Олонецкий губернатор. В течение всего 1907 г. И. П. Пезаев пополнял фонд библиотеки-читальни в Сямозере из собственных средств. Уже к концу этого года в библиотеке насчитывалось 914 экземпляров книг различного содержания.

В марте 1909 г. по решению земской управы в Сямозерской волости открылась ещё одна библиотека-читальня в селе Угмойла. Петрозаводская уездная земская управа в своём докладе сообщала, что на совместные средства с губернским земством открыты и функционируют три библиотеки-читальни. Великогубская, открытая 20 февраля 1909 г., Толвуйская и Сямозерская в марте того же года¹⁹.

В январе 1910 г. по решению Олонецкого губернского земского собрания открыта ещё одна библиотека в селе Сямозеро на средства земства. Таким образом, в начале XX в. на территории Сямозерья было открыто 4 библиотеки-читальни для взрослого населения деревень. В селениях Лахта и Вешкелица это были школьно-народные библиотеки, открытые при училищах на средства попечителей, в селениях Сямозеро и Угмойла – на средства уездного земства. Библиотеки были открыты для всех желающих, без оплаты за посещение.

Положение библиотек-читален, открытых при народных училищах, и библиотек, открытых на средства уездного земства отличалось друг от друга. Библиотеки в Лахте и Вешкелицах (открытые на благотворительные средства) располагались в школьных зданиях. Для хранения книг в здании школы специально была выделена отдельная комната. Фонды библиотек пополнялись в основном благодаря помощи благотворителей и на незначительные средства Петрозаводского уездного земства. Как писал в своих отчётах учитель и одновременно заведующий библиотекой Лахтинского училища Н. Печёрин в 1907 г., «средств постоянных нет, но в основание пошли книги и журналы, выписанные попечителем Лахтинского училища. На пополнение библиотеки книгами уездное земство несколько раз ассигновывало по 25 рублей, а попечитель

¹³ Вестник Олонецкого губернского земства, 1907, № 15–16. С. 41.

¹⁴ НА РК Ф. 27: Олонецкий статистический комитет. Оп. 2. Д. 59/831. Л. 5.

¹⁵ Лосев С. Народное образование в Петрозаводском очередном земском собрании сессии 1905 года. Петрозаводск, 1905. С. 30.

¹⁶ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 60/688. Л. 4.

¹⁷ НА РК Ф. 78. Оп. 1. Д. 6/706. Л. 40.

¹⁸ НА РК Ф. 1: Канцелярия Олонецкого губернатора. Оп. 1. Д. 102/16. Л. 1.

¹⁹ Внешкольная деятельность земства Олонецкой губернии. Доклад по вопросам внешкольного образования к сессии губернского земского собрания в 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 21.

выписывает ежегодно несколько журналов и газету»²⁰ П. А. Федотов – попечитель Лахтинской школы выписывал для библиотеки следующие газеты и журналы: «Нива», «Сельский хозяин», «Юная Россия», «Педагогический листок», «Отклики народного учителя», «Юмористический альманах», «Былое», «Музыка и пение» и др., всего 10 наименований»²¹. В отчётах инспектора народных училищ Олонецкой губернии за 1908 г. отмечалось: «из библиотек самая богатая Лахтинская народная библиотека-читальня, благодаря усилению значительных пожертвований местного благотворителя Петра Алексеевича Федотова – жителя Санкт-Петербурга»²². В фонде Лахтинской библиотеки в 1913 г. насчитывалось 2500 книг.

Фонд Вешкельской избы-читальни к январю 1907 г. имел 581 экземпляр книг, большинство которых составляли книги религиозно-нравственного содержания. Выдача книг в библиотеке производилась ежедневно. Постоянными читателями в 1906 г. состояло 52 человека, временными – 11 человек». «В избе-читальне происходит обмен впечатлениями, вынесенными от чтения, а учитель Иван Леонтьев объясняет непонятное», – рассказывал в своей заметке один из читателей Вешкельской библиотеки в «Вестнике Олонецкого губернского земства»²³.

Народные библиотеки-читальни, открытые на счёт уездного земства, получали финансирование от земств и чаще всего они располагались в отдельных помещениях. Так, например, Сямозерская библиотека ежегодно получала 365 рублей из земских средств и находилась в наёмном помещении, в доме неграмотного крестьянина И. Стойкина за арендную плату 60 руб. в год. И. Стойкин предложил для открытия библиотеки «в верхнем этаже своего дома большую комнату»²⁴. Сохранился договор аренды квартиры для народной библиотеки от 1 февраля 1910 г., заключённый между Петрозаводской уездной управой и И. Стойкиным. В договоре, в частности указывалось, что И. Стойкин «обязуется содержать квартиру с отоплением и освещением в чистоте, мыть полы 1 раз в неделю и подметать ежедневно»²⁵. В 1909 г. заведующей библиотекой стала жена фельдшера Е. Шестихина, бывшая учительница, затем некоторое время библиотекой заведовал учитель Сямозерской школы П. И. Скворцов, в 1910 г. разрешение работать библиотекарем в Сямозере получила В. Ф. Чайкина. Фонды земских библиотек пополнялись на средства уездного земства, а также за счёт присылки книг из Санкт-Петербургского Комитета грамотности. Комитет грамотности был создан при Императорском Вольном Экономическом обществе в 1861 г. «для распространения грамотности и разных полезных знаний преимущественно в крестьянском сословии». В 1898 г. Комитет грамотности был передан в управление Министерства земледелия.

Заведующей библиотекой в Угмойле была Анна Лукинична Громова. Библиотекари земских библиотек получали жалование из средств земства – 180 рублей в год. Заведующие библиотеками составляли отчёты на имя инспектора народных училищ о своей работе. В отчётах они отмечали, что жители деревень посещают библиотеку чаще всего в зимнее время, с октября по февраль. В 1909 г. Угмойльскую библиотеку «посетило 113 человек, им выдана 531 книга»²⁶, большой популярностью пользовались книги по природоведению и художественная литература. В 1911 г. в Лахтинской народной библиотеке числилось 29 читателей, за 6 месяцев было взято 363 книги. По данным такого же отчёта в 1912 г. в Сямозерской библиотеке-читальне выдано читателям 2618 книг.

Таким образом, избы-читальни на селе являлись необходимым дополнением народной школы, способствовали тому, чтобы знания и навыки, даваемые школой, не забывались, а государственные средства, потраченные на обучение населения, не пропали. Информационная среда, с точки зрения просвещения сельского населения, в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. была достаточно узкой. В сельской местности количество каналов информации невелико. Школа, народная библиотека, учитель, фельдшер, приезжие в село гости – вот и весь перечень информационных каналов для народа. Именно поэтому в деле развития просвещения и грамотности крестьян народные избы-читальни играли большую роль.

Большое значение народных библиотек в жизни Российской провинции признавали все: и правительство, в лице Министерства народного просвещения, и общественность, и сами крестьяне. «Библиотеки необходимы для учителя, для учащихся и для грамотного населения, и этой тройной необходимостью вопрос о сельских библиотеках сам собой выдвигается на степень насущного и неотложного вопроса в деле образования», – так определял необходимость народных изб-читален один из земских деятелей В. П. Вахтеров²⁷. Важным условием успешного функционирования народной библиотеки является личность учителя-библиотекаря. Учитель не только являлся во многих случаях инициатором открытия библиотек, но и был «ближайшим её руководителем, нередко к тому же безвозмездно несущим труд библиотекаря»²⁸. Народные читальни становились основными

²⁰ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 6/816. Л. 35.

²¹ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 53/743. Л. 46.

²² НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 6/710. Л. 3.

²³ ВОГЗ, 1907, № 15–16. С. 41.

²⁴ НА РК. Ф. 14: Петрозаводская уездная земская управа. Оп. 2. Д. 71/721. Л. 8

²⁵ Там же. Л. 16

²⁶ НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 67/816. Л. 48.

²⁷ Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 6.

²⁸ Сырополко С. О. Народные библиотеки, порядок их открытия и ведения // Вопросы и нужды учительства. Сб. ст. М., 1909. С. 33.

каналами распространителями грамотности среди населения и вовлечения крестьян в активную социальную жизнь.

*Дианова К. А.,
Петрозаводский государственный университет*

Карельское Поморье на страницах «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (1909–1911 гг.)

14 декабря 1908 г. было учреждено «Архангельское общество изучения Русского Севера» (АОИРС), которое действовало в 1909–1920 гг. Данная организация являлась сообществом местных краеведов, которые своей деятельностью внесли определённый вклад в изучение Европейского Севера. Несмотря на то, что с приходом Советской власти Общество было ликвидировано, оно сумело за период своего существования заложить определённые основы для последующего развития современного регионоведения.¹

Согласно «Уставу АОИРС», целью Общества было изучение Русского Севера в историческом, географическом, бытовом, культурном и экономическом отношениях, а также привлечение правительственного и общественного внимания к нуждам и особенностям Севера. Для достижения поставленной цели руководители АОИРС планировали собирать различного рода материалы, относящиеся к сфере деятельности Общества, организовывать научные исследования и экспедиции, устраивать тематические выставки и т. д. Основные результаты краеведческой работы данного Общества находили отражение на страницах его собственного периодического издания – журнала «Известия АОИРС». Самый первый номер «Известий АОИРС» вышел 15 мая 1909 г. – с этого момента был налажен выпуск журнала два раза в месяц. Таким образом, за 1909 год вышло 15 выпусков, за все последующие годы, вплоть до 1914 г. – по 24 выпуска ежегодно.

Журналы первого года существования «Известий» значительно отличаются от последующих: они меньше по объёму, содержат более узкий спектр затрагиваемых вопросов, в основном посвящены проблемам города Архангельска. Именно поэтому во всех номерах за 1909 г. встречаются лишь четыре статьи, связанные с карельским Поморьем: «О желательных улучшениях сообщений по Летнему берегу Белого моря» (В. Бартенев)², «К вопросу об истории северных крестьян» (М. Островская)³, «Из путешествия в Сороцкую Карелию: путевые наброски» (В. Мелентьев)⁴ и «Север России и удлинение навигации на Белом море» (Д. Любавин)⁵. Уже в следующем, 1910 г., в «Известиях» встречается гораздо больше материалов о карельском Поморье: как эпизодическая информация в разделах общего характера («Рыбные промыслы», «Разные известия», «Рыбоводство и рыболовство», «Железнодорожные пути» и проч.), так и полноценные статьи, посвящённые данной проблематике.

Все статьи в журналах за 1910–1911 гг., посвящённые проблемам Поморья, можно разделить на две группы: информация о состоянии поморских промыслов и материалы о быте карельских поморов. Кроме этого, встречаются отдельные заметки или упоминания об истории, образовании, развитии железнодорожного транспорта на Севере, лесном деле, культурных событиях и т. д.

Практически все авторы, обращавшиеся к изучению Поморья на страницах «Известий», подчёркивали тот факт, что данная территория является совершенно особым регионом Российской империи: в частности, невозможность ведения сельского хозяйства и огородничества заставила местное население заниматься всевозможными промыслами, что, в свою очередь, в определённой степени отразилось на ментальности поморов⁷⁴.

В силу того, что промыслы стали одним из определяющих факторов экономического развития Поморья, данной проблеме посвящено большое количество статей и заметок. В «Известиях» очень подробно описаны как все рыбные промыслы в целом⁷⁵, так и отдельные промыслы – наважий, сельдяной⁷⁶, семужий⁷⁷ и др. Так, М. Шпир в своей статье «Зимние звериные промыслы» писал: «Звериными промыслами занимаются крестьяне зимой, на Белом море. Для этого они собираются в специальных избушках и ждут благоприятных ветров для спуска в море, из которых лучшие SW и W. Для промысла крестьяне группируются по три и семь человек на

¹ Орешина М. А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000.

² Известия АОИРС. 1909. № 7. С. 56–60.

³ Там же. № 8. С. 30–36.

⁴ Там же. № 11. С. 21–40.

⁵ Там же. № 15. С. 36–62.

⁷⁴ Каменев А. А. Из жизни Поморья // Известия АОИРС. 1910. № 7. С. 18–19.

⁷⁵ Каменев А. А. Из жизни Поморья // Известия АОИРС. 1910. № 1. С. 26–27.

⁷⁶ Остроумов Е. Из картинок сельдяного промысла в с. Сороке // Известия АОИРС. 1910. № 8. С. 27–31.

⁷⁷ Зло в семужьем промысле Кеми Архангельской губернии // Известия АОИРС. 1910. № 4. С. 26.

лодку, которые в зависимости от вместимости носят названия “тройников” и “семериков”. В “тройниках” спускаются в море для разведки зверя, а затем уже в “семериках”, а то и вместе. Найдя залежку зверя, животных бьют багром, снимают шкуру с салом и в лодках свозят на берег. Найдя зверя в одиночку – бьют из ружья. Ценными являются детёныши тюленя – “бельки”. Самца и самку тюленя промышленники называют “лысуном” и “утельгой”».⁷⁸

Кроме того, авторы «Известий» неоднократно поднимали проблемы современного им состояния промыслов, которое, по их мнению, находилось в упадке и требовало содействия правительства для своего возрождения. Это нашло отражение в статьях «Мурманские морские рыбные промыслы и их реализация»⁷⁹, «Наживочный вопрос в Мурманском рыбном промысле»⁸⁰, «Об оживлении Мурмана»⁸¹, «По поводу налога на рыбу» В. Ленгауэра⁸², «Рыбные промыслы Мурмана и его колонизация»⁸³ и «Территориальная полоса и охрана морских промыслов на Севере»⁸⁴ В. Држевецкого, «К вопросу об обложении мурманской рыбы сбором»⁸⁵ и «Мурманско-Канинские рыбные промыслы»⁸⁶ Н. Копытова, «Несколько слов о мурманском промысле»⁸⁷, «Ещё о сёмге в Архангельской губернии» А. Яреньгина⁸⁸, «Промысловые нужды Мурмана» А. Мухина⁸⁹, «Северные рыбные промыслы и неотложные меры к их развитию» К. Спаде⁹⁰.

Рыбным промыслам в Карельском Поморье были также посвящены отдельные статьи: «Рыболовство в Архангельской Карелии, близ границы Финляндии» П. Романова⁹¹, «На семужем промысле: из быта подужемян Кемского уезда» А. Каменева⁹², «Торги в Сорочкой волости Кемского уезда»⁹³. Проблемы различных промыслов поморов затрагивались также в регулярных рубриках «Известий»: «Рыбные промыслы», «Рыболовство и охота», «Рыболовство и рыбоводство». Так, например, в 1910 г. в декабрьском номере «Известий АОИРС» о рыбных промыслах в Сорочкой губе Белого моря писалось следующее:

«Начиная с 20 ноября в Сорочке Архангельской губернии идёт обильный улов сельди: вылавливают от 15 до 25 млн каждый день. Погода стоит мягкая – 1 градус мороза. Сельди морозятся очень плохо, вследствие чего цена сельдей упала до 35 копеек за тысячу штук... Не хватает лошадей для вывозки сельдей с губы, так как некоторые удачники затягивали до 500 пудов в невод. Съехалось много покупателей... Общий улов выражается на 27 ноября около 130–150 млн или 200000 пудов. Сорока и все окружающие её селения в настоящее время представляют необычайное зрелище: сельди во дворах, сельди по улицам, сельди на дорогах, на губе, на реке. Промышленники выбились из сил: день ловят, а ночью приходится вывозить сельди с губы, нет времени для сна и отдыха».⁹⁴

Особый интерес представляют статьи, написанные как путевые заметки или воспоминания после посещения Поморья, где авторы стремятся познакомить читателей с самобытностью и особыми традициями Поморского края: «Полтовская корга»⁹⁵ и «Из воспоминаний о посещении карельской деревни»⁹⁶ А. Каменева, «Терский берег» П. Таратина⁹⁷, «Летом в Поморье» Е. Остроумова⁹⁸, «Карельские сюжеты» В. Мелетиева⁹⁹, «Из дневника карельской учительницы: путешествие в архангельскую Карелию»¹⁰⁰, «Из воспоминаний о службе в Архангельской губернии» М. Ломберга¹⁰¹, «Из дневника учащихся Архангельской Карелии»¹⁰².

Вопросы развития лесной и деревообрабатывающей промышленности Поморья были затронуты в статьях «К вопросу о нуждах лесов нашего Севера»¹⁰³ и «К вопросу о казённых лесах Севера»¹⁰⁴ И. Сурожа, «В лесах,

⁷⁸ Шпир М. Зимние звериные промыслы // Известия АОИРС. 1910. № 2. С. 17–18.

⁷⁹ Известия АОИРС. 1910. № 10. С. 12–16.

⁸⁰ Там же. № 16. С. 18–19.

⁸¹ Там же. № 20. С. 30–32.

⁸² Известия АОИРС. 1910. № 21. С. 1–3.

⁸³ Там же. № 21. С. 3–10; № 22. С. 1–15; № 23. С. 17–31.

⁸⁴ Там же. № 24. С. 20–29.

⁸⁵ Известия АОИРС. 1911. № 3. С. 212–213.

⁸⁶ Там же. № 11. С. 845–854.

⁸⁷ Там же. № 12. С. 967–972.

⁸⁸ Там же. № 12. С. 988–989.

⁸⁹ Там же. № 17. С. 423–427.

⁹⁰ Там же. № 21. С. 716–724.

⁹¹ Там же. № 22. С. 30–32.

⁹² Известия АОИРС. 1910. № 22. С. 32–33.

⁹³ Известия АОИРС. 1911. № 5. С. 391–392.

⁹⁴ Известия АОИРС. 1910. № 23. С. 105.

⁹⁵ Там же. № 1. С. 24–26.

⁹⁶ Там же. № 5. С. 14–18.

⁹⁷ Там же. № 5. С. 12–14.

⁹⁸ Там же. № 12. С. 19–21.

⁹⁹ Там же. № 13. С. 14–25.

¹⁰⁰ Известия АОИРС. 1911. № 7. С. 558–561.

¹⁰¹ Там же. № 11. С. 881–890; № 13. С. 25–36; № 16. С. 357–361.

¹⁰² Там же. 1911. № 14. С. 113–117.

¹⁰³ Известия АОИРС. 1910. № 24. С. 1–20.

горах и посёлках Архангельской Карелии» П. Романова¹⁰⁵, «Истребление лесов в Поморье» А. Александра¹⁰⁶, «Жизнь рабочих по сплаву брёвен в Архангельской Карелии» М. Бубновского¹⁰⁷, а также в рубрике «Лесное дело»¹⁰⁸.

В «Известиях» есть также материалы, посвящённые водным и железнодорожным путям в Поморье. В основном, это заметки в постоянных рубриках журнала: «Судоходство и водные пути»¹⁰⁹ и «Железнодорожные пути»¹¹⁰. Кроме того, встречаются и отдельные статьи, например: «Об удлинении навигации на Белом море»¹¹¹, «Плавание весной 1909 года в Белом море»¹¹² и «Ветры и льды 1910 г. в Белом море и у Новой Земли»¹¹³ И. Ануфриева, а также «О железной дороге на Мурмане»¹¹⁴.

Особое внимание некоторые авторы уделяли взаимоотношениям карельского Поморья с сопредельными северными территориями, что также нашло отражение на страницах «Известий»: «Беломорский Край и Финляндия»¹¹⁵, «К истории Русского Севера: русско-норвежские отношения»¹¹⁶, «Сношения архангельских карел с Финляндией»¹¹⁷.

Судьбе старообрядцев в Карельском Поморье в «Известиях АОИРС» за 1909–1911 гг. посвящена всего одна статья – «Пертозерский раскольничий скит»¹¹⁸ К. Рогачева. В этой статье говорится о том, что в 1830-е годы в Пертозеро приехала жить вдова прапорщика Анна Карташева с сыном и дочкой из Петербурга – «закоренелая раскольница». Вскоре она стала собирать вокруг себя пустынь, которую после её смерти возглавила её дочь Анфиса. В 1849 г. пустынь была уничтожена, её обитатели были выселены, скиты срыты и сожжены. Однако в конце XIX в. пустынь была возрождена – автор описывает современное ему её состояние.

Помимо этого, упоминания отдельных поморских городов и местностей можно встретить в статьях, посвящённых Архангельской губернии в целом: «Холера в Архангельской губернии» Капельса¹¹⁹, «Об особенном значении мелiorативного кредита в деле развития земледельческого промысла в Архангельской губернии» И. Тулубьева¹²⁰, «Народное образование в Архангельской губернии в связи с проектом всеобщего обучения» В. Покровского¹²¹, «В ожидании земства в Архангельской губернии» Е. Остроумова¹²², «Из истории поземельной общины на Русском Севере» М. Богословского¹²³ и других.

Некоторые статьи «Известий» дают полное представление о быте поморов, особенностях их хозяйственного устройства и традициях. В Поморье, помимо прочих особенностей, были несвойственные для других регионов России взаимоотношения полов, что обратило на себя внимание некоторых авторов. В частности, Е. Остроумов отметил, что когда летом все мужчины уезжают на промыслы, «в поморских деревнях наступает настоящее бабье царство... Мужчин остаётся на лето так мало, что иногда волостной старшина или судья с трудом находят дряхлых стариков в заместители себе на летнее время. Низшая же деревенская должность – десятского летом здесь обыкновенно исполняется женщинами. Женщины, в случае надобности, сопровождают и арестованных...»¹²⁴. В одном из следующих номеров Е. Остроумов развил тему гендерных отношений¹²⁵. На этот раз он отметил, что у поморов экономическое благосостояние зависит от промыслов, которыми занимаются мужчины, поэтому большую часть времени на хозяйстве находятся женщины. В связи с хозяйственной деятельностью первенство мужчин в Поморье общепризнанно – это ведёт к пренебрежительному отношению к женщинам. Как считает автор, повысить авторитет женщин могло бы развитие женских промыслов – таких как кружевоплетение в Вологде. Также особо отмечен тот факт, что

¹⁰⁴ Известия АОИРС. 1911. № 2. С. 110–119.

¹⁰⁵ Там же. № 5. С. 386–388.

¹⁰⁶ Там же. № 8–9. С. 699–701.

¹⁰⁷ Там же. № 19. С. 596–604.

¹⁰⁸ Известия АОИРС. 1910. № 16. С. 61–72; № 19. С. 70–73; № 23. С. 83–91; 1911. № 5. С. 409–412; № 6. С. 504–507; № 8–9. С. 712–717; № 22. С. 838–840; № 23. С. 913–914.

¹⁰⁹ Известия АОИРС. 1910. № 3. С. 60; № 21. С. 71–74; № 23. С. 91; 1911. № 4. С. 327–331; № 18. С. 549–551; № 19. С. 620–622.

¹¹⁰ Известия АОИРС. 1911. № 1. С. 58–60; № 2. С. 144–148; № 7. С. 592; № 22. С. 841; № 23. С. 915–916; № 24. С. 965–966.

¹¹¹ Известия АОИРС. 1910. № 4. С. 26–27.

¹¹² Там же. № 11. С. 19–21.

¹¹³ Там же. № 16. С. 1–7.

¹¹⁴ Там же. № 9. С. 19–20.

¹¹⁵ Там же. № 3. С. 1–6.

¹¹⁶ Там же. № 11. С. 21–33.

¹¹⁷ Известия АОИРС. 1911. № 7. С. 561–564.

¹¹⁸ Известия АОИРС. 1910. № 6. С. 12–16.

¹¹⁹ Там же. № 10. С. 16–19.

¹²⁰ Там же. № 18. С. 1–11.

¹²¹ Там же. № 21. С. 32–43.

¹²² Известия АОИРС. 1911. № 4. С. 274–285.

¹²³ Там же. С. 294–301.

¹²⁴ Остроумов Е. Летом в Поморье // Известия АОИРС. 1910. № 12. С. 19.

¹²⁵ Остроумов Е. Мужчина и женщина в Кемском Поморье // Известия АОИРС. 1910. № 15. С. 26–28.

в связи с неразвитостью сельского хозяйства в Поморье нет ранних браков среди мужчин, как это развито у крестьян земледельческих районов. Г. Цейтлин в своей статье «Летом в тундре: страдная пора в Поморье» поведал о нелёгком женском труде в Поморье в страдную пору, когда все мужчины находятся на промысле¹²⁶.

Особенности поморского быта также описаны в статьях «У помор Сумского посада» А. Каменева¹²⁷, «Из жизни карел» А. Попова¹²⁸, «Домашняя жизнь, нравы и некоторые обычаи поморов» М. Богданкова¹²⁹, «Поморская деревня, её жизнь и нужды» С. Зобкова¹³⁰.

Г. Цейтлин занимался рассмотрением досуга в Поморье – этому посвящены его статьи «Поморские вечеринки»¹³¹ и «Народные игры в Поморье»¹³². Из этих статей становится известным, что вечеринки являются одной из главных форм досуга у поморской молодёжи. Они начинаются «чуть ли не с первого дня приезда поморов с мурманского промысла и продолжают с небольшими перерывами вплоть до Великого Поста»¹³³. Автор выделяет три основных вида поморских вечеринок: простые (устраиваются парнями в складчину), «лекрутские» (устраиваются тем или иным рекрутом или целой компанией последних) и святочные (устраиваются девушками). Народные игры поморской молодёжи автор также разделил на три группы: игры девочек («Волосьянка», «Купонка», «Камушки», «Волком», «Селюгой», «Красоцьки», «Кострома», «Лунки», «Салом», «Колуюшкой»), игры мальчиков («Классы», «Меньком», «Палка-воровка») и игры взрослых девушек и юношей («Я ли твоя», «Люба ли суседка», хороводы)¹³⁴.

Самым главным событием в жизни человека является свадьба, поэтому Г. Цейтлин решил также обратиться к этой теме применительно к Поморью¹³⁵. Здесь автор также выделил свои особенности: «суровый климат и тяжёлая борьба с грозной стихией наложили угрюмый отпечаток и на психологию поморского населения. И всякого рода увеселения в Поморье неизменно носят на себе эту печать холодной суровости... Такого-то рода впечатление производит поморская свадьба»¹³⁶. «Большинство браков совершается здесь так или иначе по взаимной симпатии, и поэтому то, что в среде мещанской или крестьянской называется «приданным», здесь совершенно отсутствует, если не считать богачей-поморов, у которых «приданное» служит основой будущего благосостояния... Свадьбы имеют здесь определённый сезон – это время между святками и Великим Постом...: всё лето мужчины проводят на Мурмане и приезжают обратно только в сентябре–октябре. По приезде домой опять начинается подготовительная работа к ловле наваги и сельдей, а там наступает Филиппов пост и святки. Всё это время не до женитьбы помору»¹³⁷.

Помимо этого, Г. Цейтлин лично ездил в поморские деревни, где записывал у местных жительниц традиционные поморские сказки – материалы своих исследований он также опубликовал на страницах «Известий»¹³⁸. Автор представил вниманию читателей сказки «Шут Гаврила», «Мать и дочь», «Конь, свинья, кошка. Собака да петух», «Шуба-самолёт», «Поп и работник», «Царь и мужик», «Сказки об Иванушке-Дурачке»¹³⁹, «Сказки об Иванушке-Дурачке», «Сказки об Иване-Царевиче», «Счастье», «Два братана», «Катенька», «Бедняк-мальчик», «Как солдат на царской дочери женился»¹⁴⁰.

А. Александров в статье «грамотность и пьянство в Поморье»¹⁴¹ попытался выявить наиболее насущные проблемы того времени. Как отметил автор, «почти в каждой поморской деревне есть школа, а то и две, но многие её бросают (чтобы помогать родителям), либо учатся без интереса». Именно поэтому «образование здесь прививается очень вяло и даёт весьма плачевные результаты». Но эта проблема, на взгляд автора, является не самой главной, так как «поморский край является почти забытым и безусловно нуждающимся в поддержке: здесь всё более и более прогрессирующее пьянство». По наблюдениям А. Александрова, почти все от мала до велика в поморской деревне «пьют исключительно сорокоградусную водку (“простак”), и чем больше праздник, тем больших размеров достигает пьянство». Как считает автор, «...лишь благодаря трезвости поморок, трудолюбию и страсти поморов иметь независимое хозяйство и, наконец, благодаря сильной воли тех же женщин, пьяницы не посягают растаскивать хозяйство (но оно несомненно в упадке), и поморы живут относительно зажиточно»¹⁴². Как считает Александров, для борьбы с пьянством в поморских деревнях «необходима самая решительная и неотложная прогрессивно-общественная работа».

¹²⁶ Известия АОИРС. 1910. № 14. С. 20–25.

¹²⁷ Там же. № 17. С. 12–16.

¹²⁸ Там же. № 24. С. 40.

¹²⁹ Там же. № 24. С. 40–45.

¹³⁰ Известия АОИРС. 1911. № 11. С. 860–863; № 12. С. 972–976.

¹³¹ Известия АОИРС. 1910. № 19. С. 28–35.

¹³² Известия АОИРС. 1911. № 13. С. 7–21.

¹³³ Цейтлин Г. Поморские вечеринки // Известия АОИРС. 1910. № 19. С. 28.

¹³⁴ Цейтлин Г. Народные игры в Поморье // Известия АОИРС. 1911. № 13. С. 7–21.

¹³⁵ Цейтлин Г. Свадьба в Поморье: очерк из быта поморов // Известия АОИРС. 1910. № 20. С. 10–30.

¹³⁶ Там же. С. 10–11.

¹³⁷ Там же. С. 11–12.

¹³⁸ Цейтлин Г. Поморские народные сказки // Известия АОИРС. 1911. № 2. С. 1–92; № 3. С. 180–200.

¹³⁹ Известия АОИРС. 1911. № 2. С. 1–92.

¹⁴⁰ Там же. № 3. С. 180–200.

¹⁴¹ Там же. № 8–9. С. 687–695.

¹⁴² Там же. С. 687–694.

В общей сложности, в «Известиях АОИРС» за 1909–1911 гг. содержится около 120 различных статей и заметок, содержащих упоминания о карельском Поморье, поэтому, можно сделать вывод, что данный журнал является ценным источником для изучения жизни и быта данной территории в начале XX в.

*Штыченко Е. Э.,
Петрозаводский государственный университет*

Первая мировая война и перемены в повседневности Петрозаводска

Подъём патриотических и националистических чувств, произошедший в начале Первой мировой войны в её главных странах-участницах, имел место и в российской провинции. В ответ на объявление 19 июля 1914 г. Германией войны России по всей нашей стране прокатилась волна патриотических манифестаций. В них участвовали люди самых различных социальных слоёв и политических убеждений (кроме крайне левых). 20, 21 и 22 июля в Петрозаводске, как сообщали «Олонецкие губернские ведомости», «огромная толпа местных жителей всех званий и возрастов торжественно носила портрет царя с пением народного гимна и молитвы “Спаси, Господи, люди твоя”». 21 июля главное участие в манифестациях приняли рабочие Александровского завода, во главе которых шёл их оркестр музыки. Народная волна прежде всего устремлялась к памятнику Петру Великому и дому губернатора^{1...2}.

Очевидно, возросла потребность горожан быть в курсе последних событий, чем воспользовалась редакция «Олонецких губернских ведомостей», купив право печатать телеграммы Санкт-Петербургского агентства, так что подписчики смогли читать их двумя днями ранее, не дожидаясь доставки столичных газет.³ Редакция организовала продажу телеграмм этого агентства также в шести постоянных, очевидно довольно посещаемых местах города («На площади между гостинным двором и кинематографом «Сатурн»; У приюта девочек; Около Петрозаводской уездной земской управы на Зарек; На углу Бородинской ул<ицы> и Жуковской; На Садовой улице, около пожарного обоза; На Общественной пристани») и «в разнос мальчиками по всем главным улицам».⁴

На ответственности городских властей Петрозаводска оказались многие мероприятия, связанные с потребностями военного времени; эти мероприятия подлежали исполнению в первую очередь. В числе подобных первоочередных задач была организация отправки военнотружущих на войну, так как Петрозаводск являлся сборным пунктом. В нём собирались ополченцы почти со всей Олонецкой губернии.⁵ Мобилизация, начавшаяся ещё накануне объявления войны Германией России (16 июля по старому стилю), прошла в несколько этапов.⁶ Организация проводов запасных, торжественно устроенных, стоила значительной части скудного городского бюджета, однако это событие всколыхнуло всё петрозаводское общество (в 1914 г. это 20459 человек⁷). Мобилизованные, отправляемые на пароходах, после напутствий проследовали на пристань с музыкой; их провожало много горожан и высшая администрация Петрозаводска. «Пароход с запасными отбыл в сопровождении нескольких других пароходов, переполненных публикой. Оттуда долгое время слышны были чередовавшиеся крики “ура”, пение молитвы “Спаси, Господи!” и “Боже, царя храни!”. Духовая музыка исполняла народный гимн и военные марши...».⁸

Город участвовал в войне и тем, что в нём координировались и осуществлялись поставки снаряжения для армии, лечили солдат, его жители не были в стороне от оказания помощи так или иначе пострадавшим в войне. Активное участие в благотворительной деятельности по оказанию различного рода помощи военным и их семьям приняли представители городского самоуправления Петрозаводска. Они поступали так, следуя общероссийским законам и указаниям губернатора, а также личной инициативе, и в ответ на призывы органов самоуправления других частей России.⁹

¹ Т. е. на Петровскую площадь, нынешнюю пл. Ленина. См.: Хакала В. В. Петрозаводские улицы // Петрозаводск. 2002. № 11. 8 марта 2002. С. 11.

² История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 315.

³ Олонецкие губернские ведомости (далее ОГВ). № 135. 18.07.1914.

⁴ Приложение к ОГВ № 150. 6 августа 1914 г.

⁵ НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 57/460. Л. 2.

⁶ Крылов В. И. Отклики в Олонецкой губернии великой европейской войны. Петрозаводск, 1914. С. 17.

⁷ Верхогляд В. Н. Петрозаводск: Деятельность органов местного самоуправления и рост города. Петрозаводск, 1995. С. 26.

⁸ Крылов В. И. Ук. соч. С. 16.

⁹ Так, 19.08.1914 петрозаводская дума рассмотрела «предложения гг.: Начальника губернии, Московского Городского Головы и Председателя Московского губернского земства, призывающих Городские Управления к участию в нуждах связанных с обстоятельствами военного времени». [НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 111 об.].

Вскоре после вступления России в Первую мировую войну, члены петрозаводской управы подняли вопрос о «принятии участия», «путём пожертвования городских средств», в таких организациях, как Российское общество Красного Креста, городской и земский общероссийский Союз.¹⁰ Общество Красного Креста получало пожертвования из Петрозаводска и от горожан как частных лиц. Масштабные акции были организованы уже в самом начале войны. Так, 28 сентября 1914 года, Петрозаводск участвовал в «Дне “Красного Креста”» – однодневном сборе средств «по всей Империи» на нужды армии, разрешённом Советом Министров постановлением от 22 августа 1914 года Российскому Обществу Красного креста. Он готовился местным управлением «Российского Общества Красного Креста состоящего под Высочайшим покровительством ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ Марии Феодоровны» в сотруди́нстве с управой Петрозаводска.¹¹ Сбор производился уже накануне назначенного дня «во всех правительственных и общественных учреждениях, а также во всех учебных заведениях, в кружки или по подписным листам; <...> в городских церквях». Днём 28-го «по улицам города, вечером – в общественном собрании во время спектакля и в кинематографе происходила продажа значков Красного Креста, а также флажков – национального и наших союзников, воспитанницами Мариинской женской гимназии, воспитанниками мужской гимназии, духовной семинарии и барышнями местного общества; последними – в сопровождении сестёр милосердия Свято-Петровской общины».¹²

Участие страны в Первой мировой войне безусловно ухудшило положение её граждан, прежде всего менее защищённых социально.

Всё же в то время в России проводилась централизованная политика недопущения катастрофического ухудшения положения населения. Во исполнение закона от 25 июня 1912 года «о призрении нижних воинских чинов и их семейств», семьям, чьё положение ухудшилось после призыва их кормильцев на войну, полагалось выдавать продовольственное пособие.¹³ (Позднее центральной власти пришлось давать уточнения по этому вопросу. Так, 21 декабря 1915 г. «Главное интендантское управление (в Петрограде) разъяснило, что под словом «семейство» следует понимать не только жену и детей военнослужащих, ушедших в поход, но и отцов, матерей, братьев и сестёр, если они проживали с ними до отправления в поход. Поэтому все эти лица являются семейством по отношению ушедшего в поход мужа, отца, сына и брата, которые в свою очередь являются их главами. Однако, каждое семейство может иметь только одного военнослужащего главою».¹⁴ Очевидно, имелись случаи мошенничества.)

С целью организовать выдачу указанного государственного пособия образованное петрозаводской думой попечительство приступило к сбору сведений о положении семей «местных горожан, принятых на военную службу при мобилизации».¹⁵ Оно постановило разбить город на шесть участков «в целях более успешного обследования семейств воинов, призванных на войну».¹⁶ К 6 августа было завершено и обследование материального положения семей ополченцев, так что с 21 августа нуждающиеся семьи смогли получать т. н. «казённый паёк».

Однако подлежащее выдаче казённое пособие городскими властями Петрозаводска было признано недостаточным: «выдачею казённого пособия далеко не исчерпываются все нужды семейств. Квартиры, отопление, одежда и обувь, – всё это составляет предметы первой необходимости, всё это требует денежных средств, во всяком случае, превышающих пособие определённое от казны лишь на продовольствие семейств. Отсюда ясно, что эти семьи нуждаются в посторонней материальной помощи».¹⁷

До сотни таких семей было зарегистрировано в 1914 году, и «все эти семьи, за немногим исключением», искали «поддержки в средствах к существованию».¹⁸ Им решено было оказывать из ограниченных городских средств посильную помощь (вдобавок к казённой), например, «квартирное довольствие».¹⁹ Решено было обратиться за дополнительной помощью к населению Петрозаводска: «1) произвести сбор во всех приходских церквях города 1 октября; 2) поставить кружки в 9 местах города; 3) обратиться к населению с воззванием...».²⁰ Воззвание, опубликованное 30 августа 1914 года в «Олонецких губернских ведомостях», призывало петрозаводчан помочь попечительству в борьбе «с голодом и холодом, с заботами и печалью, со вздохами и слезами бедных», жертвуя «не только деньгами, но и бельём, одеждой, обувью и другими вещами, а также пищевыми продуктами, припасами и топливом», и заявлять попечительству о возможности «принять у себя осиротевшую семью или предоставить бесплатное помещение».²¹ Пожертвования, «понемногу притекавшие», ежедневно принимались в городской управе Петрозаводска казначеем попечительства Фёдором Афанасьевичем

¹⁰ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 111 об.

¹¹ НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 57/456. Л. 27.

¹² Крылов В. И. Ук. соч. С. 51.

¹³ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/163. Л. 110.

¹⁴ Олонецкое Утро. 1915. № 155. 22 декабря 1915 г. С. 2.

¹⁵ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 110 об.

¹⁶ Крылов В. И. Ук. соч. С. 34.

¹⁷ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/163. Л. 110–110 об.

¹⁸ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/163. Л. 110 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Крылов В. И. Ук. соч. С. 35–36.

²¹ ОГВ. 1914. 30 августа.

Чехониным²² (он же являлся членом управы и заместителем городского головы). Попечительство уверяло горожан, что сумеет дать их вкладам «самое лучшее, самое жизненное применение». Имена благотворителей подлежали публикации в местной печати.²³

С продолжением войны положение со снабжением города ухудшалось, росли цены.²⁴ В одном городе невозможно было кардинальное улучшение экономической ситуации. Местная городская власть всё же получала от центрального правительства через губернатора Олонецкой губернии указания по улучшению положения. Например, уже 19 августа 1914 года на очередном собрании городской думы был заслушан вопрос о «мерах к ограждению населения от чрезмерного повышения цен на предметы первой необходимости (хлеб, мясо, муку, крупу, соль, дрова, керосин) и о привлечении на местные рынки подвоза предметов продовольствия».²⁵ Вопрос на обсуждение думы предложил губернатор. Он же ещё 15 августа 1914 г. «препроводил» циркулярное предложение Главного Управления по делам местного хозяйства от 31 июля за № 34 по этому вопросу в управу. С августа 1915 г. в правительственном аппарате действовали «особые совещания» для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу; по перевозке топлива и продовольствия и другим подобным вопросам.

Городские власти, с помощью административно-полицейского аппарата губернии, принимали следующие различные меры против дефицита и дороговизны. Учёт товаров и установление твердых цен на некоторые из них (не всегда успешное²⁶), привлечение в город сельских жителей на «торжки»,²⁷ специальные лавки городской управы для продажи продуктов в ограниченном количестве по ценам ниже рыночных,²⁸ создание городского запаса дефицитных товаров специальными закупками,²⁹ закупка дешёвых продуктов и товаров в других местностях, их заём или совместная закупка с помощью таких предприятий, как Александровский завод, Онежское пароходство.³⁰ Организовывалось также производство необходимого предмета потребления силами города (вырубка леса на городских участках, ранее предназначавшихся в аренду частным лицам); наконец, проводились реквизиции³¹ (но такие чрезвычайные меры, как реквизиция, конфискация и др., в Петрозаводске получили распространение только с осени 1918 г.³²).

Петрозаводск, не имевший поблизости достаточно удобных средств сообщения, испытал также последствия общего расстройств транспортного сообщения из-за перегрузок во время Первой мировой войны. Закрывшие навигации в зимнее время были старым затруднением, оставшимся от довоенного времени и оказывавшим влияние и после открытия железнодорожного сообщения в Петрозаводске (которое фактически было вполне налажено много позже официальной даты, 3 ноября 1916 г.).³³ К тому же пропускная способность Олонецкой железной дороги, пуск которой был ускорен стратегической военной потребностью, была ограничена в начале её работы. Сама же постройка её была негативным в социально-экономическом плане для города фактором, усилившим общее неблагоприятное воздействие войны на городской рынок рабочей силы, товаров и услуг. Близость большой стройки оттягивала рабочую силу и продукты для рабочих, тягловых лошадей и корм для них из Петрозаводска и его окрестностей.³⁴ Показателен следующий случай.³⁵ Брандмейстер петрозаводской пожарной команды жаловался городским властям на затруднения «пожарных служителей в смысле существования их с семьями при современных условиях жизни» и делился опасениями, что «состав пожарной команды покинет службу» при наличии хороших заработков на линии строившихся железных дорог. Он настоятельно просил увеличить им жалованье, дополнительно аргументируя свою просьбу тем, что «команда более или менее организована и обучена в настоящее время и состоит из людей с хорошим поведением и ревностных работников».³⁶ Петрозаводской городской думой им было назначено «по три рубля каждому в месяц, в виде пособия, на время войны». Важность сохранения эффективной пожарной службы в деревянном, по преимуществу, городе была очевидна.³⁷

²² Крылов В. И. Ук. соч. С. 36.

²³ Крылов В. И. Ук. соч. С. 36; ОГВ. 1914. № 177.

²⁴ НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 8 // Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы. Кн. 3: 1903–2003. Петрозаводск, 2003. С. 89.

²⁵ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/163. Л. 112.

²⁶ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 105–106.

²⁷ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/163. Л. 112–112об.

²⁸ НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 127 // Петрозаводск: 300 лет истории... Кн. 3. С. 92.

²⁹ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 116.

³⁰ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 116–116 об.

³¹ НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 127 // Петрозаводск: 300 лет истории... Кн. 3. С. 90.

³² Петрозаводск: 300 лет истории... С. 121, 130, 131, 132, 133, 137, 139, 142, 144–145, 149–150, 151.

³³ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 116; НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 37/970. Л. 4–4 об. Отпуск // Петрозаводск: 300 лет истории... Кн. 3. С. 85; ОГВ. 1916. № 94. 25 августа; Олонецкое Утро. 1915. № 155. 22 декабря.

³⁴ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 115–115 об.

³⁵ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 41–41 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Верхогляд В. Н. Петрозаводск: деятельность органов городского самоуправления... Петрозаводск, 1995. С. 27.

Снабжение города и его социальную жизнь ухудшала убыль трудоспособного, экономически и социально активного взрослого мужского населения (ушедшего на войну) как в самом городе, так и в его сугубо сельских окрестностях, откуда обычно поступали сельскохозяйственные продукты, сено, дрова.³⁸ Отсутствие мужской части семей изменяло также социальную и экономическую роль их женских родственников, фактически принимавших на себя их права и обязанности.³⁹

Петрозаводск был одним из тех городов, социально-экономическое благополучие которого зависело от одного, т. н. «градообразующего», предприятия. Большая часть постоянного населения города была связана с Александровским заводом, и, следовательно, ответственность за положение этой части населения петрозаводские дума и управа делили с Управлением казёнными горными заводами России. Несмотря на повышенный спрос на военную продукцию, рабочие, занятые на Александровском снарядолитейном заводе, испытывали ухудшение жизненных условий. Они получили прибавку лишь в несколько копеек с 1 апреля 1916 г.: им стали выдавать «военное пособие» в размере 3 коп. взрослому и 2 коп. подростку за «каждый проведённый за работой час».⁴⁰

Местные трудности накладывались на общее ухудшение экономической ситуации в Российской империи того времени, транспортный, продовольственный, топливный кризисы, вызванные потерей территорий, приоритетным снабжением армии, крупных городов.

Сильно повлиял на жизнь жителей города сухой закон, фактически введённый в Петрозаводске 2 января 1915 года (официальная продажа водки была возобновлена только по декрету СНК СССР 28 августа 1925 года, введшим водочную монополию государства).

Движение за трезвость усилилось с началом войны, и государство на этот раз пошло навстречу общественной инициативе, несмотря на неизбежные финансовые потери. Его расчёт на ослабление эксцессов во время мобилизации и поддержание порядка в тылу оправдался, однако не абсолютно, и только до распада государственности Российской империи.

Согласно Высочайше утверждённому 13 октября 1914 года Положению Совета Министров, удовлетворение ходатайств о воспрещении торговли крепкими напитками впредь до окончания военного времени было предоставлено власти губернаторов.⁴¹ С первых же месяцев войны, после временного прекращения торговли спиртным во время мобилизации, олонецкому губернатору стали поступать многочисленные запросы с мест о прекращении торговли спиртным на всё время войны, полностью или частично. Эти запросы все были удовлетворены после представления министру финансов.⁴²

В Петрозаводске запрет на торговлю «спиртными напитками, пивом и всеми виноградными винами из всех мест продажи питей» фактически вступил в силу со 2 января 1915 года, ввиду очередного призыва новобранцев 15 января того же года. Городская Дума, однако, ещё на своём чрезвычайном собрании 30 декабря 1914 года постановила ходатайствовать перед губернатором о продлении временных запретов на всё время войны, в чём нашла его поддержку, и благоприятное заключение управляющего акцизными сборами Новгородской и Олонецкой губерний.⁴³ Постоянный запрет официально был введён постановлением олонецкого губернатора 5 февраля 1915 года. Губернатор, принимая такое радикальное решение, видимо, руководствовался тем, что «временное прекращение продажи крепких напитков весьма благотворно отразилось на местном населении в нравственном и экономическом отношениях».⁴⁴ Петрозаводский полицеймейстер был обязан докладывать о нарушителях постановления губернатору «для наложения взыскания в административном порядке».⁴⁵ Конечно, такие нарушители не замедлили появиться, и в последовавшей ситуации правового кризиса в предреволюционной, революционной и ситуации гражданской войны сухой закон на деле не соблюдался.⁴⁶ Вероятно, эту неудачу власть предвидеть не могла, равно как и затяжной характер первой в своём роде войны и её последствия для страны.

Подводя итоги, можно заключить, что с началом Великой войны на повседневную жизнь граждан России, и Петрозаводска в частности, стал воздействовать новый комплекс негативных факторов. Неблагоприятные условия поначалу вызвали определённый подъём общественных сил, мобилизовали общество, отодвинули на второй план социальные противоречия внутри страны. Со временем возникшие продовольственный, транспортный, топливный, идеологический кризисы затронули и провинциальный Петрозаводск.

Источники

Фонды НА РК досоветского периода

Ф. 1 – Канцелярия Олонецкого губернатора

³⁸ НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 115 об.

³⁹ См., например, НА РК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2/18. Л. 1, 3–3 об., 4, 5.

⁴⁰ Петрозаводск: 300 лет истории... Кн. 3. С. 532.

⁴¹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120/50. Л. 24.

⁴² НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120/50. Л. 2–2 об., 4, 5, 7, 23, 24, 25, 25 об., 26, 26 об., 27, 44, 48, 55–55 об., 58, 66.

⁴³ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120/50. Л. 49, 50–50 об., 51, 52.

⁴⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120/50. Л. 52.

⁴⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120/50. Л. 53.

⁴⁶ НА РК. Ф. 71. Оп. 4. Д. 2/18. Л. 2–2 об., 2 об. – 2 а.

Ф. 37 – Олонецкое горное правление
Ф. 62 – Петрозаводская городская управа
Ф. 71 – Петрозаводская городская дума

Неопубликованные

Дело Канцелярии Олонецкого Губернатора I-го стола О выдаче разрешений на право постановки биллиардов, граммофонов и других музыкальных инструментов в питейных заведениях // НА РК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2/18. 3 января 1915 г. – 31 декабря 1915 г. На 19 л.

Дело Канцелярии Олонецкого Губернатора I-го стола Об издании обязательных постановлений о воспрещении питейной торговли на время войны // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120/50. 5 сентября 1914 г. – 6 февраля 1915 г. На 70 л.

Журналы Петрозаводской городской думы 1914 года // НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/163. 28 января 1914 г. – 30 декабря 1914 г. На 195 л.

Журналы Петрозаводской городской думы за 1915 год // НА РК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 10/165. (14 января 1915 г. – 25 декабря 1915 г.). На 169 л.

Наряд бумагам, поступившим на имя городского головы в 1914 г. // НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 57/456. 25 января 1914 г. – 20 декабря 1914 г. На 51 л.

Соображения Петрозаводской Городской Управы по устройству сборного пункта для запасных и ратников при общей мобилизации // НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 57/460. 12 мая 1914 г. – 18 июля 1914 г. На 39 л.

Опубликованные

Из акта реквизиции муки и масла у купцов и передачи их в лавку Петрозаводской городской управы // НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 127. Копия. 20 января 1916 г. Цит. по: Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы. В 3 кн. Кн. 3: 1903–2003 / науч. ред.: Н. А. Кораблёв, С. Н. Филимончик, Д. З. Генделев. – Петрозаводск : Карелия, 2003. – С. 90.

Из докладной записки олонекского губернатора в Департамент полиции о низком качестве строительных работ на Олонецкой железной дороге // НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 37/970. Л. 4–4 об. Отпуск. Не ранее 13 января 1916 г. (датировано по содержанию). Цит. по: Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы. – Кн. 3: 1903–2003. – Петрозаводск : Карелия, 2003. – С. 85.

Из справки петрозаводского городского головы об организации продажи продуктов первой необходимости в городских лавках за период со 2 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г. // НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 383–383 об. Копия. Не ранее 1 октября 1916 г. (датировано по содержанию). Цит. по: Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы. – Кн. 3: 1903–2003. – Петрозаводск, 2003. – С. 92.

Из ходатайства петрозаводского городского головы председателю особого продовольственного совещания – о недостатке в городе продовольствия, сена и топлива // НА РК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 8. Отпуск. 23 сентября 1915 г. Цит. по: Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы. – Кн. 3: 1903–2003. – Петрозаводск, 2003. – С. 89.

Крылов В. И. Отклики в Олонецкой губернии великой европейской войны. – Петрозаводск : Олонецкая губернская типография. – 1914. – 55 с.

Олонецкие губернские ведомости. – 1914. – № 135. 18 июля.

Олонецкие губернские ведомости. – 1914. – № 177. 27 августа.

Олонецкие губернские ведомости. – 1914. – № 200. 30 августа.

Олонецкие губернские ведомости. – 1916. – № 94. 25 августа.

Олонецкое Утро. – 1915. – № 155. 22 декабря.

Приложение к ОГВ № 150. 6 августа 1914 г.

Литература

Сборники документов и материалов

Петрозаводск: 300 лет истории: документы и материалы. В 3 кн. Кн. 3: 1903–2003 / науч. ред.: Н. А. Кораблёв, С. Н. Филимончик, Д. З. Генделев. – Петрозаводск : Карелия, 2003. – 576 с.

Справочные издания и учебная литература

История Карелии с древнейших времён до наших дней / науч. ред.: Афанасьева И., Бутвило А. И., Вавулинская Л. И. и др.; под общ. ред. Н. А. Кораблёва, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Карел. науч. центр Рос. акад. наук. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – 943 с.

Периодические издания

Хакала В. В. Петрозаводские улицы // Петрозаводск. – 2002. – № 11. 8 марта.

Монографии

*Осипов А. Ю.,
Петрозаводский государственный университет*

Карельская национальная идеология в годы гражданской войны в Карелии

На рубеже 1917–1918 гг. практически на всей территории Карелии была установлена советская власть. Особенность последовавшей вскоре гражданской войны заключалась в отсутствии «классического» противостояния «белых» и «красных», как это было в России, поскольку белого движения в Карелии как такового не существовало (исключение составлял Пудожский уезд). Разгром партии левых эсеров летом 1918 г. означал устранение и политических оппонентов большевиков. Основным противником советской власти в гражданской войне оказалось крестьянство, поддержку которому оказали финские добровольцы. Финляндия давно вынашивала планы по присоединению Восточной Карелии и в 1918–1922 гг. предприняла три попытки походов с целью «освобождения соплеменников» (то есть карелов). Однако позиция карельского крестьянства не всегда была однозначной, не все «соплеменники» изъявили желание перейти на сторону Финляндии, точно так же как и советская власть не получила полной поддержки карелов. Какова была позиция крестьянства в период гражданской войны, на чьей стороне оказались его симпатии, чего добивались крестьяне на своих сходах – на эти вопросы и предполагается ответить в данном исследовании.

Формирование политических взглядов крестьянства Карелии следует отнести еще к 1905 г., в котором состоялся крестьянский въезд в селе Ухта. К слову, Ухта (ныне город Калевала) на долгое время стала центром сепаратистских настроений местного населения. Около 300 человек, собравшихся 21 декабря 1905 г. в селе Ухта выдвинули требования о введении конституционного образа правления, свободы личности, собраний, союзов, слова, печати, а также уничтожения таможенных притеснений при взаимном обмене товарами между карелами и Финляндией.¹

Одновременно с этим, в начале XX в. активную агитацию начинают проводить и различные финские националистические организации, выступающие за создание Великой Финляндии. Следует пояснить, что идея Великой Финляндии (Финляндия плюс Карелия, а также Ингерманландия и, возможно, Эстония) зародилась ещё в XIX в., а необходимость расширения территории Финляндии объяснялась несколькими причинами. Во-первых, «неудачной» границей Финляндии на востоке, которую сложно оборонять, принадлежностью населения Восточной Карелии к финскому народу, а также естественно-географическими условиями, согласно которым Карелия относилась к Фенноскандии.²

Одной из первых организаций, занимавшихся активной профинляндской пропагандой в Карелии стал «Союз беломорских карел», основанный в 1907 г. Союз, большое внимание уделявший просветительной деятельности, организовывал избы-читальни, библиотеки, издавал газеты.³ Правопреемником союза стало «Карельское просветительное общество», открывшее в приграничных районах Карелии несколько школ, в которых велось преподавание на финском языке.⁴ Таким образом, в начале XX в. в Карелии причудливо переплелись национальные, профинляндские и буржуазно-демократические настроения, которые, впрочем, не оказывали большого влияния на местное население.

Ситуация изменилась в 1918 г., когда в Карелии была установлена советская власть, а Финляндия уже стала независимой.⁵ Новая расстановка сил, провозглашение большевиками права народов на самоопределение, а также хаос в России, вызванный гражданской войной и интервенцией, вновь выдвинули вопрос о судьбах Карелии. Так, в январе 1918 г. на собрании крестьян в Ухте было принято решение отделиться от России и создать независимое Карельское государство.⁶

Идея Великой Финляндии вновь оживает и, казалось, обретает реальные черты, когда главнокомандующий финляндской армией К. Г. Э. Маннергейм отдаёт свой знаменитый приказ, «клянётся на мече» об изгнании из

¹ Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX – начала XX вв.) // Вопросы истории Европейского Севера, 1991. С. 62.

² Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritykset Suomen ulkopoliitiikassa vuosina 1918–1920. Helsinki, 1961. S. 58.

³ Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset. 1917–1922. Jyväskylä, 1980. S. 60–62.

⁴ Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 89.

⁵ Финляндия отмечает день независимости 6 декабря, однако утверждение решения СНК о независимости Финляндии было принято ВЦИКом 4 января 1918 года.

⁶ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 82.

Карелии большевиков.⁷ Парадокс ситуации заключается в том, что в марте 1918 г. финские добровольцы вторгаются на территорию Карелии, в то время как в самой Финляндии идёт гражданская война. Расчёт финнов был прост – местное население должно встретить их как освободителей от гнёта большевиков и перейти на сторону добровольцев.

17 марта, спустя два дня после приказа Маннергейма, в селе Ухта состоялось крупное крестьянское собрание, на котором были выработаны принципы присоединения Карелии к Финляндии. Например, Карелия должна войти в состав Финляндии на правах особой экономической единицы, Финляндия предоставляет карелам денежный заём, а сами карелы получают все те права, которыми пользуются граждане Финляндии.⁸ Однако требования крестьян носили всё-таки частный, локальный характер и не выходили за пределы отдельных волостей и деревень.

Кроме того, крестьянство устало от войны (Первой мировой) и революции и не хотело воевать. Основным стержнем крестьянской идеологии этого периода стали два ленинских декрета – о земле и мире. Поэтому, когда большевики даровали крестьянству то и другое, то ни о какой поддержке идей Великой Финляндии, за которую ещё предстояло воевать, речи быть не могло. Таким образом, отряды финских добровольцев, временно оккупировавшие часть территории Северной Карелии, вынуждены были покинуть её уже в апреле. В большинстве своём весной 1918 г. карельское крестьянство оказало поддержку советской власти.

В то же время в том же 1918 г. произошёл ряд важных экономических преобразований, которые раскололи крестьянство. Ключевым аграрным преобразованием помимо передела земли и введения новых налогов стала организация комитетов деревенской бедноты или комбедов. Комбеды, в чьи задачи входил учёт и распределение хлеба, изъятие излишков продовольствия, а также снабжение городов и Красной Армии⁹, зачастую оказывались неэффективными. Причинами этого стало отсутствие финансирования и инструкций, саботаж решений комбедов зажиточным крестьянством, нарушения полномочий самими работниками комбедов.

В итоге действия комбедов привели к острой конфронтации в деревне. Их действия коснулись не только кулаков, но и середняков, и стали фактором, спровоцировавшим разжигание гражданской войны в деревне. Созданием комбедов советская власть не решила проблему голода, но сумела создать себе опору в деревне: крестьянское общество оказалось расколотым. С другой стороны, возникла и оппозиция советской власти.

Непопулярные меры советской власти в 1918 г. заставили крестьянство обратить свои взоры к Финляндии. Так, 2–3 августа жители пограничной Ребольской волости приняли решение присоединиться к Финляндии на следующих условиях: 40 % пахотной земли и лесов получают крестьяне, 20 % идёт в общее пользование, а оставшиеся 40 % – Финляндии.¹⁰ Финны также брали на себя обязательство построить железную дорогу Лиекса – Реболы – мурманский путь, местные жители освобождались от воинской повинности, а правительство Финляндии должно было выделить денежную ссуду и продовольствие для волости.¹¹

Присоединение Ребольской волости к Финляндии стало ещё одной стороной крестьянской идеологии. Вхождение волости в состав финляндского государства мотивировалось, прежде всего, экономическими интересами местных жителей. Примеру ребольцев пытались последовать и другие волости. 5 декабря 1918 г. аналогичное решение приняли жители Поросозерской волости, в которую вскоре был направлен отряд финских добровольцев для её защиты.¹²

Таким образом, в 1918 г. в Карелии не сложилось единое национальное движение. Разброс мнений среди крестьянства был достаточно широк.

Весной 1919 г. финские добровольцы предпринимают очередной поход в Карелию, получивший название Олонецкого. Пользуясь отсутствием пограничной охраны и крупных воинских частей в южной Карелии, добровольческие отряды сумели дойти до Петрозаводска. Бои шли в районе Сулажгоры. Расчёт финнов строился на народном восстании, которое непременно должно произойти в Карелии при приходе финских добровольцев. Донесения из приграничных деревень свидетельствовали о профинляндских настроениях и готовности местных жителей воевать против советской власти.¹³

Однако на деле выяснилось, что поддержка финнов невелика. Карельское крестьянство в большинстве своём не было заинтересовано в борьбе против советской власти, несмотря на непопулярные меры последней. Да и оккупационный режим финнов предполагал мобилизацию в ряды так называемой Олонецкой армии. По мнению финнов, создавать Великую Финляндию следовало вместе. Небольшая активность крестьянства и успешные (главным образом из-за своей неожиданности) действия Красной Армии привели к отступлению финнов.

⁷ Vahtola J. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 29.

⁸ UMA. 11. A 1. 1. Uhtuan kokouksen kirjelma Suomen hallitukselle. 29.03.1918.

⁹ Борьба за установление и упрочнение советской власти в Карелии: сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 157, 158.

¹⁰ UMA. 11. A 4. 1. Repolan talonpoikaisneuvoston kokoonkutsumalle virallisille piirikokoukselle. 06.08.1918.

¹¹ Ibidem.

¹² UMA. 11. A 1. 1. Решение жителей Поросозерской волости. 05.12.1918.

¹³ KA. L. Ingmanin kokoelma. B3:1. Ilmoitus Sortavalasta. 29.03.1919, 30.03.1919.

В том же 1919 г. в Карелии возникает альтернатива советской власти и идеям «соплеменников». В июле 1919 г. на съезде представителей пяти северо-карельских волостей было образовано так называемое Временное правительство Архангельской Карелии, выступившее за самоопределение карельского населения к западу от Мурманской железной дороги.¹⁴ По сути своей – это было движение за автономную Карелию.

Таким образом, на рубеже 1919–1920 гг. в Карелии сложилось своеобразное троеставление. Южные районы находились под властью большевиков, в Беломорской Карелии набирало силу национальное движение, а Реболы и Поросозеро были по-прежнему оккупированы финнами.

Идеология «Карелия – карелам» достигла своего пика весной 1920 г., когда в Ухте состоялся представительный крестьянский съезд. Участники съезда представляли одну треть карельских волостей и около одной четвёртой карельского населения.¹⁵ К числу принципиальных решений, принятых участниками съезда следует отнести постановление об отделении Карелии от России и её самостоятельном управлении, переименовании Временного правительства Архангельской Карелии в Карельское временное правительство и выводе частей Красной Армии с территории Карелии.¹⁶

Однако ликование участников съезда было недолгим. Несмотря на вывод красноармейцев, советская власть не могла признать подобное правительство, и создание Карельской Трудовой Коммуны 8 апреля того же года должно было положить конец националистическому движению в Карелии. Одним из постулатов нового областного объединения стала его автономия.

Заклѳченный вскоре Тартуский мирный договор между Финляндией и Советской Россией должен был поставить окончательную точку в отношении Ребольской и Поросозерской волостей, находившихся под защитой Финляндии. Согласно договору, волости возвращались в состав России, впрочем, территориальные притязания Финляндии удовлетворялись передачей в её пользование Печенги.

Таким образом, создание Карельской Трудовой Коммуны и заключение Тартуского мирного договора должны были стать факторами, демонстрирующими отсутствие в регионе иной идеологии кроме как советской. Последним серьёзным испытанием для советской власти в рамках гражданской войны стало знаменитое Ухтинское восстание 1921–1922 гг. Действия советской власти в области экономики (введение продналога, принудительные мобилизации), нарушения представителей органов управления, а также голод в Карелии стали причинами самого массового за весь период гражданской войны восстания.

Восстание имело антисоветскую направленность и пользовалось поддержкой Финляндии, которая, как и прежде, оказала помощь людьми и оружием. Всего в восстании приняли участие около трёх тысяч человек, из которых две с половиной тысячи составляли карелы.¹⁷ Очевидно, следует говорить о том, что восстание было спонтанным и не имело четкой политической программы. При отсутствии помощи со стороны официальной Финляндии (добровольцы по-прежнему действовали нелегально) и нежелании Лиги Наций вмешиваться в конфликт, восставшие были обречены на поражение.

Да и в целом, идеи многочисленных марионеточных правительств 1918–1922 гг., за которыми, как правило, стояли финны, находили слабые отклики среди карельского населения. Несмотря на то, что в кульминационные периоды (то есть в периоды восстаний) эти настроения были сильны, ни профинляндские идеи, ни идеи автономной Карелии не пользовались большой популярностью. Слабым местом антисоветской идеологии стала её аморфность, отсутствие единой программы. Поэтому, в 1922 г. советская идеология становится доминирующей (хотя процесс ломки крестьянского мировоззрения и растянулся на последующие десятилетия).

Список сокращений:

КА – Kansallisarkisto – *Национальный архив Финляндии*

UMA – Suomen ulkoasiainministeriön arkisto – *Архив Министерства иностранных дел Финляндии*

*Никулина Т. В., Киселѳва О. А.,
Петрозаводский государственный университет*

Печать Карелии в период «Зимней войны» и проблема формирования официальной и индивидуальной памяти

Первую половину XX века в российской истории можно без преувеличения назвать временем войн. Мировые и локальные войны, смены политических режимов неминуемо приводили к глубоким

¹⁴ UMA. 11. А 5. 4f. Uhtuan kokouksen ptk. 30.06.1919.

¹⁵ Машезерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 75.

¹⁶ UMA. 11. А 5. 2. Протокол собрания представителей волостей Беломорской Карелии в Ухте. 21.03.1920.

¹⁷ Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии. Автореф. дис. ... уч. степ. канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 23.

социокультурным сдвигам, потерей одних идентичностей и активным созданием других. Общественная память начинает использоваться для легитимизации политики властей и превращается в разновидность официального нарратива. Общепризнанным положением в исследованиях культурной памяти является тезис о том, что манипулирование воспоминанием и памятью представляет собой мощное орудие управления индивидуальным и общественным сознанием. Кроме того, культура воспоминания и забывания выступает как средство рационализации человеческого существования и основа выбора стратегий поведения и практик, а в условиях войн и военных конфликтов – выживания.

Поэтому воссоздание и интерпретация представлений и образов «века катастроф» в сознании современного российского общества, исследование стратегий и инструментов, используемых индивидом, группой, властью в процессе формирования памяти и идентичности сообщества приобретают особую актуальность в современной исторической науке. Стремление к сохранению культурной памяти во всем её многообразии воспринимается сегодня как неотъемлемая часть исторического познания.¹

Доминирующим информационным каналом, используемым официальной пропагандой для закрепления в массовом сознании официальной мотивации событий, идеологических формул и фактических данных о «Зимней войне», являлась периодическая печать. В условиях военного времени роль массовой пропаганды многократно усиливается, и стратегиям СМИ в этой деятельности отводится особая роль. Всё пространство газетных публикаций отображает и навязывает правительственную точку зрения, осуществляет де-факто легитимизацию официальной оценки происходящего, манипулируя читательским стремлением узнать и понять происходящие события. Тем интереснее соотнести материалы карельской прессы, и в частности главного печатного органа республики – газеты «Красная Карелия», во время военной зимы 1939–1940 гг. с той информацией, которая отложилась в памяти населения Республики Карелия о советско-финляндской войне. Пожалуй, материалы интервью, собранные с использованием методик «устной истории» являются единственным уникальным источником для выявления степени усвоения и глубины закрепления официально сконструированных формул памяти. Подобное сопоставление поможет нам получить определённое представление о технологии и механизмах формирования индивидуальной культурной памяти. «Народная» репрезентация памяти о войне, основанная на методиках «устной истории», предопределяет, что каждый индивидум в рамках собственной социальной среды, в контексте личного опыта переживания череды событий пытается самостоятельно осмыслить свой исторический опыт и сконструировать воспоминания. Однако именно этот процесс конструирования выявляет те базовые векторы памяти и вербальные формулы, которые лежат в основе узловых пересечений индивидуального исторического опыта и официальной памяти об одних и тех же событиях.

В основе данного доклада лежат интервью граждан Карелии с использованием методик «устной истории». Работа с респондентами проводилась в 1999–2006 гг. Интервьюировались люди, родившиеся на протяжении 20 гг. XX века и ранее. Они являлись первым поколением Республики Карелия, выросшим в советское время. Таким образом, мы имеем дело с индивидуальной и коллективной социальной памятью молодёжи Советской Карелии и в ходе интервью получаем соответствующую модификацию истории советско-финляндской войны. Это личные свидетельства юношеской поры со всеми преимуществами непосредственной эмоциональной реакции на события и недостатками, связанными с отсутствием должного жизненного опыта, необходимого для оценки происходящего.

Информанты, преимущественно женщины, подразделяются на группы по месту жительства на момент интересующих нас событий (город, сельская местность), уровню социализации и этнической принадлежности. Это деление определяется тем обстоятельством, что сюжетно-событийная информация по данным группам существенно расходится, хотя имеются и общие семантические черты. Выявленные различия и совпадения определяются всем культурно-историческим контекстом того временного периода: особенностями в условиях проживания в городе и деревне, спецификой регионального положения населённого пункта (степенью удалённости от границы, а значит от места боевых действий), социальной средой, реалиями межнациональных отношений, историческим опытом взаимодействия с властными структурами. Необходимо учесть, что 30-е годы – время массовых политических репрессий, которые создали специфическую общественную атмосферу и явились травматическими событиями для значительной части респондентов. В семейных биографических повествованиях и личных воспоминаниях память о пережитом актуализируется преимущественно под воздействием общего социально-политического контекста.² Дискурс может быть инициирован властью, которая формирует официальный образ военного времени, или под воздействием личных мотиваций. Чаще всего это стремление поделиться чем-то особо примечательным из событий и переживаний с близкими родственниками. Именно эти стремления создают многочисленные нити межпоколенных связей. И методика делегированного опроса представляется в свете этого достаточно перспективной.

Вторая мировая война для жителей Карелии началась противостоянием СССР и Финляндии в ходе «Зимней войны». Эти события неминуемо отразились на населении региона из-за географического положения их проживания. Территория Советской Карелии занимала особую позицию в геополитической стратегии 20–

¹ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. С. 157–158.

² Киселёва О. В., Никулина Т. В. В тисках геополитики / Советская Карелия в пространстве оккупации: 1941–1944 годы. Круглый стол // Отечественная история. 2006. № 4. С. 70.

30 гг. XX века. В это время приобретают отчётливые контуры два этнополитических проекта, разработанные с одной стороны в Хельсинки и с другой в Москве и Петрозаводске. Оба они планировали на основе финской нации объединить финно-угорские народы, проживавшие на территории Северо-запада СССР и Финляндии. Эта идея была порождением финского национального движения и уходила своими корнями в XIX век. Именно тогда была обозначена тема «Большой финской нации». Стратегические расхождения при осуществлении данной программы носили в основном политический характер. Москва с опорой на Советскую Карелию стремилась к созданию Великой Красной Финляндии, а правительство Маннергейма вынашивало планы создания Великой Финляндии без коммунистов.³

Проблема советско-финляндских отношений в 30-е годы весьма поверхностно освещалась в карельской периодической печати. Вплоть до начала военных действий в конце ноября 1939 г. на страницах местной периодики мы не увидим ни одной статьи, из содержания которой можно было бы определить стратегические направления внешнеполитической деятельности СССР в отношении Финляндии. Если исследовать общий контекст информационного поля публикаций прессы в первые недели военных действий, то надо, прежде всего, отметить крайнюю дозированность информации. Она целенаправленно формировала идеологические штампы при обозначении причин обострения советско-финляндских отношений и задач войны. Прежде всего, делалась попытка объявить Финляндию агрессором. О лавинообразном нарастании напряжённости в отношении двух государств можно понять по структуре расположения информации на газетных полосах. Следом за статьей под заголовком «Финляндия готовится к войне» в газете «Красная Карелия» от 26 ноября 1939 г., читатель информировался о «наглой провокации финляндской военщины» в районе Манила (27 ноября 1939 г.) и помещалась «Нота Советского правительства по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями».⁴

Генеральная линия всех публикаций в газетах кануна «Зимней войны» была посвящена обоснованию легитимности военных действий Советского Союза против Финляндии. Исходя из марксистского понимания войн как справедливых и несправедливых, схема аргументации в газетных статьях выстраивалась таким образом, чтобы ясно продемонстрировать читателю инициативу самого трудового народа Финляндии в деле изменения существующего строя и свержения режима К. Г. Маннергейма.⁵ В газете «Правда» 1 декабря 1939 года ЦК Компартии Финляндии выступило с обращением о необходимости объединения всех финских трудящихся в Народный фронт для защиты своих интересов, «а к власти необходимо выдвинуть, опирающийся на этот фронт правительство трудового народа, т. е. Народное правительство». На следующий день, 2 декабря 1939 г., «Правда» информирует своих читателей о том, что уже создано Народное правительство демократической Республики Финляндии во главе с О. В. Куусиненом, которое будет опираться на широкий трудовой народный фронт.⁶ При такой схеме читатели должны были осознать, что СССР выступала как союзница трудящихся масс создавших Народное правительство Финляндской демократической республики (далее – ФДР). В договоре о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР провозглашалось, что одним из чаяний финского народа является воссоединение его с карельским народом.

Советский Союз, в связи с этим, обязывался передать часть приграничных земель Карелии, в обмен на территории севернее Ленинграда на Карельском перешейке. Правительственным органам республики поручалось провести разъяснительную работу среди населения о необходимости этого шага. Проблематика и тональность газетных публикаций, в связи с этим, резко изменились. Преобладающими становятся не авторские корреспонденции, а резолюции митингов и собраний населения, одобряющих решения советского правительства. Создавалась атмосфера единодушной поддержки политики СССР и ФДР. Республиканские газеты пестрели заголовками статей, которые должны были разъяснить цели войны: «Карельский народ поможет трудящимся Финляндии построить жизнь по-новому», «Судьба финского народа в надёжных руках», «Карелы помогут финскому народу освободиться от ужасов войны, от гнёта капиталистов», «Стереть с лица земли белофинскую свору».⁷

Манипуляция восприятием происходившего должна была активизировать чувства пролетарского интернационализма и инициировать кампанию поддержки эксплуатируемого финляндского народа. Как пример подобных публикаций, можно привести информацию, помещённую в газете «Красная Карелия», о выступлениях молодёжи Олонца на собрании, которое состоялось 14 декабря 1939 г. Ораторы заявляли о полной поддержке проводимой политики: «Советское правительство проявило исключительную заботу о трудовом народе Финляндии и удовлетворило его вековые мечты о воссоединении с ним карельского народа в едином государстве. Мы, молодёжь, в первую очередь должны передать трудящимся Финляндии практический опыт в работе, чтоб финский народ смело встал на путь новой счастливой и радостной жизни. Исторический договор, заключённый между СССР и Финляндской демократической республикой, является результатом мудрой политики нашей партии и правительства. На нас возлагается большая и ответственная

³ Красная Карелия. 1939. 26 ноября; 27 ноября.

⁴ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 305–306.

⁵ Правда. 1939. 1 декабря; 2 декабря.

⁶ Красная Карелия. 1939. 6 декабря.

⁷ Красная Карелия. 1939. 15 декабря.

задача по воспитанию финского народа в духе пролетарского интернационализма и по поднятию его экономики и культуры на новый высокий уровень. Мы уверены, что с этой задачей справимся».⁸

Характерной для общественных настроений того периода была и резолюция собрания, в которой отмечалось, что «мы с великой радостью одобряем договор о взаимопомощи и дружбе, заключённый народным правительством Финляндии с Советским Союзом. Он ограждает советское государство от внешней провокации любителей войны. С воодушевлением одобряем пункт договора о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом в едином государстве. Этот пункт целиком и полностью отражает ленинско-сталинскую национальную политику и обеспечивает быстрейшую победу финского народа в борьбе против маннергеймовцев. Молодёжь Карелии понимает свою почётную миссию – передать освобождённому народу Финляндии свой многолетний опыт построения радостной, культурной и зажиточной жизни. Мы, молодёжь села Олонец, будем показывать образцы работы».⁹

Таким образом, уже в первые дни военного противостояния была обозначена цель и задан определённый «код» газетных статей. Информационный фон, сама структура публикаций, вводимые идеологические и вербальные формулы – всё неизбежно подводило читателей республики к главной пропагандистской идее тех дней: «Мы помогаем финскому народу в его борьбе за счастливую жизнь против Маннергейма и буржуазии». Спустя 60 лет, современники событий хорошо помнили, что «советское правительство стремилось отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда и обезопасить колыбель революции» (интервью, пос. Пряжа). Особенно подробно об этом говорили жители сельской местности, которая предлагалась Финляндии в обмен на территории Республики Карелия. Одна из респонденток отметила, что осенью 1939 года, учась в Петрозаводске в педучилище, «очень волновалась, неужели после окончания учёбы придётся ехать в Финляндию. Было страшно, ведь говорили, что там реакция. И не я одна такая была. Директор даже собирал собрание, чтобы успокоить нас» (интервью, г. Петрозаводск). В памяти у поколения молодёжи Карелии 30-х гг. XX в. осталась и официально обоснованная причина начавшегося военного противостояния. Каждый из них отмечал, что «воевали с финскими капиталистами. Там реакция была. Всех коммунистов по тюрьмам гноили. Это сейчас – вмешательство во внутренние дела. А тогда мы людей спасали, помощь оказывали» (интервью, г. Олонец), «Да нет, с народом не воевали, воевали с их Маннергеймом и капиталистами. Да сейчас уж все запуталось, с кем воевали и зачем» (интервью, г. Пудож), «Врагами были белофинны, а простой народ – чего с ним воевать» (интервью, пос. Ведлозеро), «Да с финским правительством воевали!» (интервью, д. Салменицы).

Приведённые цитаты из меморатов чрезвычайно интересны по своей структуре. С одной стороны, они несут на себе печать влияния современных идеологических ориентиров: «Давно не думала о той войне с финнами. Сколько лет дружим. Сейчас в газетах о том, что они когда-то врагами были, не пишут. Забываться стало. Помню только, что когда учительница нам газету читала, перед войной или в начале войны – не помню, то там говорилось, что наша страна приходит на помощь финскому народу. Конечно, мы этому верили. Нас учили быть интернационалистами» (интервью, пос. Калевала). «Да сейчас уж всё запуталось, с кем воевали и зачем. Сейчас-то вон как всё переменялось. Рады и сами туда съездить, и к нам зазываем. Но тогда-то газеты писали, что народ очень плохо у них живёт. Гнёт капиталистов! У меня отец всегда газету вслух дома читал, так что я грамотная была. Всё понимала. Финскому народу надо помогать!» (интервью, г. Петрозаводск).

В этой связи интересны упоминания респондентов о том, что после прочтения газетных материалов в годы войны они недоумевали, почему же трудовой народ Финляндии так пассивен: «Мы же за их интересы воевали, а они у себя внутри государства никаких действий не предпринимали» (интервью, г. Пудож). Трудно придумать более яркий пример манипуляции общественным сознанием. На основе формул официальной пропаганды у респондентов, безусловно, сформировалась чёткая психологическая антитеза «свой-чужой»: финский народ, желающий объединиться с карельским – с одной стороны, белофинны, Маннергейм, капиталисты – с другой. Роль периодической печати в создании такой картины происходящего была доминирующая. Но, вместе с тем, периодическая печать Карелии, как и в целом СССР, попала в ловушку собственных пропагандистских построений и лжи. Читатели так и не смогли из материала газет понять, почему же «братский народ» так героически сопротивляется своему освобождению. Свидетели событий, дававшие интервью, прямо говорили: «Хотя, что мы знали? Что напишут в газетах, тому и веришь, о том и помнишь». Это наглядно показывает, что идеологически оформленный официальной пропагандой стереотип восприятия событий советско-финляндской войны у значительной части жителей Карелии был настолько устойчив, что доминировал на протяжении десятилетий и не был пересмотрен даже в связи с масштабными политическими и идеологическими трансформациями последнего времени.

Рассматривая такой идеологически важный вопрос для военного противостояния, как официально оформленный образ врага, необходимо отметить, что на основе транскрибированных интервью мы можем сделать вывод о существенной разнице в содержательной насыщенности воспоминаний жителей городов по сравнению с жителями сельской местности. Именно этот сегмент воспоминаний в наибольшей мере зависел от образовательного уровня респондента, от его политизации, от того, являлся ли он в советское время членом партии и т. д. Вместе с тем, материалы, собранные в ходе интервьюирования, показывают, что не существовало идеологически оформленного и внедрённого пропагандой тех лет в массовое сознание молодёжи образа финна-

⁸ Там же.

⁹ Ругоев Я. Зимняя война и новое заселение Ладужской Карелии // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 412.

врага. Хотя Яакко Ругоев, вспоминая предвоенные месяцы, писал, что в головы буквально «вдавливались» рассказы о тех злодеяниях, которые «белофинские банды и их карельские прислужники творили в Карелии в годы гражданской войны», чтобы вызвать резкую неприязнь к маннергеймовцам». ¹⁰ Однако актуализации исторической памяти населения о преступлениях белофиннов в 20-е годы было явно недостаточно для того, чтобы пробудить пламенную ненависть к врагу. Историки писали, что осенью 1939 – зимой 1940 гг. были задействованы различные идеологические инструменты, использовались разнообразные мероприятия, связанные с пропагандой целей и задач войны. ¹¹ Власть пыталась воздействовать на морально-психологическую атмосферу в обществе, чтобы как можно более полно использовать мобилизующие факторы. Вместе с тем «патриотический угар» на основании личных свидетельств современников событий в период войны 1939–40 гг. в Карелии не наблюдался. Респонденты, участвующие в опросе, не вспоминали отмечаемого, как правило, в начале любого вооружённого конфликта резкого всплеска патриотических чувств. Они говорили о том, что к финнам относились как к военному противнику, но сильной неприязни не было (интервью, г. Петрозаводск, пос. Эссойла, д. Маньга, г. Олонец).

Вне зависимости от пропагандистских усилий власти образ врага как образ, наделённый негативными, отрицательными качествами, в годы войны неминуемо стихийно конструируется на уровне обыденного восприятия, происходящего с каждым отдельным человеком. Военное противостояние инициирует этот процесс, оформляет его. Образ врага символичен и часто формируется общественным и индивидуальным сознанием на основе мифов военного времени, в которых своеобразно преломляется официальная информация о действиях противника, его облике, пристрастиях и т. д. Например, и в городе, и в сельской местности широко бытовали рассказы о поведении финских солдат на территории, перед отступлением. Как правило, респонденты предваряли свои воспоминания об этом словами: «Тогда все об этом говорили ...» или «Все это обсуждали ...» Мы приведём пример наиболее сюжетно оформленного воспоминания о рассказе, который услышал и запомнил мальчик – петрозаводчанин 11 лет. Суть же была такова: «Финские солдаты были очень коварны, очень мстительны. От них всегда можно было ждать подвоха. Когда наши стали наступать, то, оставляя свою территорию, финны всё там минировали. Заходят наши солдаты на брошенном хуторе в дом, а обстановка там сохранилась, никакие вещи не вывезены, всё в полном порядке. Кто-нибудь ради любопытства возьмёт какую-либо вещь посмотреть, а она проводками с миной или гранатой соединена. Люди гибли. Даже в игрушки взрывчатку клали» (интервью, г. Петрозаводск). При сборе интервью были зафиксированы и другие близкие по содержанию мифологизированные воспоминания об изощрённых действиях финских солдат, применявших нестандартные методы борьбы.

Тематически можно выделить в текстах личных свидетельств несколько устойчивых разновидностей мифологизированных сюжетов. Это, прежде всего, услышанные респондентами в годы войны, широко циркулировавшие рассказы о страшных 40-градусных морозах, когда «птицы замерзали на лету» и о финских снайперах-«кукушках». Однако необходимо учитывать, что мифологизация каких-то сюжетных линий в индивидуальной памяти постоянно переплетается с воспоминаниями о конкретных реалиях повседневности. Так, у значительного числа женщин, дававших интервью, воспоминания о небывалых холодах неразрывно спаяны с памятью об их работе в госпиталях, где было огромное количество обмороженных. В силу того, что наши респондентки были тогда подростками, то они в госпиталях оказывали посильную для их возраста помощь: ухаживали за ранеными и обмороженными в палатах и писали письма родным солдатам. Причём, рассказывая об этом, они подчёркивали, что приходилось писать очень много писем не потому, что люди были неграмотны, а «сплошь руки у всех отморожены были». И вид обмороженных воинов для многих девочек и девушек той поры тоже стал своеобразным символом войны. «Как заговорят о финской войне, так у меня сразу перед глазами наши обмороженные солдаты», – отмечали они (интервью, гг. Петрозаводск, Олонец).

Для исследования механизмов формирования в памяти сюжетно-завершённых представлений о происходивших событиях особенно интересны повествования о финских снайперах-«кукушках». В современной историографии сложилось мнение о вымышленности рассказов о финских снайперах и их роли в военных событиях «Зимней войны». Вместе с тем, именно эти сюжеты преимущественно доминируют в спонтанных воспоминаниях современников событий, не участвовавших в боевых действиях, но слышавших рассказы бойцов, вернувшихся с фронта. Мы процитируем наиболее типичные из них: «Братья, вернувшись с войны, рассказывали, что с “кукушками” дело поначалу тоже обстояло неважно, были от них большие потери. “Кукушка” лыжи оставляет под елкой, на “кошках” поднимался вверх, его и не видно было. Сделав 1–2 выстрела, спускался вниз и след простыл. Потом были сформированы в частях специальные подразделения – и ребята научились убивать снайперов, пока они спускались с деревьев» (интервью, г. Кондопога); или «Финские снайперы-“кукушки” принесли нашим войскам ощутимые потери, особенно командному составу, так как наши солдаты были плохо обмундированы, а командный состав был одет в белые полушубки, которые и привлекали снайперов. Для Красной Армии “кукушки” были новостью, но затем наши солдаты научились бороться с ними» (интервью, г. Олонец).

¹⁰ Веригин С. Г. Советская пропаганда на Финляндию в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945. Петрозаводск, 2001. С. 23–24.

¹¹ Красная Карелия. 1939. 8 декабря; 17 декабря.

Насыщенность текста приведённых меморатов достаточно убедительными деталями позволяет утверждать, что вряд ли целесообразно данную информацию о войне относить к разряду чистого вымысла, и она нуждается в дополнительном истолковании. Тем более, что изучение содержания материалов карельской прессы за декабрь 1939 – март 1940 гг. показывает многочисленное использование сюжетов о действиях снайперов-«кукушек» и тотальном минировании местности финскими солдатами. В карельских газетах уже в первую неделю войны наряду с заметками с характерными заглавиями: «Знамя победы скоро взвьётся в Хельсинки» или «Красная Армия теснит белофиннов»¹² начинают появляться материалы о коварстве неприятеля. Публикуя материал, журналисты начинают использовать те вербальные формулы, которые станут затем ключевыми для формирования образа врага в карельской прессе: «уже давно коварный враг минировал поля, дороги, ставил капканы», «враг устраивал пулемётные гнёзда на деревьях» и т. д. Редкая заметка обходилась без упоминания о снайперах-«кукушках» и минировании объектов и территорий.¹³

Уверенный в скорой победе тон статей во многом предопределил настроение общества в первые дни войны. Поэтому в личных свидетельствах у большинства респондентов преобладают очень яркие, картинные образы – символы военного времени, не предвещавшие никакой беды: все отмечают появление в городах (Петрозаводск, Олонец) большого количества воинских частей, некоторые из которых расквартированы в частных домах. Запоминаются красивые офицеры и солдаты; вкусная еда, которой угощают из солдатской походной кухни. Ощущение праздничности и приподнятости в начале войны. Война многими в тот момент воспринималась как интересное событие, которое нарушило монотонность, рутину повседневной жизни. В начале войны в воспоминаниях городской молодёжи практически нет ощущения тревоги. Однако нет и равнодушия к происходящему. Все респонденты были очень внимательными наблюдателями и не упускали из виду новые черты в облике города, где жили: большое число госпиталей, много военного транспорта, войск. Разговоры той поры среди молодёжи, зафиксированные по воспоминаниям, почти зеркально отображают заголовки газетных статей: «Победим за пару недель, к Новому году война кончится». Их только настораживало и удивляло то, что взрослые, как отмечал один из респондентов – петрозаводчанин, которому в 1939 году было 13 лет, отмахивались и ничего по этому поводу не говорили. Отец подростка только задумчиво покачивал головой. «Это очень раздражало, потому что хотелось быстрых победных атак, как в кинофильмах тех лет» (интервью, г. Петрозаводск).

Многие респонденты вспоминали о том непонимании, которое вызывала у них и у окружающих их взрослых родственников и знакомых плохая экипировка войск: лёгкие шинели, тонкие белые маскхалаты, ботинки с обмотками на ногах. Дома открыто это обсуждали и ругали руководство войсками. Именно плохо одетые войска для многих, кто давал интервью, стали символом надвигающейся беды и, когда стали приходить сведения о неудачах на фронте, и прежде всего о том, что, замерзая, гибнут целые воинские подразделения, то в памяти сразу вставал образ солдата в легкой шинели и ботинках с обмотками.

Проблематика и тон газетных публикаций начинает резко меняться после неудач в наступлении войск Красной Армии в конце декабря 1939 г. В силу цензурных ограничений любая информация о провале стратегических планов командования не могла попасть на страницы официальной прессы. В этой обстановке СМИ начали замещать неофициальные каналы информации. О событиях на фронте многие из респондентов узнавали, прежде всего, от самих солдат, проходивших через их населённые пункты или расквартированных там. Огромную роль играли в этот период госпитали, как своеобразные коммуникационные центры, где концентрировалась неофициальная информация о происходивших событиях. В личных свидетельствах представлены яркие тому доказательства. «Я приходила и читала газеты. Госпиталь был, где сейчас железнодорожный техникум, на Анохина. Я сначала почитаю, а потом мы разговаривали. Много чего я там узнала о фронте. Жалко мне всех солдат было до слёз. Что пришлось пережить!» (интервью, г. Петрозаводск).

Огромную роль стали играть слухи. Так, во всех интервью отмечалось, что о событиях в «Долине смерти» под Питкярантой они узнали из неофициальных источников. Сначала преобладали слухи о страшных потерях, о сотнях замёрзших солдат, о не стрелявшем в страшные холода оружии. Затем, об этом стали рассказывать солдаты, попавшие в госпитали, и люди, которые были привлечены для захоронения погибших. Несмотря на то, что ни в одной газете не было информации об этой катастрофе, но для жителей Карелии события в «Долине смерти» остались ключевым воспоминанием о «Зимней войне».

Неформальные каналы информации и слухи восполняли те лакуны, которые появились в прессе. Писать о неудачах на фронте категорически запрещалось цензурой и поэтому информация о делах на фронте прекратилась с конца декабря 1939 г. На газетных полосах размещался материал о подготовке к выборам в местные органы власти, отмечался 20-летний юбилей создания Первой конной армии, давалась информация о повседневной жизни, о подготовке новогоднего маскарада в Петрозаводске. Из газет января–февраля 1940 года, что Республика Карелия является прифронтовой территорией, можно было понять только по рубрике «Подарки трудящихся Карелии бойцам Красной Армии». Она становится постоянной с 8 января 1940 года.¹⁴ Умолчания о реальных событиях на фронте, идущих вразрез со стратегическими планами советского правительства потребовали от СМИ соответствующей корректировки в сфере формирования официальной памяти о «Зимней войне». Пресса, не находя адекватных приёмов, которые заменили бы ура-патриотические

¹² Красная Карелия. 1939. 10 декабря; 11 декабря.

¹³ Красная Карелия. 1940. 8 января.

¹⁴ Красная Карелия. 1940. 4 февраля.

и победные реляции о действиях Красной Армии, перестаёт быть действенным орудием управления индивидуальным и общественным сознанием. Общее содержание заметок о военных событиях на протяжении зимних месяцев 1940 г. сводился к следующим стандартным оперативным сводкам Ленинградского военного округа: «В течение дня на фронте не произошло ничего существенного».¹⁵ Она утрачивает возможность действительно манипулировать воспоминанием и памятью, насаждая официальные политизированные трактовки происходившим событиям.

Победа в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. воспринималась респондентами как закономерность, но чувства особой гордости по этому поводу, как отмечалось в интервью, не было. Скорее было чувство радости и облегчения, что всё кончилось и вернётся мирная жизнь. Был приобретён определённый исторический опыт, для некоторых респондентов, потерявших на войне своих близких, он был травматического характера.¹⁶ Карельская пресса, после публикации информации о мирном договоре между СССР и Финляндией и митингах трудящихся, которые приветствовали новую великую победу сталинской политики мира, целиком переключилась на освещение народно-хозяйственных проблем и задач политического воспитания масс, не возвращаясь более к событиям военной зимы 1939–1940 гг.

Как следствие своеобразного «невнимания» официальной пропаганды к событиям «Зимней войны», мы можем констатировать возникновение феномена, когда население сохранило в памяти свои непосредственные искренние индивидуальные реакции на события, которые корректируют, тестируют на правдивость многие документы официального происхождения. В этих воспоминаниях внутренний цензор практически отсутствовал, и в этом их непреходящее значение. Обычно конформность позиции подавляющего числа населения приводит к тому, что официальные оценки ослабляют или совсем стирают независимые личные представления и реакции отдельного человека. В нашем случае присутствует живая ткань памяти, сформировавшаяся преимущественно только под воздействием индивидуального опыта. «Зимняя война» явилась войной «неизвестной» и до конца не понятой для многих респондентов: не было чётких представлений о причинах, к ней приведших, о событиях на фронте узнавали преимущественно из разговоров, слухов, рассказов раненых или вернувшихся с войны бойцов. Официальная пропаганда в силу сложившейся политической обстановки не успела до лета 1941 года разработать и реализовать программу действий по формированию у населения официальной памяти о военном противостоянии зимы 1939–1940 гг. XX в. Не был определён весь спектр необходимых для этого символов и в газетных публикациях. Тем более, что «Зимняя война» 1939–1940 гг. как война народно-объединительная потерпела поражение.

Военное время неминуемо требует активного формирования информационного поля, насыщенного смыслами, адекватно соотносящимися с целями и задачами официальной политики. Средства массовой информации во время войны активно формулируют модели восприятия происходящих событий через строгое определение информативной насыщенности и обозначение тех лексико-семантических полей, которые, по мнению власти, наиболее серьёзно воздействуют на формирование у населения панорамы и сущностной оценки происходящих событий. Это предопределяет особую значимость периодической печати как одного из главных коммуникативных каналов между властью и обществом.

В настоящей работе не ставилась задача воссоздать всеобъемлющую панораму событий зимы 1939–40 гг. через их отражение в частной жизни гражданского населения. Наши интересы были сфокусированы на определении и систематизации ассоциативных образов-символов исторической памяти, которые спонтанно определяют заданный вектор воспоминаний человека. Мы попытались определить, как публикации прессы направляли и корректировали формирование образа времени в памяти молодёжи Карелии в те военные месяцы, когда длилась советско-финляндская война. Тематический формализованный опрос в ходе сбора интервью, запуская, активируя память, позволил определить наиболее яркие воспоминания о периоде «Зимней войны», которые явились своеобразными координатами и позволили воссоздать в памяти сюжеты, оказавшиеся вытесненными из сознания и забытыми вследствие естественного старения респондентов и вследствие всевозможных жизненных обстоятельств. И среди различных сегментов полей памяти каждого отдельного партикулярного человека – официально сформулированные оценки и трактовки, представленные карельской периодической печатью, занимают относительное меньшинство.

Набор ситуативных позиций и слабая их структурированность в ходе сбора биографических интервью показывают, что в большинстве случаев мы имеем дело с текстами стихийных воспоминаний о военном времени, не пропущенных через строгое цензурное сито, установленное самим информантом. Однако любой дискурс, во время которого велика роль прессы, генетически связан с формируемым образом времени и прочтением его смыслов. Это определяет микромасштаб изучаемой культурной памяти, но её ценности не снижает. Тексты интервью выступают как массовый источник, который служит способом социальной идентификации людей в процессе формирования и функционирования культурной памяти.

¹⁵ Никулина Т. В., Киселёва О. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: взгляд гражданского населения // Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Петрозаводск, 2002. С. 52.

¹⁶ Никулина Т. В., Киселёва О. А. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 327.

Образование Карело-Финской ССР и организация органов местного самоуправления в новых районах республики в 1940–1941 гг.

Тема преобразования Карельской автономной республики в союзную Карело-Финскую ССР в связи с присоединением к ней новых районов, отошедших к Советскому Союзу от Финляндии в марте 1940 г., и создания в этих районах системы органов местного самоуправления, до настоящего времени остается малоисследованной. Однако актуальность её изучения несомненна и связана, во-первых, с открытием доступа к ранее засекреченным архивным материалам периода 1940-х годов и, во-вторых, с необходимостью понимания внутривнутриполитических процессов, происходящих на территории, отошедшей от одного государства к другому, в данном случае на примере Карелии.

Как известно, советско-финская война закончилась 12 марта 1940 года подписанием в Москве мирного договора. По его условиям к Советскому Союзу отошли районы Северного и Западного Приладожья с городами Кексгольм, Сортавала и Суоярви; Карельский перешеек со вторым по величине городом Финляндии Выборгом и Выборгским заливом с островами; территория в районе г. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море.¹ 20 марта 1940 г. председатель Совета Народных Комиссаров, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и уполномоченные президента Финляндии Ю. Паасикиви и В. Войонмаа обменялись ратификационными грамотами. Новая граница была отодвинута в северо-западном направлении на 150 км, т. е. гораздо дальше той линии, до которой дошла Красная Армия к концу Зимней войны.²

Отторгнутые территории составляли примерно 11,1 % от площади Финляндии и 0,22 % от площади СССР. Финляндия лишилась трёх городов – Выборга, Сортавала и Кексгольма, и двух посёлков городского типа – Койвисто и Лахденпохья. Также эта страна утратила 39 сельских общин и частичные территории от 21 волости. Площадь районов, отошедших к Советскому Союзу, составляла примерно 24 700 кв. км.³

На территории, которая была утрачена финнами, проживало около 11,7 % населения страны или 450 тыс. человек. Практически все они переселились за новую границу на запад, поэтому отошедшие к СССР земли остались без жителей.

Результаты советско-финской войны 1939–1940 гг. и присоединение к Карелии новой территории оказали значительное влияние на дальнейшее развитие республики и вызвали большие изменения в её политической и экономической жизни. Шестая сессия Верховного Совета СССР, состоявшаяся 31 марта 1940 г., приняла Закон «О преобразовании КАССР в КФСР».⁴ В соответствии с этим решением внеочередная сессия Верховного Совета КАССР, состоявшаяся 13–15 апреля 1940 г., приняла закон о преобразовании Карельской автономной республики в КФСР, а также о выборах её высших органов власти и избрала конституционную комиссию для разработки проекта конституции Карело-Финской ССР. Преобразование Карелии из автономной республики в союзную означало изменение её государственно-правового статуса, расширение прав в области государственного, социально-экономического и культурного развития.

Основная часть отошедших от Финляндии к Советскому Союзу территорий была включена в состав Карелии, за исключением небольшой полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду. С присоединением новых районов территория Карелии увеличилась до 185,8 тыс. кв. км.⁵

Особо подчеркнём, что в составе Финляндии территория Северного Приладожья и Карельского перешейка административно делилась на губернии, а губернии на волости. После присоединения данного региона к Карелии здесь было образовано 7 новых районов: Выборгский, Кексгольмский, Куркиёкский, Питкярантский, Сортавальский, Суоярвский, Яскинский. Таким образом, количество районов в республике увеличилось с 19 до 26.⁶ Однако вновь созданные районы до выборов в местные Советы депутатов трудящихся сохраняли административное деление на волости.

Одной из приоритетных задач в освоении бывшей финляндской территории стала организация органов местного самоуправления. В качестве органов государственной власти в 7 новых районах сразу же были образованы Временные Управления. Они обязаны были «создать на территории этих районов нормальные условия жизни и обеспечить пуск находящихся там промышленных и культурно-бытовых предприятий» до

¹ Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000. С. 360–361.

² Веригин С. Г. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940–41 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 18–19.

³ Karjalan palautus. Helsinki, 2005. S. 22, 68.

⁴ Веригин С. Г. Итоги советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и образование Карело-Финской ССР // Советско-финляндская война. 1939–1940 гг. : Материалы международной научно-практической конференции (16–17 марта 2002 г.). Петрозаводск, 2002. С. 74.

⁵ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45, 103.

⁶ История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 590.

выборов в местные Советы депутатов трудящихся.⁷ Структурно временные органы управления в новых районах Карелии, как и Советы депутатов трудящихся, состояли из отделов. Так с самого начала организации Временных Управлений в каждом из них был создан финансовый отдел, отдел народного образования, отдел здравоохранения, торговый отдел, земельный отдел, коммунальный отдел и дорожный отдел.

Председателями Временных Управлений были назначены И. И. Иванов (г. Выборг), М. А. Фалькин (Выборгский район), С. М. Максимов (Кексгольмский район), А. Ф. Антонов (г. Сортавала), А. И. Романов (Сортавальский район), Л. П. Жарков (Яскинский район), А. И. Тарасов (Суоярвский район), А. М. Куткевич (Питкярантский район) и А. И. Горбачев (Куркиёкский район).⁸ В целом, к 1 июня 1940 г. на руководящую работу во Временные Управления и их отделы в новые районы КФССР было направлено 73 человека. Кроме этого, главами волостей стали 37 уполномоченных.⁹

Также во всех новых районах временно были созданы оргбюро ЦК КП(б), исполнявшие функции районных комитетов партии. Образовывались здесь также профсоюзные, комсомольские и другие организации.¹⁰

Большую помощь в пополнении кадров руководящих работников оказали Ленинградский обком и горком ВКП(б). По просьбе первого секретаря Карельского обкома партии Г. Н. Куприянова глава Ленинградского горкома А. А. Кузнецов направил для работы в новых районах Карелии 12 опытных партийных и советских работников. Среди них были Г. И. Седов, Н. Я. Панарин, Е. Н. Никифорова, Н. А. Рибковский, С. В. Зеленков, Н. А. Николаев, Л. Е. Генин.¹¹

Политическая жизнь новых районов Карело-Финской республики не стояла на месте. 16 июня 1940 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет КФССР. В них, согласно официальным данным, приняли участие 99,6 % от общего числа избирателей, 98,5 % которых проголосовали за «кандидатов блока коммунистов и беспартийных».¹²

8–11 июля состоялась первая сессия Верховного Совета КФССР. На ней была утверждена Конституция молодой союзной республики, избран Президиум Верховного Совета, председателем которого стал О. В. Куусинен, и образовано правительство Карело-Финской ССР во главе с П. С. Прокконенем.¹³

Преобразования происходили и в других сферах общественно-политической жизни. 24–27 апреля 1940 г. в Петрозаводске состоялся Первый съезд Коммунистической партии КФССР. На нём делегаты обсудили отчётный доклад обкома партии и определили основные задачи партийно-советских органов в связи с образованием союзной республики и вхождением в её состав новых районов, отошедших от Финляндии к СССР по условиям мирного договора 12 марта 1940 г. На съезде были избраны свои руководящие органы. Первым секретарём ЦК КП(б) республики стал Г. Н. Куприянов. А 1–3 июля состоялся Первый съезд комсомола КФССР. Он избрал первым секретарём ЦК ВЛКСМ республики Ю. В. Андропова.¹⁴

В сентябре 1940 г. в новых районах прошли первые партийные конференции, которые подвели итоги работ по освоению этих территорий, определили задачи партийных организаций на будущее и избрали районные комитеты КП(б).¹⁵

В итоге, к осени 1940 г. в новых районах был практически полностью создан аппарат партийных, советских, хозяйственных организаций, частично или полностью восстановлены большинство промышленных и коммунальных предприятий.

В административном устройстве новой территории КФССР в 1940–1941 гг. также происходили некоторые изменения. Указом Президиума Верховного Совета республики от 26 сентября 1940 г. населённые пункты Питкяранта, Уурас (Тронгсунд) и Энсо преобразовали в города с сохранением за ними прежних наименований. Осенью 1940 г. значительным административным изменением на новой территории Карелии стало преобразование волостей в сельские и поселковые советы: в Выборгском районе было образовано 15 сельских и поселковых советов, в Куркиёкском – 13, в Кексгольмском – 12, в Питкярантском – 9, в Сортавальском – 15, в Суоярвском – 10 и в Яскинском – 12.¹⁶

В сентябре 1940 г. ЦК ВКП(б) КФССР принял решение о проведении выборов руководящих партийных органов во вновь организованных районах на территории, отошедшей от Финляндии к Советскому Союзу и присоединённой к Карелии.¹⁷ А 15 октября в КФССР началась избирательная кампания по выборам в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся. В районах, присоединённых к Карелии в марте 1940 г., выборы в местные органы советской власти проводились впервые. К их началу Президиум Верховного Совета КФССР с помощью Временных управлений определил на новой территории

⁷ НАРК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 1/5. Л. 80

⁸ НАРК. Оп. 3. Д. 168. Л. 153.

⁹ Там же. Л. 110.

¹⁰ Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 331.

¹¹ Куприянов Г. Н. Во имя Великой Победы: Воспоминания. Петрозаводск, 1985. С. 15.

¹² История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 590.

¹³ Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 310.

¹⁴ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 592.

¹⁵ Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 313.

¹⁶ Ленинское Знамя. 1940. 3 октября.

¹⁷ Ленинское Знамя. 1940. 7 сентября.

точные границы 7 районов, 7 городов, 81 сельского совета и 6 рабочих посёлков. Здесь должны были избрать 2200 депутатов в 101 Совет.¹⁸

15 декабря 1940 г. настал день выборов. За блок коммунистов и беспартийных проголосовало 98 % избирателей, что было характерно для советской политической системы.¹⁹ Эти выборы завершили на территории новых районов КФССР формирование системы органов местного самоуправления.

Таким образом, отметим, что изменение административного деления территорий Карельского перешейка и Северного Приладожья после вхождения их в состав Карело-Финской ССР, а также создание здесь новой структуры органов местной власти стало важным этапом в деле освоения региона. Несмотря на то, что в короткий межвоенный период вновь образованные органы управления сталкивались с многочисленными трудностями, связанными, прежде всего, с восстановлением экономики новых районов Карело-Финской республики, им удалось наладить эффективное руководство процессом освоения бывшей финляндской территории.

*Шарахаева Е. В.,
Национальная библиотека Республики Карелия*

Выступления сказителя Ивана Трофимовича Рябинина (1890–1902 гг.)

Эта статья посвящена выступлениям второго представителя династии Рябининых-Андреевых – Ивану Трофимовичу Рябину. Из знаменитой династии именно деятельность Ивана Трофимовича на сегодняшний день остаётся наименее исследованной и изученной. До настоящего времени нет монографии о жизни и творчестве Ивана Трофимовича Рябинина. Биографические сведения о сказителе весьма скудны. Собирая их воедино, мы столкнулись с проблемой определения точного года рождения и смерти. Исследователи разных лет указывают следующие года: год рождения – 1833¹, 1844², 1845³; год смерти – 1908⁴, 1909⁵, 1910⁶. Благодаря работе с метрическими книгами актовых записей о рождении, браке и смерти Петрозаводского уезда⁷ в Национальном архиве Республики Карелия удалось уточнить год рождения: «17 сентября 1845 г. [род. сын Иван]. Деревни Потаневской государственный крестьянин Трофим Григорьевич и законная жена его Дарья Петрова. Оба православного вероисповедания»,⁸ и год смерти «30 января 1910 г. Иван Трофимович Рябинин, деревни Восточные Гарницы, Сенногубского прихода. Погребен 3 февраля. Исповедан и причащен Св. Таин. не был по приверженству к расколу».⁹ Подтверждаются данные, которые даны С. В. Воробьевой и авторами буклета. Правда, С. В. Воробьева в книге «Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижь–Сенная губа)» при указании даты рождения Ивана Трофимовича отсылает читателя к метрической книге¹⁰ на лист 441. На самом деле лист 441 соответствует Толвуйскому погосту, графе «умершие», а число и месяц рождения расположены на листе 233. Можно предположить, что в книге сделана опечатка. По поводу вероисповедания С. В. Воробьева сообщает тот факт, что священники скрывали истинное положение с

¹⁸ Ленинское Знамя. 1940. 17 октября.

¹⁹ Степаков В. Н., Балашов Е. А. В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб., 2001. С. 45.

¹ Былины Русского Севера: Сказители Рябинины / ИРЛИЯ (Пушкинский Дом). Л. : Мелодия, 1985. 1 грп.

² Певцы Вересай, Петров, Рябинин (русские самородки в жизнеописаниях и изображениях) : вып. IX. СПб., 1910. С. 38–56.; Виноградов, С. А. Новые документы о выступлениях И. Т. Рябинина // Русский фольклор. Материалы и исследования. М. ; Л., 1960. Т. 5. С. 413; Мулло, И. М. Памятники истории и культуры Карелии. Петрозаводск, 1984. С. 65–66; Календарь памятных дат Карелии: 1994. Петрозаводск, 1993. С. 32–33; Захарова, О. В. Былины. Поэтика сюжета. Петрозаводск, 1997. С. 34.

³ Воробьева, С. В. Родословная сказителей Южного Заонежья (Кижская волость) в контексте проблем усвоения и передачи былинной традиции. Петрозаводск, 2003. С. 9; Воробьева, С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижь–Сенная губа). Петрозаводск : ПетрГУ, 2006. С. 35; Династия сказителей Рябининых. Петрозаводск, [2006]. С. 8–11.

⁴ Мулло, И. М. Памятники истории и культуры Карелии. Петрозаводск, 1984. С. 65–66; Календарь памятных дат Карелии: 1994. Петрозаводск, 1993. С. 32–33.

⁵ Захарова, О. В. Былины. Поэтика сюжета. Петрозаводск, 1997. С. 34.

⁶ Былины Русского Севера: Сказители Рябинины / ИРЛИЯ (Пушкинский Дом). Л. : Мелодия, 1985. 1 грп.; Династия сказителей Рябининых. Петрозаводск, [2006]. С. 8–11.

⁷ Ф. 25. Оп. 3. Д. 4/63; Ф. 25. Оп. 22. Д. 123; Ф. 25. Оп. 22. Д. 128; Ф. 25. Оп. 22. Д. 550; Ф. 25. Оп. 22. Д. 558; Ф. 25. Оп. 27. Д. 771; Ф. 25. Оп. 27. Д. 776; Ф. 25. Оп. 27. Д. 778; Ф. 25. Оп. 77. Д. 788. Метрические книги.

⁸ Ф. 25. Оп. 22. Д. 128. Л. 233. Метрическая книга Петрозаводского уезда. 1845 г. [Кижский погост].

⁹ Ф. 25. Оп. 27. Д. 788. Л. 77. Метрическая книга Петрозаводского и Повенецкого уездов. 1910 г. [Сенногубский приход].

¹⁰ Ф. 25. Оп. 22. Д. 128. Л. 441. Метрическая книга Петрозаводского уезда. 1845 г. [Кижский погост].

расколом в своих приходах,¹¹ а из многих источников известно, что и Трофим Григорьевич и Иван Трофимович придерживались старой веры. С. В. Воробьева объясняет наличие д. Потаневской в актовой записи о рождении И. Т. Рябинина. Она говорит о том, что в 60-е годы XIX в. произошло укрупнение трёх деревень, в том числе и Потаневской, в деревню Серёдка.

Иван Трофимович был одним из двух младших сыновей Трофима Григорьевича. С. В. Воробьева¹² сообщает о том, что из 14 детей он родился последним. В школе не учился, грамоты не знал и обладал удивительной памятью.¹³ Молодые годы провёл с родителями в дер. Серёдка. Впервые женился в 27 лет (1872 г.) на Анне Елизааровне Круговой из деревни Гивеснавалок. В семье Ивана Трофимовича родились пять дочерей, которые умерли, не дожив до трех лет.¹⁴ С родителями жил в течение семи лет женатой жизни. В 1879 г., через некоторое время после смерти жены, Иван Трофимович женился второй раз, на вдове Герасима Яковлевича Андреева, крестьянке соседней деревни Гарницы, — он поселился в её семье. «С тех пор, говорит он, и меня стали звать Андреевым. Семья Ивана Трофимовича состояла из жены, пасынка Ивана (род. 1873 г.)¹⁵, которого он очень любил и держал наравне с родными сыновьями: Василием (род. в 1879 г.) и Павлом (род. в 1881 г.). Часто в зимние вечера или за общей работой, когда Иван Трофимович начинал “отмахивать” старинки и за отцом обыкновенно “тянули по маненьку” его сыновья».¹⁶ Сыновья Василий и Павел знали грамоту. Пасынок Иван служил предметом особой родительской заботы Рябинина, который «растил и поженил его в прошлом году» (1893 г.)¹⁷ ... и ждёт от него в будущем хорошего семьянина и работника: он парень степенный, не пьёт, не курит, и к тому же «попривык старинки и божественные стихи тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод ещё».¹⁸

Исключительная память Ивана Трофимовича поражала всех окружающих: он знал наизусть до 6 000–7 000¹⁹ стихов. Это привлекло внимание учителя словесности Олонецкой гимназии П. Т. Виноградова, который сыграл особую роль в судьбе И. Т. Рябинина, решив познакомить русскую публику с одним из лучших представителей русской эпической поэзии.²⁰ В 1890-х годах Иван Трофимович начинает выступать в г. Петрозаводске и за пределами родного края.

Ниже представляем то, что удалось собрать из книг Е. А. Ляцкого и П. Т. Виноградова и статей «Олонецких губернских ведомостей» с 1890 по 1913 гг., статей Н. Волкова, Б. Грановского, С. А. Виноградова. Материал представлен в хронологическом порядке.

В августе 1890 г. губернатор М. М. Весёлкин во время поездки по губернии искал певца былин. Ему представили Ивана Трофимовича как лучшего сказителя. Скорее всего, в этом же месяце Иван Трофимович «пел на пароходе “Невка” перед начальником губернии и офицерами-морьяками».²¹

В феврале 1891 г. Иван Трофимович пел в Петрозаводске в квартире губернатора.²²

12 марта 1892 г. по ходатайству П. Виноградова и с разрешения директора мужской и женской гимназий г. Петрозаводска, Иван Трофимович пел былины для учащихся. В мужской гимназии он исполнил былинку «Илья Муромец и Калин царь», а в женской — «Поездка Ильи в Киев и Соловей-разбойник».²³

25 марта 1892 г., в Благовещенье, вечером состоялся духовный концерт. В первом антракте выступил И. Т. Рябинин: «... на эстраде появился народный певец, крестьянин И. Рябинин, пропевший одну из русских былин. Под конец пения раздалось в зале дружные аплодисменты».²⁴

¹¹ Воробьева, С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижь–Сенная губа) : по материалам арх. док. Петрозаводск, 2006. С. 41.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Певцы Вересай, Петров, Рябинин (русские самородки в жизнеописаниях и изображениях) : вып. IX. СПб., 1910. С. 44–45.

¹⁴ Воробьева, С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижь–Сенная губа) : по материалам арх. док. С. 37–38.

¹⁵ В книге Е. А. Ляцкого («Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины», 1895 г. С. 9) указывается возраст пасынка и сыновей Ивана Трофимовича, поэтому в скобках год указан приблизительно (*прим. автора*).

¹⁶ Певцы Вересай, Петров, Рябинин (русские самородки в жизнеописаниях и изображениях) : вып. IX. СПб., 1910. С. 44–45.

¹⁷ *Прим. автора.*

¹⁸ Ляцкий, Е. А. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 23. Вып. 4. С. 113.

¹⁹ О 7 000 стихов указывает П. Виноградов: Виноградов, П. Пение былин в мужской и женской гимназиях // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 22. С. 227–228.

²⁰ Виноградов, С. А. Новые документы о выступлениях И. Т. Рябинина // Русский фольклор. Материалы и исследования. М. ; Л., 1960. Т. 5. С. 413.

²¹ Виноградов, П. Пение былин в мужской и женской гимназиях // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 22. С. 228.

²² Там же. С. 228.

²³ Виноградов, П. Пение былин в мужской и женской гимназиях // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 22. С. 227.

²⁴ Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 25. С. 257.

В январе 1893 г. при содействии П. Т. Виноградова Иван Трофимович посещает Петербург, где «8 января выступает в Географическом обществе по отделению этнографии и 15 января в СПб 7-й гимназии».²⁵ Одно такое выступление в Русском географическом обществе в момент пения былин И. Е. Репин запечатлел сказителя. «И. Е. Репин создал не портрет, а композиционный рисунок. Рябинин находится на переднем плане; его характеристика подробна и метка. На переднем же плане выразительно выписаны слушатели. Получается законченная композиция, хорошо передающая атмосферу вечера».²⁶ О пении Рябинина на заседании Отделения этнографии Русского географического общества 8 января 1893 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Иван Трофимович Рябинин выступил перед многочисленным собранием.... Перед началом пения преподаватель словесности П. Т. Виноградов, оценивший Рябинина, как выдающегося рапсода нашего времени, сообщил некоторые биографические сведения о нём. Затем на кафедру вошёл сам Рябинин. Это ещё очень бодрый крестьянин, державший себя совершенно свободно и, по-видимому, нисколько не смущающийся многочисленным собранием... голос его довольно сильный и чрезвычайно симпатичный».²⁷

В январе 1894 г. Иван Трофимович посещает Москву, где выступает с пением своих былин в научных обществах, различных учебных заведениях и на частных квартирах. Вот как отразили эту поездку «Олонецкие губернские ведомости»: «прибывший в Москву уроженец нашей Олонецкой губернии, известный певец былин И. Т. Рябинин, по словам газет, пользуется среди местного общества большой популярностью. Благодаря скромным размерам вознаграждения за труд приглашение певца является доступным не только одним учебным заведениям и обществам, но и частным лицам».²⁸

Обстановка выступлений И. Т. Рябинина была на редкость простой: на середину залы выдвигалась кафедра, ставился стол и стул, на столе возвышался графин с квасом. Рябинин садился на возвышение, а кругом размещались учителя с семьями и ученики, и тогда он начинал свой «сказ» любимых былин про Вольгу и Микулу, про Добрыню и Змея, про Илью Муромца и др.²⁹ Когда он заканчивал сказывать, как правило, его окружали слушавшие и задавали ему вопросы. Во время этой поездки Иван Трофимович получил медаль от Императорского Московского общества естествознания, антропологии и этнографии. В этом же году была сделана попытка записать былин от сказителя. Это произошло в Москве в доме Ю. И. Блока, который и записал на восковые валики былины от Ивана Трофимовича Рябинина. Также «существуют сведения о том, что первые записи сказителя были выполнены в 1892 г. в Петербурге Компанией фонографов Эдисона для Чикагской Всемирной выставки. Их местонахождение неизвестно»,³⁰ но в ходе исследования удалось выяснить и следующую информацию, датируемую 1893 г.: «предполагается в непродолжительном будущем записать былины Рябинина с помощью фонографа и отправить фонограммы на всемирную выставку в Чикаго».³¹ Из этого можно сделать вывод, что два этих источника противоречат друг другу. Исходя из информации, представленной в них, мы предполагаем, что записи, сделанные на фонограф в 1894 г. (т. к. это «непродолжительное будущее» после статьи 1893 г.) и могут являться теми записями, которые могли быть отправлены на выставку в Чикаго.

Ю. И. Блок записал фрагменты былин на фонограф на восковые валики,³² композитор А. С. Аренский — напевы былин, которые впоследствии использовал в фортепианном концерте «Фантазии на темы Рябинина», а Е. А. Ляцкий сделал единственные, на сегодняшний день, текстовые записи вариантов³³ от Ивана Трофимовича.

В 1902 г. Иван Трофимович вместе с П. Т. Виноградовым посещает Петербург, а потом по инициативе П. Т. Виноградова и с одобрения президента АН и академиков А. Н. Веселовского, А. Н. Пыпина и В. И. Ламанского³⁴ они совершают небольшое путешествие по городам России и странам зарубежной Европы. Идея поездки за границу принадлежала Вице-президенту Императорской академии наук Л. Н. Майкову.³⁵

«Олонецкие губернские ведомости» внимательно следили за путешествием Ивана Трофимовича и регулярно сообщали читателям своей газеты о его выступлениях. В № 30 «Олонецких губернских ведомостей»

²⁵ Волков, Н. Особенности языка олонецких былин, сказанных И. Т. Рябининым // Живая старина. 1893. Вып. 1. С. 129.

²⁶ Грановский, Б. Выступление И. Т. Рябинина в Русском литературном обществе // Музыкальная жизнь. 1960. № 18. С. 6–8.

²⁷ Там же. С. 6–8.

²⁸ Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 3. С. 1. (Часть неофициальная. Местная хроника).

²⁹ Певцы Вересай, Петров, Рябинин (русские самородки в жизнеописаниях и изображениях) : вып. IX. СПб., 1910. С. 45.

³⁰ Былины Русского Севера: Сказители Рябининых: исторические записи 1894, 1921, 1926 гг. Л., 1985. 1 грп : 33 об/мин, моно; 30 см.

³¹ Олонецкие губернские ведомости. 1893. № 7. С. 5. («Прав. Вестн.»).

³² Былины Русского Севера. Сказители Рябининых : исторические записи 1894, 1921, 1926 гг. Л., 1985. 1 грп : 33 об/мин, моно; 30 см.

³³ Не считая записи былинного сюжета «Королевичи из Крякова», сделанного Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем. Текст напечатан в сб.: Истомин Ф. М. Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году (1894 г.). (прим. автора).

³⁴ Виноградов, С. А. Новые документы о выступлениях И. Т. Рябинина // Русский фольклор. Материалы и исследования. М. ; Л., 1960. Т. 5. С. 414.

³⁵ Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 98. С. 2–3. (раздел «Местная хроника»).

от 12 марта 1902 г. сообщается, что с неделю тому назад [*т. е. приблизительно 5 марта*³⁶] в Петербург прибыл известный сказитель былин. Кратко сообщается о поездках 1893 и 1894 гг. в Москву и Петербург. Также в этом номере говорится о том, что Т. И. Филиппов, председатель песенной комиссии, «сильно интересовался Иваном Трофимовичем, и благодаря Филиппову, мелодии былин записаны были музыкантами». В конце статьи перечисляется предполагаемый маршрут Ивана Трофимовича: Харьков, Киев, Одесса и за границу – в славянские земли.

5 марта в зале Императорского Географического общества П. Т. Виноградов сделал сообщение о русских народных былинах.³⁷ В этот же день И. Т. Рябинин пел в помещении Русского собрания.

6 и 8 марта Рябинин сказывал былины в Географическом обществе и в Соляном городке.³⁸

17 марта после пения в Мраморном дворце в присутствии августейших хозяев и их детей, великого князя Дмитрия Константиновича и многих приглашённых лиц, Иван Трофимович был награждён великим князем Константином Константиновичем золотыми часами, а великая княгиня Елизавета Маврикиевна пожаловала рапсоду зеркало.³⁹

19 марта, вечером в доме генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, Его Императорское Высочество Государь Наследник Великий Князь Михаил Александрович слушал И. Т. Рябинина. Иван Трофимович пел былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник», «Добрыня и Змей» и духовный стих «Погребение Христа».⁴⁰

24 марта в Зимнем дворце Государь Император, Государыня Императрица Александра Фёдоровна с Августейшими Детями и Великий князь Андрей Владимирович присутствовали на пении былин сказителем Рябининым.⁴¹ Иван Трофимович пел былин «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и «Микула и Вольга». Во время пения «Микулы и Вольги» Государь и Государыня следили за текстом быliny, записанной Гильфердингом от отца Ивана Трофимовича. П. Т. Виноградов давал необходимые объяснения перед пением былин.⁴²

25 марта Его Величество пожаловал большую золотую медаль с надписью «за усердие» для ношения на шее, на Станиславской ленте и золотые часы, на верхней крышке которых – государственный герб, при часах золотая цепочка. Такие же часы пожалованы П. Т. Виноградову.⁴³

С 16 по 23 апреля⁴⁴ Иван Трофимович выступает в Киеве. «По словам местных газет, гостящим в Киеве певцом народных былин И. Т. Рябининым, заинтересовались почти все учебные заведения, по приглашению начальств которых он пел и сказывал былины и духовные стихи в течение всех дней истекшей недели. Он пел в мужских гимназиях, в коммерческом училище, духовной семинарии, фундуклеевской гимназии, частной женской гимназии А. Т. Дучинского и др.»⁴⁵

Из Одессы **24 апреля** пароходом они отправились в Константинополь. В Константинополе Иван Трофимович пел былины у русского посланника И. А. Зиновьева и в русской школе. Далее П. Т. Виноградов с Рябининым направились в Филиппополь, Софию, Ниш и Белград.⁴⁶

27 апреля, вечером, в русском посольстве в Турции, после обеда, на котором присутствовали болгарский министр внутренних дел Лучканов и дипломатический агент Гешов, Иван Трофимович пел былины и имел большой успех.⁴⁷

29 апреля сказитель был в Филиппополе (ныне Пловдив).⁴⁸ В этот же день в зале болгарской мужской гимназии было устроено пение. Рябинин пропел былины: «Илья Муромец и Соловей Разбойник», «Вольга и Микула», «Добрыня и Змей». Слушателей было до 400 из местной интеллигенции. В болгарской газете «Мир» была напечатана следующая корреспонденция, датируемая 4-м мая: «В лице каждого слушателя русских былин и объяснений Виноградовым можно было прочесть чувство благородной гордости, что они присутствуют в братской беседе приехавших из Великой России гостей. Каждый испытывал истинное духовное наслаждение от ласкающих слух народных русских мелодий. Каждый слушатель проникся сознанием, что такие поездки и

³⁶ *Прим. автора.*

³⁷ Олонецкий «сказитель» былин в Петербурге // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 30. С. 2.

³⁸ Российская музыкальная газета. 1902. № 10. 9 марта. Стб. 304 (разные известия).

³⁹ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. Томск, 1906. С. 4.

⁴⁰ Пение былин в высочайшем присутствии // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 40. С. 2.

⁴¹ Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 38. С. 1. (раздел «Местная хроника»).

⁴² Пение былин в высочайшем присутствии // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 40. С. 2.

⁴³ Там же. С. 2.

⁴⁴ Дата пребывания И. Т. Рябинина в Киеве указывается приблизительно, т. к. в 46 номере «Олонецких губернских ведомостей» точной даты нет. Но, располагая текстом, мы делаем предположение, что это ориентировочно с 16 по 23 апреля (*прим. автора*).

⁴⁵ Иван Трофимович Рябинин в Киеве // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 46. С. 1.

⁴⁶ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. Томск : Первая типолитография П. И. Макушена, 1906. С. 4.

⁴⁷ Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 49. С. 1. (телегр. «Российск. тел. аг.»)

⁴⁸ Чистов, К. В. Русские сказители Карелии: очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 94.

встречи должны предприниматься и устраиваться чаще, так как таким путём может упрочиться славянская солидарность».⁴⁹

30 апреля в зале гимназии в Филиппополе Рябинин пел для гимназистов и гимназисток старших классов, а преподаватель Берутчийский давал некоторые объяснения в дополнение к объяснениям Виноградова. «Вечером 30 апреля преподаватели мужской и женской гимназии с префектом Марковым устроили для гостей пикник на горе Бунарджик, где на память была снята фотографическая карточка со всех присутствующих. В речах много было высказано душевных пожеланий со стороны чествующих и чествуемых. Учитель истории и географии, г. Мечков (Митков⁵⁰), пропел былину о Марке Кралевице». С Бунарджика отправились на вокзал и, когда поезд тронулся на Софию, раздались крики «ура». Как пишет П. Виноградов «Рябинин часто вспоминал об отъезде из Филиппополя, говоря: “Эка, парень, как нас славно проводили”».⁵¹

В Софии профессора г. Милетич и г. Шишманов оказали значительное содействие тем, что взяли на себя хлопоты по устройству пения былин в зале Славянской беседы, где **4 мая** вечером было слушателей до 700 человек. У многих присутствующих был номер газеты от 3 мая «Вечерня поща», в которой была напечатана былина «Микула и Вольга», которую Рябинин должен был петь. Перед пением и после пения былин долго раздавались непрекращавшиеся аплодисменты. «Лучшего успеха, – по заявлению г. Милетича и г. Шишманова – ожидать было нельзя». Г. Данев, президент Совета Министров с супругой проводили Рябинина и Виноградова до гостиницы.⁵²

5 мая пение былин было устроено для учащейся молодёжи. Профессор Милетич оказал гостям много услуг перед отъездом. Билеты были взяты до Белграда. П. Виноградов сообщает, что «по прибытии поезда в Ниш, я и Рябинин спали, но были разбужены нашим консулом С. И. Чахотиным и членами русского кружка в Нише, просившими нас погостить у них». Рябинин и Виноградов исполнили это желание.⁵³

Вот что написал 10 мая в своём донесении консул С. И. Чахотин: «5 сего мая, вечером, на пути из Софии в Белград прибыл в Ниш сказитель русских былин, крестьянин былин И. Т. Рябинин, вместе со спутником своим отставным статским советником Виноградовым. На станции он был встречен русским консулом и членами русского кружка в Нише и, вследствие их настоятельной просьбы, согласился пробыть в Нише день-два и пропеть несколько былин для ознакомления местного общества с древним русским народным эпосом. На другой день, **6 мая**, И. Т. Рябинин по собственному желанию пел в здании местной гимназии в кругу учителей и гимназистов и пением своим произвёл сильное впечатление на учащуюся молодёжь. Вечером того же 6 мая в зале местной гостиницы, по инициативе Русского кружка, он пропел несколько былин в присутствии многочисленной интеллигентной публики. Все присутствующие, в том числе и представители местных военных и гражданских властей, живо заинтересовались как русской старинной песней и мелодией её, так и самой личностью певца, произведшего своей скромностью и достоинством неизгладимое на них впечатление. Все были приятно поражены сходством и родственностью, как содержания, так и мелодии русской народной песни с народною сербскою песней и с восторгом аплодировали певцу. За время концерта г. Виноградов давал необходимые объяснения, а один из местных профессоров служил переводчиком. После пения члены Русского кружка в виду бесплатного входа на концерт поднесли певцу и его спутнику по скромному местному подарку на память. Утром **7 мая** И. Т. Рябинин вместе с г. Виноградовым выехал в Белград, унося прекрасное впечатление о симпатичном братском приёме и о самом городе и его достопримечательностях ...»⁵⁴

В Белграде Рябинину и П. Виноградову оказывал содействие русский посол в Белграде г. Чарыков.⁵⁵

8 мая в Королевском театре Белграда в присутствии этнографического отделения королевской академии наук, местных властей, русской миссии, членов русского и славянского клубов, сербской знати, интеллигенции и публики, насчитывающей около 1000 человек, Рябинин пел былины. Заседание было открыто председателем этнографии, профессором Вальтровичем. Профессор университета и президент Сербской АН А. И. Белич прочёл обстоятельный реферат: «О русской народной эпической поэзии сравнительно с сербской». Виноградов в речи, переведённой на сербский язык, «рассказал биографию рапсода и благодарил членов сербской королевской академии наук и публику за оказанную ... честь и пожелал, чтобы в Россию прибыл сербский народный певец, от которого русское образованное общество услышало бы превосходнейшие сербские народные эпические песни».

Рябинин перед пением был встречен бурными аплодисментами и криками «живіо! хвала!». Иван Трофимович пел в этот день стихи об Илье Муромце, былину о молодом Вольге и др. Кроме Рябинина, серб Жуньич, одетый в национальный сербский народный костюм пропел под аккомпанемент однострунных гуслей

⁴⁹ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. Томск : Первая типолитография П. И. Макушена, 1906. С. 4–7.

⁵⁰ Вариант фамилии учителя даётся по статье: Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 98. С. 2–3. (раздел «Местная хроника»). (прим. автора).

⁵¹ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. С. 7.

⁵² Там же. С. 7–8.

⁵³ Там же. С. 8.

⁵⁴ Виноградов, С. А. Новые документы о выступлениях И. Т. Рябинина // Русский фольклор. Материалы и исследования. М. ; Л., 1960. Т. 5. С. 415.

⁵⁵ Солнышкова, А. Рябинин за границей (по частным письмам) // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 64. С. 2–3.

сербские былины: «Как Марко Кралевић уничтожает свадебную пошлину», «Царица Милица и Владимир Воевода». После выступления была сделана фотография на память.

В сербской газете «Либерал» от 9 мая 1902 г. напечатано было следующее: «Мы публично высказываем нашу искреннюю благодарность г. Виноградову и крестьянину Рябинину за их труды, которые дали возможность гражданам сербской столицы услышать русские народные былины в исполнении русского крестьянина. Мы искренно желаем, чтобы подобные братские собрания, как 8 мая в Белграде, содействовали тесному сближению двух братских славянских народов».⁵⁶

Вечером **10 мая** в Малом дворце Рябинин пел былины в присутствии короля Сербии Александра и королевы Драги. На слушание былин были приглашены во дворец члены правительства, учёные и общественные деятели, и представители прессы, всего около 70 (80⁵⁷) человек.⁵⁸ П. Т. Виноградов обратился с краткой речью к Их Величествам на сербском языке и благодарил их от имени всех русских за честь, оказанную русской народной поэзии, в лице сказителя Рябинина. А «после пения король пожаловал Рябинину золотую медаль для ношения на груди “за услуги Кралевоу дому”, как отчеканено на обратной стороне медали. После этого я, Рябинин и гости Их Величествами были приглашены на ужин, а затем присутствовали на танцах и пробыли во дворце до часу ночи».⁵⁹

11 мая⁶⁰ в женской гимназии в Белграде по просьбе учащихся Рябинин сказывал былины в присутствии всей школы. Кроме него, пела сербскую былинку Даринка Иванович «Смерть матери Юговичей»⁶¹, а директор гимназии Пашич пел «Марко Кралевић и Вила».

12 мая они приезжают в Вену.

13 мая Рябинин пел в славянской семинарии при университете, где славист старшего поколения, академик Сербской и Российской Академии Наук⁶² Ватрослав Яичић (Ягич⁶³) давал необходимые объяснения. При пении присутствовали студенты и профессора.

14 мая Д. В. Вергун, редактор «Славянского Века», устроил пение былин в кружке любителей русского языка в присутствии членов русского и румынского посольства, русской колонии и студентов славян.

18 мая в Праге слушали Рябинина около 200 чехов. Я. К. Грубый, редактор газеты «Narodni Listy», дал необходимые объяснения. П. Т. Виноградов пишет, что чехи восторженно отнеслись к Рябинину: «поездка Рябинина вызвала в посещённых городах значительный интерес к русской эпической народной поэзии. Но пребывание за границей тяготило Рябинина. Ему хотелось поскорее вернуться в Гарницы к жене и сыновьям. Памятники зодчества, за исключением Храма Святой Софии в Константинополе, не интересовали его. Родопские и Балканские горы произвели на него сильное впечатление».⁶⁴

В газете «Олонецкие губернские ведомости» за 1905 г. сообщается, что в Праге Рябинин пел в кружке для изучения русского языка 19 мая, а не 18 мая, как даётся в книге П. Виноградова. Предполагаем, что речь идёт об одном и том же выступлении, так как в этой статье говорится о том, что «редактор газеты г. Грубый произнёс речь»,⁶⁵ что слушателей было «около 250 человек, между которыми много профессоров и учителей. Очень многие чешские дамы с г. Виноградовым и Рябининым говорили совершенно правильною русскою речью», что совпадает с данными П. Виноградова. И, следовательно, относим это выступление к 18 мая.

После Праги И. Т. Рябинин и П. Т. Виноградов намеревались заехать в Берлин, и через Варшаву вернуться в Петербург.⁶⁶

20 мая в Варшаве Рябинин посетил супругу покойного П. Н. Рыбникова – Анжелику Константиновну. В её квартире Рябинин сказывал былины для Анжелики Константиновны и приглашённых гостей. «...Слушая пение И. Т. Рябинина, А. К. Рыбникова плакала от радости, вспоминая славное прошлое своего мужа из его жизни в Олонецком крае».⁶⁷

⁵⁶ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. Томск : Первая типолитография П. И. Макушена, 1906. С. 9.

⁵⁷ Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 98. С. 2.

⁵⁸ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. С. 9.

⁵⁹ Там же. С. 10.; так же см. Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 57. С. 2.

⁶⁰ Дата указывается из статьи: Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 98. С. 2–3. (раздел «Местная хроника»). П. Виноградов в своей книге этой даты не упоминает. (прим. автора).

⁶¹ Данный вариант фамилии даётся по книге П. Т. Виноградова, а в статье газеты «Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 98» даётся вариант былины «Смерть матери Гоговичей». (прим. автора).

⁶² Должность В. Ягича даётся по кн.: Чистова, К. В. Русские сказители Карелии: очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 94. (прим. автора).

⁶³ Данный вариант фамилии указывается по статье: Виноградов, П. Былинная традиция Олонецкого края // Сибирские отголоски. 1906. № 10. С. 6. (прим. автора).

⁶⁴ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка. Томск : Первая типолитография П. И. Макушена, 1906. С. 11.

⁶⁵ Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 98. С. 2–3. (раздел «Местная хроника»).

⁶⁶ Солнышкова, А. Рябинин за границей (по частным письмам) : [продолж.] / А. Солнышкова // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 65. С. 2–3.

⁶⁷ Виноградов, П. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и моя с ним поездка / П. Виноградов. Томск, 1906. С. 11.

23 мая сказитель пел в Варшавском университете.

24 мая Иван Трофимович сказывал былины в зале Русского собрания в Варшаве при огромном количестве слушателей.

6 июня Рябинин вернулся в родной край. В прессе его возвращение было отражено статьёй следующего содержания: «его костюм поражал своим набором: крестьянский азам из тёмно-синего сукна и высокие сапоги по колено, а на голове шляпа котелком, в одной руке тонкий шелковый зонтик, в другой небольшой кожаный “сакь-воляж” изящной работы. Худощавое и бледное лицо старика скромно сияло, маленькие кроткие глазки светились: ещё бы! Он прогуливался по родному городу после 3-х месячного отсутствия и прогуливался с медалью на шее, пожалованной ему самим “Царём Батюшкой”, который соизволил вместе с “Матушкой милосердной Государыней” слушать его былинки” про “стародавнюю старинушку”. Во внутреннем кармане старикова азама запрятаны тоже подарки Высоких слушателей: золотые часы (на внутренней стороне крышки надпись – *“Мраморный дворец 17 марта 1902 От Е. И. В. Великого Князя Константина Константиновича”* с венком на верхней крышке и щитом на середине; золотые часы от Государя Императора; золотая медаль от сербского короля Александра небольшого размера, для ношения на груди, на ленте цветов белого с голубым, в полоску. Лицевая сторона медали украшена государственным гербом Сербии с надписью внизу в виде развевающейся ленты: “время и моё право”. На другой стороне медали изображено: “за услуги в Кральевом Дому”. Котелок, зонтик, сакволяж – это подарки от заграничных почитателей. В изящном сакволяжике Рябинин хранит свой “походный снаряд”: липовую ложку, пёстро раскрашенную деревянную чашку и толстый гранёный стакан – положенный супругой для того, чтоб “не обмирщился”, “не опоганился из чужой посуды”... Несмотря на 60 лет голос его сохранил силу и свежесть. Рябинин не только хорошо поёт, но и прекрасно говорит былины “по-словечно”, т. е. декламирует их.

В декламации сильно заметно отчётливое произношение двух особенно высоких слогов каждой строки. Особенно сильное ударение – второе. Кроме былин Рябинин мастерски исполняет духовные стихи, сохраняя для них четыре разнообразных напева. Он знает стихи о Вознесении, Тайной Вечери, Агрике – царе и Николае угоднике, Голубиной книге, Алексее – человеке Божиим, Георгие – храбром и Страшном суде. Рыдающий напев “Тайной Вечери” хватается слушателя прямо за сердце. «...». 7-го июня Рябинин уехал к себе в деревню».⁶⁸

С. А. Виноградов в своей статье обращает внимание на документы дипломатической переписки, связанные с выступлениями И. Т. Рябинина в Сербии. В своём письме министр иностранных дел В. Н. Ламздорф писал 9 июня 1902 г. министру просвещения Г. Э. Зенгеру: «Имею честь препроводить к вашему превосходительству, в копиях, донесения Российского посланника в Белграде и консула в Нише от 22 и 10 минувшего мая, № 50 и 38, в коих содержатся не лишённые интереса подробности о пребывании в Сербии известного сказителя русских былин Рябинина, в сопровождении бывшего преподавателя Петрозаводской гимназии статского советника Виноградова. При этом считаю долгом засвидетельствовать, что г. Виноградов, по почину коего состоялась поездка Рябинина по Сербии, своею полезною деятельностью немало способствовал к укреплению духовной связи между Россией и Сербией ...»⁶⁹

Документы, о которых говорится в статье С. А. Виноградова, дают нам дополнительную информацию о путешествии Ивана Трофимовича и освещают одну из малоизвестных страниц истории русско-сербских связей.

8 сентября в Олонецкой мужской гимназии, 9 сентября в Петрозаводской женской гимназии и 10 сентября в Олонецкой духовной семинарии 1905 г., П. Т. Виноградов, в присутствии начальствующих лиц и учащихся сделал сообщение о своей поездке со сказителем И. Т. Рябининым за границу в апреле и мае 1902 года.

Отмечая огромный успех И. Т. Рябинина, его обаяние, душевную простоту, П. Т. Виноградов упомянул целый ряд выгодных материальных предложений, которые получал сказитель, всегда стремившийся поскорее вернуться в свою родную деревню, в близкую ему обстановку крестьянского быта.

⁶⁸ Солнышкова, А. Возвращение Рябинина на родину / А. Солнышкова // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 68. С. 2–3.

⁶⁹ Виноградов, С. А. Новые документы о выступлениях И. Т. Рябинина / С. А. Виноградов // Русский фольклор. Материалы и исследования. М. ; Л., 1960. Т. 5. С. 413–416.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
Материалы I научной конференции
(16 февраля 2007 г.)

Составитель Н. П. Новикова

© Национальная библиотека Республики Карелия, 2008